

24  
70  
Библиотека для семьи и школы.

Вас. Ив. Жемировичъ-Данченко.

# Гаврюшкинъ плѣнъ.

ПОВѢСТЬ.



Цѣна 65 коп



- НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. Ив. На краю свѣта.** Другъ за друга. Повѣсть для дѣтей. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Въ трехъ частяхъ. Съ рис. Ц. 75 к. 7-е изданіе. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библиот. низш. учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни. (Отнош. № 582, отъ 8 янв. 1911 г.).
- **Гаврюшкинъ плѣнъ.** Повѣсть. Съ рисунками. Ц. 65 к. Изданіе 12-е. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ библиотеки, младшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни. (Отношеніе № 23555, отъ 4 мая 1914 года).—Гл. Упр. В. У. З. одобрена для роти. библ. кад. корпус. (Циркуляръ № 19, 1897 г.).
- **О чемъ рассказывалъ вѣтеръ.** Очерки и рассказы. Изданіе 5-е. Ц. 50 к. У. К. М. Н. П. книга одобрена для ученич. библ. низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебн. заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ. (Ж. М. Н. Пр. № 12, 1900 г.). Гл. Упр. В.-Уч. зав. рекомендована для приобрѣтенія въ библ. кадетск. корпус. для чтенія кадетамъ I, II, III, IV и V классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1901 года).
- **По волѣ Божьей.** Ц. 75 к. 5-е изданіе. У. К. М. Н. П. одобрена для ученическихъ, младш. возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни. (Отношеніе № 23555, отъ 4 мая 1914 года).
- **За Дунаемъ.** Война съ турками за освобожденіе славянъ. 1877—1878 г. Очерки и рассказы для дѣтей. Книжка I. Изданіе 10-е. Ц. 25 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ. (Отношеніе № 19389, отъ 5 мая 1913 года).
- **За Дунаемъ.** Вторая книжка военныхъ очерковъ и рассказовъ для школь и народа. Изданіе 7-е. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ. (Отношеніе № 21539, отъ 19 мая 1913 года).
- **Что было, и что есть.** Рассказы. Ц. 25 к. 4-е изданіе. У. К. М. Н. П. книга одобрена для ученич., младш. возр., библиотекъ средн. и низшихъ учебн. завед. и допущена въ бесплатн. читальни. (Отношеніе № 15378, отъ 26 мая 1910 года).
- **Поднебесный аулъ.** Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Съ рис. худож. К. Чичагова. Ц. 75 к. 7-е изданіе. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ завед. и въ бесплат. народн. библиот. и читальни. (Отношеніе № 34831, отъ 13 дек. 1910 года).
- **Побѣдитель.** Съ рис. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. средн. учебн. завед., город. и высш. нач. учил. (Отн. № 33056, отъ 1 июля 1914 года).

1/244 83  
Библиотека для семьи и школы.

840.  
Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

# ГАВРЮШКИНЪ ПЛѢНЪ.

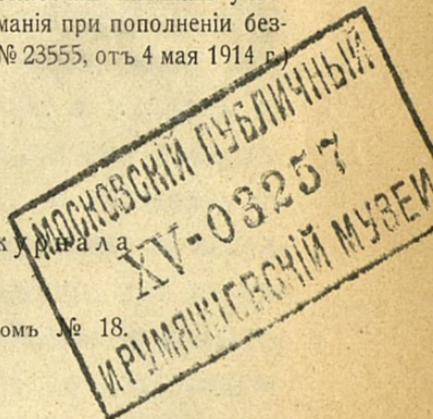
П О В Ъ С Т Ъ .

Съ рисунками художника **К. Н. Чичагова.**

О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній и признана заслуживающей вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ бібліот. и читаленъ (Отн. № 23555, отъ 4 мая 1914 г.)

12-е изданіе редакціи журнала  
„ЮНАЯ РОССІЯ“.

МОСКВА, Большая Молчановка, домъ № 18.



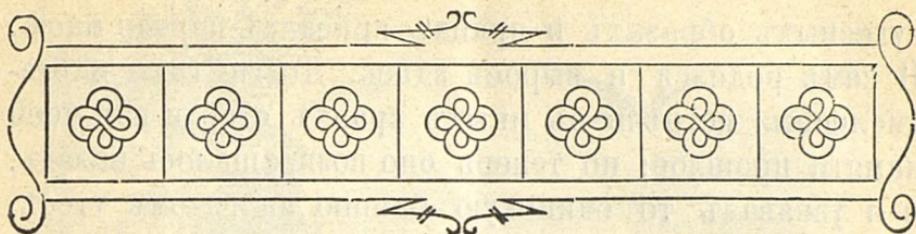
МОСКВА.  
1915.



2007115029

МОСКВА.—1915.

Типо-литографія Русскаго Товарищества Печатнаго и Издательскаго дѣла.  
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телефонъ 18-35.



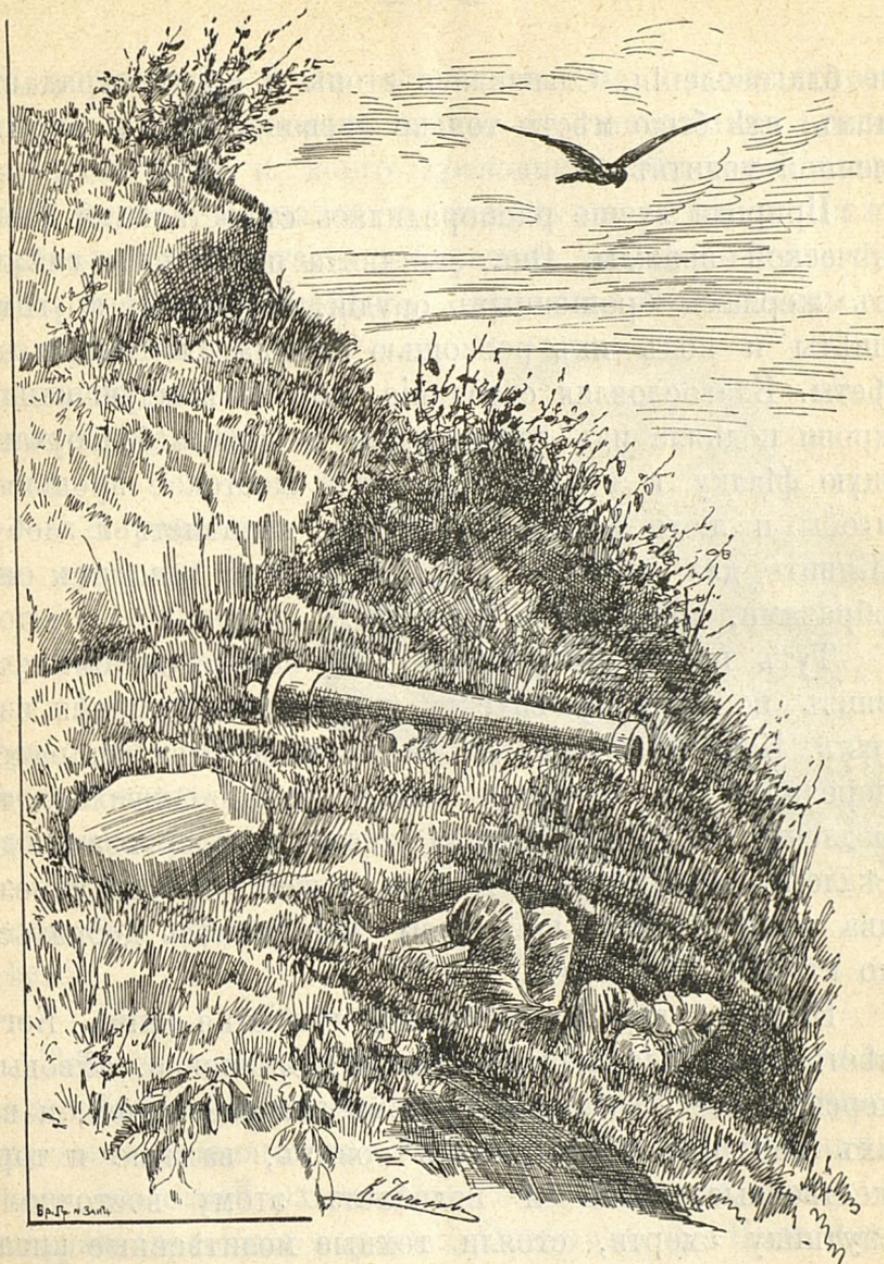
## I.

### Въ старой крѣпости.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мнѣ привелось путешествовать по Кавказу. Изъ Дербента, когда-то жившаго весело и шумно, а теперь позабытаго и, подѣ однообразный приборъ Каспійскаго моря, тихо умирающаго въ своихъ старыхъ стѣнахъ, я выѣхалъ въ свѣжее, росистое утро въ горы. Цѣлые дни я одолевалъ крутизны и ущелья Дагестана, то спускаясь въ прохладныя чащи, притаившіяся у потоковъ, то вползая на пустынные, обнаженныя вершины, гдѣ на самомъ темени ихъ порою мнѣ попадались развалины старыхъ ауловъ. Ночевать случалось то подѣ открытымъ небомъ, сіявшимъ таинственными созвѣздіями, то въ убогой и грязной саклѣ. Тишина была такая, что воображеніе невольно начинало работать, и старыя воспоминанія, полузабытыя, было, воскресали въ

чудесныхъ образахъ и яркихъ краскахъ передо мною. Я самъ родился и выросъ здѣсь. Долгіе годы и безчисленные встрѣчи въ иныхъ краяхъ стерли изъ моей памяти прошлое; но теперь оно возвращалось назадъ, и я узнавалъ то одинокую башню на голомъ утесѣ, то брошенную крѣпость въ горномъ узлѣ...

На восьмой день поѣздки я наткнулся по крутому спуску въ глубокую долину, гдѣ пѣнилась рѣчонка и смутно обрисовывались оставленные укрѣпленія, на забытую горную чугунную пушку. Она одиноко чернѣла посреди цѣпкой, отовсюду поднимавшейся поросли. Голубые цвѣты баятъ-ханы (здѣшней колючки) наполняли жаркій воздухъ благоуханіемъ. Дикая гвоздика съ невиданною роскошью поднимала темно-красные вѣнчики у жадной пасти навсегда замолкшаго орудія. Въ немъ — въ этомъ зловѣщемъ жерлѣ — мерещилось что-то. Я наклонился и взглянулъ, — тамъ было гнѣздо какой-то пташки. Птенцы вывелись и улетѣли, и оно оставалось одно здѣсь среди общаго безмолвія окрестностей. Черный воронъ прилетѣлъ откуда-то, сѣлъ на минуту на сухой стебель кизилеваго куста и высматривалъ оттуда въ долину. И тутъ когда-то кипѣли бои, звенѣли штыки, слышались перекатывающаяся дробь выстрѣловъ, глухое рокотаніе барабановъ и оглушительные удары горныхъ пушекъ. Умирали и убивали подъ этимъ нѣжнымъ и кроткимъ небомъ, улыбающимся безоблачною лазурью и такъ ясно говорящимъ человѣческой душѣ о вѣчномъ мирѣ



Я наткнулся на забытую горную пушку.

и благоволеніи. Слышались стоны и крики страданій тамъ, гдѣ было мѣсто только ласковой пѣснѣ да умиленной молитвѣ.

Природа лучше распорядилась съ остатками чело-вѣческой вражды. Она заставила птицъ вить гнѣзда въ жерлахъ брошенныхъ орудій, выростила кругомъ цвѣты и подъ ихъ роскошью скрыла сломанные лафеты. Благословляя страданіе, она за каждую каплю крови подняла изъ земли робко и сладко благоухающую фіалку и навѣки схоронила жестокое прошлое, чтобы и люди забыли, наконецъ, ненависть и злобу. Живите для любви и добра, — внятно говорить она образами, красками и звуками...

Тутъ не было тропинокъ. Я осторожно съѣхалъ внизъ по крутому спуску, не выпуская уздечки изъ рукъ. Конь то присѣдалъ на заднія ноги и, упираясь передними въ выступы камня, останавливался, то медленно спускался, поводя ушами и подергивая подъ сѣдломъ нервною золотистою кожей. Только черезъ два часа мучительной ѣзды мнѣ удалось добраться до старой крѣпости...

Вокругъ уже поднималась тѣнистая чаща. Богъ вѣсть кѣмъ выращенныя чинары, орѣшники, айвовыя деревья все заполняли кругомъ зеленою тучей, и въ ихъ веселыхъ изумрудныхъ тонахъ, важные и торжественные, какъ и подобаеть этому восточному спутнику смерти, стояли темныя молитвенныя кипарисы... Должно быть, челоуѣка здѣсь давно не было.

Въ вершинахъ и на вѣтвяхъ возились бѣлки, стрекотали и пѣли тысячи птицъ, не отлетавшихъ прочь при видѣ меня и моего проводника. Въ сыромъ логовѣ нехотя поднялся и, отнюдь не спѣша, тяжело переваливаясь, сталъ забираться въ сплошной дубнякъ громадный кабанъ. Очевидно, этой долины — безлюдной и таинственной, — давно не посѣщали охотники.

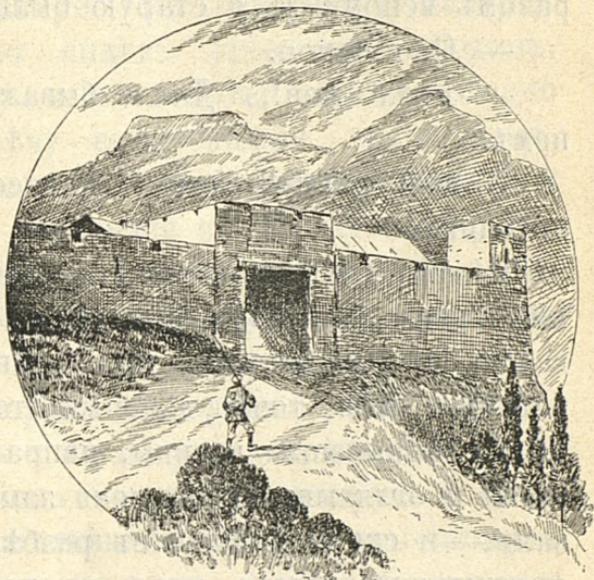
— Неужели и въ крѣпости никого?.. — спросилъ я у проводника.

— А кому быть... Тутъ еще недавно двое солдатъ доживали вѣкъ...

— Что жъ они, — ушли въ другое мѣсто?

— Нѣтъ... Оба умерли...

Теперь и вся забытая крѣпость кажется громаднымъ надгробнымъ памятникомъ надъ ними, съ четырьмя круглыми башнями по угламъ и каменными стѣнами... Вонъ, въ одной изъ нихъ — точно входъ въ пещеру — полуразвалившіяся ворота... Они отперты. Подъ ними сумракъ... Взглядъ невольно ищетъ часового наверху,



Ворота въ одной изъ стѣнъ крѣпости.

солдаты у воротъ, дымка изъ трубъ — и находить только въ правой башнѣ будто старую рану — громадное отверстіе. Рухнули кирпичи здѣсь или Шамиль нѣкогда съ мюридами взорвалъ здѣсь осажденное ими каменное гнѣздо русскаго отряда?..

— Да это не Карабулакское ли укрѣпленіе?—точно разомъ вспомнилъ я старую былъ.

— Оно самое.

— Боже мой!.. Да я бывалъ еще ребенкомъ въ немъ.

Я далъ шпоры коню и понесся черезъ мелкій кустарникъ.

Вѣтки хлестали меня по лицу, вѣтеръ свисталъ мимо ушей, изъ-подъ копытъ во все стороны разбѣгалась и разлеталась перепуганная дичь; какая-то большая змѣя, точно длинный стальной пруть, быстро мѣняя капризные извивы, направлялась къ рѣчонкѣ, шипя и оглядываясь на меня злыми, блестящими глазами,—и скоро лошадь съ разбѣгу кинулась въ воду, неожиданно обдавъ меня ея холодными брызгами... Посрединѣ потока, — коню было по брюхо, — я подобралъ ноги и быстро вынесся на противоположный берегъ... Не прошло и нѣскольکو мгновеній, какъ копыта застучали по плотно убитому булыжнику подъ сводомъ крѣпостныхъ воротъ...

Какъ все мнѣ было знакомо!..

И стѣны, на которыхъ поднялись цѣлыя деревья, и мощные дворы, подернутые травой и кустарни-

комъ, и казармы, выбитыя окна которыхъ теперь зіяли кругомъ, и пороховой погребъ, куда тоже была открыта дверка... Оттуда, при шумѣ нашихъ голосовъ и отъ стука нашихъ коней, трусливо выбѣжали двѣ чекалки и опрометью, поджавъ хвосты и озираясь на насъ, кинулись въ ворота... Люди ушли, — ихъ мѣсто заняли звѣри. Въ одной изъ казармъ совершенно спокойно сидѣлъ громадный филинъ. Мы подошли къ нему почти вплотъ; онъ удивленно повелъ намъ навстрѣчу выпученными, громадными, тѣмъ не менѣе ничего не видѣвшими глазами, и только тогда тяжело поднялся на большихъ крыльяхъ, со слѣпу ударился въ стѣну и случайно вылетѣлъ въ дыру, зіявшую на мѣстѣ давно провалившейся крыши...

Вотъ въ этомъ дворикѣ я игралъ съ Гаврюшкой... И платанъ цѣлъ, что и тогда уже покрывалъ все кругомъ тѣнью. Теперь онъ только еще могучѣе и шире разбросалъ густо облиствѣвшія вѣтви. Подъ чинарою ребенкомъ я часто засыпалъ въ прохладѣ жаркаго дагестанскаго дня. Тутъ же Гаврюшка передавалъ мнѣ по секрету планъ пойти къ „немирнымъ“ и освободить отца изъ плѣна. Я долго считалъ это фантазіями, въ родѣ ковровъ-самолетовъ или сапоговъ-скороходовъ, добрыхъ фей и злыхъ волшебниковъ, о которыхъ слушаешь съ бьющимся сердцемъ, но которыхъ не вѣришь вовсе... И только когда храбрый мальчикъ, дѣйствительно, ушелъ въ горы, мнѣ пришлось при-

знать, что онъ мнѣ не сказки рассказывалъ, а передавалъ завѣтную мысль...

Гаврюшкины приключенія стоятъ того, чтобы на нихъ остановиться.

Съ того дня, какъ они въ руинахъ забытой крѣпости воскресли передо мною яркою и занимательною явлю, я собирался передать ихъ маленькимъ читателямъ... Мнѣ казалось, что во время этого пересказа я буду слышать и тихій голосокъ замурзаннаго, голубоглазаго ребенка, какимъ тогда былъ Гаврюшка, и ласковый, благоволящій шелестъ старой чинары надъ нами, и говоръ горнаго потока у самыхъ стѣнъ крѣпости, бѣгущаго по наметаннымъ имъ сверху камнямъ, изрѣдка хищный клекоть горнаго орла, потерявшагося высоко-высоко въ безграничной и знойной пустынѣ лазурнаго неба...

---

## II.

### Какъ жили въ тѣ времена.

Старая крѣпость тогда еще была молодою. Ее только что поставили въ узлѣ горныхъ проходовъ и кряжей, занятыхъ враждебными племенами. Мы въ тѣ времена, для нынѣшнихъ поколѣній уже историческія, вторгались такимъ образомъ вглубь Кавказа, связывая наши владѣнія одно съ другимъ и,—

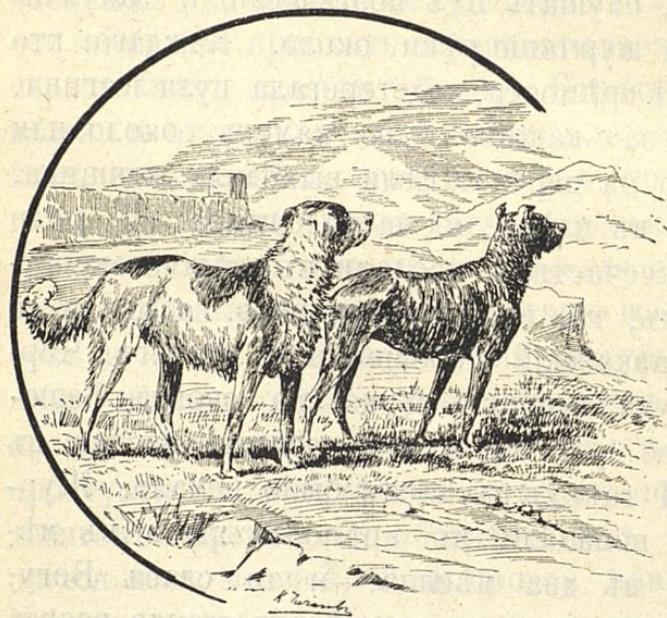
если позволено такъ выразиться,—подавая сами себѣ руки черезъ головы общихъ враговъ. Полурыцарскіе, полуразбойничьи кланы лезгинъ сначала смотрѣли на эти каменные гнѣзда довольно радушно, но потомъ не разъ они кидались на нихъ громадными скопищами, отвоевывая ихъ или пытаясь отвоевать. Малочисленные, но стойкіе гарнизоны, когда могли,—отбивались; если же силы непріятеля оказывались неодолимыми,—взрывали пороховые погреба, самую крѣпость и себя вмѣстѣ съ нею. Сообщеніе съ такими „укрѣпленіями“ было въ высшей степени затруднительно. Какъ простое письмо, такъ и транспортъ съ хлѣбомъ или оружіемъ доставлялись съ „оказіей“. „Оказія“ была исключительно кавказскимъ явленіемъ добраго стараго времени. Это, собственно говоря, оказывался небольшой военный походъ. Впереди везли горное орудіе, за нимъ слѣдовали казаки, справа и слѣва были разбросаны цѣпи пѣхоты въ полной боевой готовности. Позади—взводъ солдатъ, казаки и опять орудіе съ прикрытіемъ. Посрединѣ везли тележки съ почтой, продовольствіемъ, съ ружьями, порохомъ, ѣхали проѣзжающіе офицеры, дамы, слѣдовавшія къ мужьямъ въ крѣпость. Другого способа доѣхать до мѣста не было, потому что на каждомъ шагу васъ сторожилъ зорко горецъ. Лезгины прятались въ оврагахъ и балкахъ по пути, за скалами и камнями горныхъ скатовъ, за стволами деревьевъ, въ вершинахъ ихъ. Только боевой отрядъ могъ пройти

безнаказанно черезъ эти орлиныя гнѣзда, да и то не всегда. Случалось, что его сначала осыпали пулями,— Богъ вѣсть откуда, и, чтобы итти далѣе, солдатамъ приходилось сначала вырубать широкія просѣки, потомъ вдругъ на пути встрѣчались завалы изъ срубленныхъ деревьевъ, да еще вершинами впередъ, такъ что не только проѣхать черезъ эти завалы, но и пройти черезъ нихъ нельзя было. Отрядъ приостанавливался, а оттуда начинался огонь лезгинъ. Въ потемкахъ стараго лѣса, гдѣ наканунѣ только посвистывали иволги да стучали дятлы,—мелькали оборванные черкески босоногихъ лезгинъ, всегда дравшихся пѣшкомъ, красныя папахи и кафтаны шамилевыхъ наивовъ и сухія, фантастическія фигуры, поклявшихся намъ вѣчною ненавистью, мюридовъ... Надо было, прежде чѣмъ двинуться впередъ, взять такой заваль приступомъ и, разумѣется, потерять на это не одинъ десятокъ надежныхъ, обстрѣленныхъ героевъ, свыкшихся и съ поэзіей, и съ прозою кавказской войны. Иногда изъ-за заваловъ сами лезгины, когда они чувствовали свою силу, шли на насъ въ шашки, истребляли всю „оказію“,—забирали телѣги съ провизіей, горныя орудія, уводили ѣхавшихъ къ мужьямъ и отцамъ женщинъ и дѣвушекъ въ плѣнъ, а затерянная въ глухихъ трупобахъ Дагестана крѣпостца оставалась надолго безъ всякихъ вѣстей о дорогихъ и милыхъ людяхъ. Самая жизнь въ такой крѣпости была въ высшей степени тяжела. Нельзя было выйти

погулять за ея стѣны; издали приходилось любоваться, какъ воздушно и нѣжно рисуются голубыя вершины и лиловыя скалы на чистыхъ небесахъ востока. Только съ башенъ можно было дышать благоуханіями, которыя вѣтеръ доносилъ изъ осыпанныхъ цвѣтами рощъ и лѣсовъ, слушать ихъ поэтическій и задумчивый шелестъ и журчаніе рѣки около. Каждого кто показывался внѣ крѣпости, подстерегала пуля лезгина, спрятавшагося за какой-нибудь камень около или ночью влѣзшаго на дерево. Если выходила женщина, ее захватывали въ плѣнъ, и часто близкіе ей люди узнавали, что несчастную продали въ рабство окрестнымъ племенамъ, тѣ, въ свою очередь, сбывали ее черезъ весь Кавказскій перешеекъ на берегъ Чернаго моря, откуда турецкіе купцы на своихъ фелюгахъ увозили ее уже въ вѣчное невольничество въ Малую Азію. И такихъ случаевъ было немало. Журналы и книги попадали въ крѣпость разъ въ мѣсяць или разъ въ два мѣсяца,—и то слава Богу. Дровъ нарубить въ окрестныхъ лѣсахъ стоило всегда нѣсколькихъ человѣческихъ жертвъ.

На ночь изъ крѣпости выпускались особенныя собаки, которыхъ воспитывали нарочно для этой цѣли. Онѣ, какъ люди, числились по ротнымъ спискамъ, и когда такого вѣрнаго сторожа ранила лезгинская пуля или песъ заболѣвалъ, его клали въ лазаретъ и пользовали, какъ солдата. Собаки эти знали свою роту, страстно своимъ собачьимъ сердцемъ привязы-

вались къ боевымъ товарищамъ и на смотрѣ являлись вмѣстѣ съ ними. Какъ только утромъ ихъ выпускали въ крѣпостныя ворота, онѣ уходили въ тѣнь спать, а вечеромъ онѣ сбѣгались къ тѣмъ же воротамъ и по командѣ выходили наружу.



Въ кустахъ онѣ располагались кольцомъ на далекомъ разстояніи передъ нашими секретами, т. - е. солдатами, тоже высланными на ночную стражу. Удивительное чутье этихъ животныхъ позволяло имъ издали открывать подбирающа-

На ночь изъ крѣпости выпускались собаки.

гося лезгина. Такая боевая собака никогда не поднимала шуму изъ-за пустяковъ. Почувявъ врага, она кралась къ нему, кидалась на него и часто душила такъ, что тотъ не успѣвалъ вскрикнуть. Когда непріятеля наступало много, собаки, ворча, отходили назадъ, давая тѣмъ знать нашимъ секретамъ о близ-

кой опасности... Умъ ихъ и вѣрность были выше всякихъ сравненій.

Часто въ такихъ крѣпостяхъ и за стѣнами было безопасно. По окрестнымъ горамъ много скалъ, на крутизнахъ немало деревьевъ. Заберется какой-нибудь лезгинъ-оборвышъ на такое дерево или спрячется въ выбоинѣ скалы и ждетъ. Выйдетъ на площадь въ укрѣпленіи солдатикъ,—тотъ нацѣлится,—сухой и мелкій трескъ раздастся издали, точно вѣтка хруснетъ, и бѣдняга падаетъ раненымъ или убитымъ. Часто нападала на ближайшія племена и кланы охота мириться съ русскими, и вотъ къ воротамъ крѣпости гнали отсюда на продажу овецъ, быковъ, приносили дичь и, главное, джейрановъ, доставляли сыры, молоко, масло, дагестанское сукно,—все, чѣмъ были богаты горные аулы. Это, впрочемъ, не мѣшало на другой же день лезгинамъ залечь въ какую-нибудь балку около и, дождавшись выхода „секретовъ“ изъ крѣпости, вырѣзать „звено“ солдатъ, т.-е. трехъ человѣкъ, расположившихся на сторожѣ, если собаки во-время не открывали предательской засады.

Въ затерянныхъ по захоlustьямъ Кавказа крѣпостямъ даже и женатыхъ было немного. Невѣсты того времени избѣгали выходить за офицеровъ, запертыхъ въ такія каменные гнѣзда, и семейные люди избѣгали службы въ нихъ, какъ огня. Овдовѣвшая солдатка дѣлалась тутъ офицершей, а какая-нибудь рябая прачка, Матрена, выйдя за майора, титуловалась „вашимъ

высокоблагородіемъ“. Между солдатами тоже было немного женатыхъ. Такъ что, когда за нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ нами событій сюда явился унтеръ-офицеръ Сергѣй Лоповъ съ женою и сыномъ Гаврюшкой,—они едва ли не были здѣсь единственными представителями настоящей семьи. Гаврюшку баловали всѣ. Больше ребятъ въ крѣпости не оказывалось. Лѣкарь училъ его грамотѣ, священникъ—Закону Божьему, и отецъ, смѣясь, говаривалъ:

—Смотри, Гаврюшка, этакъ ты скоро умнѣй меня выйдешь.

Скоро, впрочемъ, семью постигло несчастье.

Мать Гаврюшки, ходившая стирать бѣлье на рѣчку у крѣпостныхъ воротъ въ мирные промежутки крѣпостного сидѣнья, какъ-то простудилась и схватила лихорадку. Лѣкаря ея закормили хининомъ, пускали ей кровь и продѣлали все, что слѣдовало по научному церемоніалу того времени. Тѣмъ не менѣе ничто не помогло бѣдной женщинѣ, и осенью она умерла, оставивъ Гаврюшку на попеченіе цѣлой крѣпости. Солдатку похоронили у крошечной церкви, посадили надъ нею розовые кусты, и въ слѣдующую же весну они зацвѣли и наполнили все кругомъ нѣжнымъ и сладостнымъ ароматомъ.

---

### III.

#### На рубку.

За зиму почти всё дрова крѣпость сожгла.

Нужно было запастись топливомъ, дѣло серьезное, потому что съ недавняго времени окрестные аулы точно перебѣсились. Цѣлый мѣсяць передъ тѣмъ спокойно торговали съ русскими, пригоняли барановъ, мѣняли свои сукна, пистолеты, кинжалы, скоть на чай и сахаръ, а тутъ вдругъ, будто отрѣзало. Ни одной партіи съ горъ не являлось къ воротамъ; на охотниковъ, бродившихъ по лѣсамъ, нападали; по самой крѣпости сверху открывали огонь, и по ночамъ лай сторожевыхъ собакъ обнаруживалъ по захолустьямъ кругомъ бродячія шайки хищниковъ, сторожившія наши секреты изъ своихъ засадъ.

Поэтому и рубку лѣса надо было сегодня устроить, какъ настоящее боевое предпріятіе.

Солнце поднялось надъ горами. Вершины ихъ кругомъ горѣли, какъ алтари, посреди голубого простора. Казалось, на каждомъ утесѣ, взобравшемся на ихъ темя, были разложены жертвенные костры, и пока внизу, въ долину, еще клубился сизый туманъ, кутая лѣса и рощи и тихо волнуясь подъ легкимъ дыханіемъ просыпавшагося вѣтерка, — тамъ, наверху, уже сверкалъ, лучился и теплился, обѣщавшійся сдѣлаться знойнымъ, безоблачный день грознаго Дагестана.

Когда мгла мало-по-малу поднялась и разсѣялась, утесы погасли, точно жертвенные костры, ихъ подернуло сырымъ налетомъ золы. Зато на чистыхъ небесахъ воздушными и стройными силуэтами обрисовались каменные аулы со своими саклями, похожими на башни, съ тонкими минаретами мечетей и одинокими деревьями, съ величайшимъ трудомъ выращенными надъ площадями, гдѣ собирались народные суды — джамааты.

Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что разстоянія казались удивительно близкими, хотя до ближайшаго изъ этихъ ауловъ было не меньше цѣлаго дня пути. Собиравшіеся на крѣпостной площади солдаты видѣли спускавшіяся по обнаженнымъ каменнымъ скатамъ партіи лезгинъ и, по-своему, соображали: „азіаты-де на разбой двинулись. Должно быть, про рубку лѣса пронюхали бритые черти, и свинцовые гостинцы несутъ къ намъ“.

— Жарко будетъ, — шопотомъ проговорилъ старый солдатъ, обращаясь къ Сергѣю Лопову.

— Не впервой...

Гаврюшка путался тутъ же...

— Тятка, а, тятка!..

— Чего тебѣ... пузырь?..

— Возьми и меня.

— Куда это?

— А лѣсъ рубить...

— Работникъ, тоже! — засмѣялись солдаты. — Тебѣ бы съ мурашами воевать...

— У меня топоръ...—показывалъ онъ на деревянную игрушку, сдѣланную ему старымъ пластуномъ Остапенко.—Я этимъ топоромъ страсть сколько лѣсу повалю...

— А ты пойдѣ къ коменданту, попросись!

— И попрошусь.

— Онъ на тебя такъ цыкнетъ!

— Неправда... Онъ добрый.

Для мальчика здѣсь, разумѣется, всѣ оказывались добрыми, и даже у грознаго майора Скуратова, котораго трепетали солдаты, Гаврюшка находилъ только ободряющую улыбку.

— Поди-ка, поди-ка къ нему. Ишь, вонъ за воротами-то по рѣкѣ какія лозы...

— Ну?—заинтересовлся Гаврюшка.

— Про тебя выросли...

— Зачѣмъ?

— А чтобы стегать.

— Неправда!—тотчасъ же возмутился ребенокъ,—  
Еще и лозъ-то такихъ нѣтъ.

Пока солдаты „стояли вольно“, имъ болтовня съ Гаврюшкой была развлеченіемъ. Но не успѣлъ мальчикъ еще и разойтись и показать, какъ именно онъ будетъ рубить лѣсъ, куда теперь долженъ былъ пойти тятка, какъ фельдфебель крикнулъ:—„Смирно“,—и на крыльцѣ дома показался Скуратовъ... Солдаты подтянулись и замерли. Гаврюшка, котораго никто не обижалъ, вдругъ, самъ не зная почему, струсиль и точно къ землѣ приросъ... А въ маленькой головѣ

его неустанно работала опасливая мысль, „а вдругъ-да и про него такія лозы, чтобы имъ пусто было, выросли. Неровень часъ!..“ И, хоть проходя мимо, старый майоръ и потянулъ его, шутя, за лохмы, но Гаврюшка не поддался на эту ласку.

— Ты куда это, малышъ, собрался?

Гаврюшка долго молчалъ и сунулся.

— Ишь, воинъ!.. Съ топоромъ тоже. Шелъ бы въ складъ,—съ крысами воевать, да кстати съ собою на помощь Ваську-кота прихвати. Вонъ онъ на крышѣ,—соскучился по тебѣ.

Мальчикъ упорно смотрѣлъ въ землю, думая совсѣмъ о другомъ: „и зачѣмъ это Богъ лозу растить, кому такая пакость нужна“!

Когда майоръ отошелъ отъ него къ фронту безмолвныхъ солдатъ, Гаврюшка тихо-тихо, бочкомъ, перебрался къ воротамъ и только тамъ вздохнулъ по-свободнѣе. Ему не было слышно, о чемъ комендантъ говорилъ съ ротою, только доносились громкіе, словно рубленые по слогамъ отвѣты команды: „здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе“, „рады стараться, ваше высокоблагородіе“, и т. д... Стоя въ тѣни воротъ, Гаврюшка видѣлъ, какъ рота повернула „налѣво кругомъ!“ и „скорымъ шагомъ—маршъ!“ двинулась вонъ изъ крѣпости. Тутъ ужъ Гаврюшка не совладалъ съ собою. Онъ приступилъ къ отцу и, сдѣлавъ топоромъ „ружья вольно“, засѣменилъ за нимъ, точно и впрямь былъ настоящимъ солдатомъ...

— Смотри... Веди себя!—напутствовалъ его Сергѣй Лоповъ.

— Ладно!—коротко отвѣтилъ Гаврюшка.

— Не шкодъ... коли нашкодишь,—вернусь, оттрепаю за уши...

— Еще чего?—обижался мальчикъ.

Но тутъ отецъ вдругъ наклонился, поднялъ его на руки, крѣпко поцѣловалъ и перекрестилъ... Неровенъ-де часъ,—еще и вернешься ли! Пойти-то пойдешь,—а вотъ назадъ дорога не всѣмъ одинакова!

— Прощай, Гаврило Сергѣичъ!—смѣялись солдаты...

Гаврюшка долго смотрѣлъ вдаль, гдѣ исчезали сѣрые ряды, надъ которыми ярко сверкали острее отточенныхъ штыковъ. Вонъ проскрипѣли за ними возы для дровъ. Сѣрко,—любимая Гаврюшкина лошадь, заржала, еще издали чувствуя нервно подергивавшимися ноздрями свѣжесть и прохладу росистаго лѣса. Потомъ мальчишка задумчиво поднялъ камень, запустилъ имъ въ ворону, каркавшую ему что-то съ дерева, еще разъ покосился на „лозы“,—ишь-де какія онѣ... поди, больно?..—и, замѣтивъ, что ворота опять собираются запирать, живо юркнулъ туда. Онъ кстати вспомнилъ, что Васька вчера оцарапалъ его, и это оскорбленіе еще оставалось не отомщеннымъ. Надо было поскорѣе свести счеты съ путешественникомъ по крѣпостнымъ крышамъ и амбарамъ.

#### IV.

### Въ лѣсу.

Чудною свѣжестью охватило отрядъ, когда онъ вступилъ въ сплошное царство стараго лѣса. Передъ нимъ далеко шла широкая просѣка, ужъ вырубленная ранѣе для движенія нашихъ экспедицій; теперь надо было ее продолжить впередъ. Такимъ образомъ достигались сразу двѣ цѣли: и добывалось топливо, и являлся доступъ въ горы для русскихъ. Солнце заливало своимъ золотымъ свѣтомъ только одну сторону просѣки, другая вся тонула въ изумрудной тѣни. Правый флангъ (край) отряда уходилъ въ нее, лѣвый весь точно былъ освѣщенъ огнистымъ сіяніемъ.

Давно, казалось, не было такого утра. Лѣсъ весь сверкалъ, лучился и пѣлъ милліонами голосовъ. Онъ оживалъ каждою вѣткою, трепеталъ каждымъ листкомъ. Нельзя было придумать болѣе причудливыхъ оттѣнковъ, которые тутъ колыхались повсюду, куда только проникалъ солнечный свѣтъ, точно клочки пламени взбѣгали по старымъ стволамъ и обнаженнымъ прогалинамъ, голубыми и красными огоньками вспыхивали цвѣты въ травѣ. Тысячи птицъ съ головокружительною быстротою мелькали въ деревьяхъ, наполняя все кругомъ своимъ чириканьемъ, стрекотомъ, щебетаніемъ, свистомъ и тѣми нѣжными, меланхолическими нотками, отъ которыхъ сразу и сладко,



Рубка лѣса отрядомъ.

и грустно дѣлается человѣку. Концы штыковъ тамъ, гдѣ солдаты выходили подъ солнце, точно загорались, медленно двигавшееся впереди мѣдное орудіе казалось ра скаленнымъ...

Часа черезъ полтора, когда жара стала замѣтнѣе и тѣни лѣса уже укоротились, просѣлка окончилась. Отсюда начиналась новая работа. Командовавшій маленькимъ отрядомъ офицеръ выслалъ казаковъ впередъ освѣтить мѣстность, т.-е. разузнать, нѣтъ ли тамъ опасности, и далъ солдатамъ передохнуть... На первый взглядъ, взятая имъ предосторожность казалась излишней, — лѣсъ такъ былъ тихъ, миренъ, спокоенъ, что и въ голову не могла прийти мысль о человѣческой ненависти, о засадѣ; но офицеръ былъ старымъ кавказскимъ воробьемъ и зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Кажущееся безмолвіе его не обманывало, и, по привычкѣ, онъ искалъ врага не тамъ, гдѣ тотъ могъ быть, а тамъ именно, гдѣ ему, по всѣмъ вѣроятіямъ, невозможно было схорониться. Солдаты скоро взялись за топоры, выставивъ впередъ и назадъ, и по сторонамъ сторожевыя цѣпи, т.-е. часовыхъ въ полной боевой готовности, на всякій случай.

И, дѣйствительно, не успѣли зазвучать топоры по старымъ, корявымъ стволамъ лѣсныхъ великановъ, работа не разгорѣлась еще и не наполнила лѣса своимъ веселымъ шумомъ, какъ гдѣ-то далеко-далеко вдругъ точно хрустнула сухая вѣтка, и въ отвѣтъ тотчасъ же послышались два такихъ же выстрѣла.

— Ишь, гололобые! — проворчалъ Сергѣй Лоповъ. — Начинаютъ...

— Да, братъ, завели музыку, азіаты!

— Чтобъ веселѣй рубить было... съ музыкой-то...

Солдаты смѣялись, хотя каждый, нѣтъ-нѣтъ, да озабоченно и взглянетъ туда, гдѣ только что погасли выстрѣлы... Хорошо, если этимъ и ограничится!.. Спокойствіе лѣса обманчиво. До сихъ поръ еще ни одна рубка не обходилась безъ несчастія...

Острое желѣзо топоровъ безошадно впивалось въ старую кору. Во всѣ стороны летѣли щепы, обнажая болѣе крѣпкое дерево раненаго на смерть дуба. Съ его вершины отлетали прочь вспугнутыя стаи всякой мелкой птицы; бѣлки перескакивали на другія деревья рядомъ; птицы, вившія себѣ гнѣзда въ его надежной чащѣ, поднимали отчаянный гомонъ, и только, забравшіеся въ самую темень, хищники глупо жмурились, не безпокаясь ни о чемъ...

Чу!.. справа что-то точно доску на доску кинуло, — грянуло и замерло, и тотчасъ же свинцовый шмель съ тихимъ жужжаніемъ пролетѣлъ мимо рубившихъ дерево солдатъ. Слѣва повторился этотъ звукъ... И опять все спокойно, предательски спокойно. Должно быть, лезгины, какъ птицы, забрались на деревья и оттуда нижутъ лѣсъ пулями. Офицеръ озабоченно всматривается туда... Но кто же въ листьѣ, густой и переплетающейся въ непроницаемые куполы, различитъ притаившагося за нею горца? Только онъ изъ своей норы точно нащупываетъ васъ концомъ дула... Опять выстрѣлъ, и часовой въ цѣпи тяжело падаетъ внизъ лицомъ, въ землю...

— Что тамъ... тронуло?—спрашиваетъ офицеръ.

— Нѣтъ... убило, ваше благородіе!

— Кого?

— Спиридонова...

Всѣ тихо крестятся. Сергѣй Лоповъ занесъ топоръ, да такъ и замеръ. Землякъ былъ покойный. Оба они костромичи... Царство ему небесное... Всѣ знали убитаго за хорошаго товарища... Новая пулька ударила прямо въ яркую мѣдь орудія, — и оно громко звякнуло въ отвѣтъ на это боевое привѣтствіе.

Вотъ издали быстро несутся казаки. Одинъ совсѣмъ къ лукъ пригнулся и мотается...

— Что тамъ... много непріятели? — спрашиваетъ офицеръ.

— Видимо-невидимо, ваше благородіе.

— У васъ, у казаковъ, всегда „видимо - невидимо“, — съ неудовольствіемъ ворчалъ старый кавказецъ. — Что съ тобой, Ахремовъ? — спрашиваетъ онъ болтающагося въ сѣдлѣ всадника...

— Чиряпнуло!..

— Куда?

— У мясо, ваше благородіе... Кость не тронуло! Въ плечо!..

— Сойди съ сѣдла... Фельдшеръ тебѣ перевяжетъ...

Ну, гдѣ лезгины?

— Съ этой стороны идутъ, ваше благородіе... Скоро здѣсь будутъ... Съ ними одинъ верховой, — въ красномъ.

— Шамилевскій наибъ?

— Точно такъ... Валомъ валить...

Предательское очарованіе лѣса было разомъ нарушено. Вдругъ смолкли птицы. Издали можно было бы увидѣть, что онѣ высоко поднялись цѣлыми тучами и перелетаютъ въ другія мѣста, подальше отсюда. Ихъ пѣніе смѣнилось частою дробью выстрѣловъ... Кажалось, изъ-за каждаго ствола мелькаютъ дула самодѣльныхъ лезгинскихъ ружей. Выстрѣлы смѣнили недавній стрекотъ птицъ. Пули засвистали, съ зловѣщимъ шорохомъ пробивая листву деревьевъ. Справа онѣ, точно градъ, падали на работавшихъ. Впереди между стволами мелькали сѣрыя фигуры оборванныхъ враговъ, и оттуда слышалось: „Алла-Алла“!..

— Продолжать работу! — командовалъ офицеръ. — Прикрытіе, стройся въ ряды!.. — Ну-ка... картечью ихъ... Пли...

Мѣдная пастъ крикнула во весь лѣсъ и брызнула передъ собою убійственнымъ ворохомъ картечи... Впереди сѣрыя фигуры точно смело. Зато онѣ начали насѣдать справа... Скоро туда, съ ружьями наперевѣсь, кинулись наши... Загорѣлся настоящій, обычный въ тѣ суровыя времена, бой, подъ звуки котораго поспѣшно и нервно стучали топоры. Солдаты работали. Порою, заглушая всѣ голоса ожесточенной битвы, медленно, съ стихійнымъ шорохомъ и трескомъ, валилось на землю громадное подрубленное дерево.

У.

### Гаврюшкины подвиги на крышѣ.

Оставшись одинъ, Гаврюшка сначала живымъ манеромъ набралъ въ карманъ каменьевъ помельче, которые онъ называлъ картечью, потомъ швырнулъ въ окно казармы, гдѣ онъ жилъ съ отцомъ, сапоги, потому, во-первыхъ, что лезгинскіе байгуши на разбой всегда босикомъ ходятъ, а, во-вторыхъ, — высмотрѣть и наказать врага въ его неприступныхъ позиціяхъ въ сапогахъ никакъ не ухитришься. Кончивъ съ этимъ, онъ началъ наигрывать на губахъ извѣстный въ тѣ времена сигналъ, исполнявшійся трубачами въ крѣпости:

Дружина храбрая впередъ,  
Дирекція направо...

При чемъ, разумѣется, самъ не понималъ, что такое, во-первыхъ, „дружина“, а, во-вторыхъ, — „дирекція“. Послѣднее слово употреблялось въ смыслѣ направленія, котораго слѣдовало держаться при атакѣ. Предупредивъ, такимъ образомъ, невѣдомо гдѣ пребывающаго врага своего, Ваську, объ открытіи военныхъ дѣйствій, онъ взялъ палку, изображавшую ружье, положилъ ее „вольно“ на плечо и пошелъ по дворамъ и площадкамъ маленькаго укрѣпленія.

— Ты это куда, Аника-воинъ? — встрѣтилъ его докторъ.

Гаврюшка, было, сконфузился.

— На страхъ врагамъ?.. А? Ахъ, ты, пузырь, пузырь... Ужотка, какъ побѣдишь непріятеля, приходи ко мнѣ, — чаемъ напою...

— Ладно...

Еще два три двора прошелъ Гаврюшка, зорко высматривая крыши; но Васьки не было. Всѣ излюбленные имъ мѣста оглядѣлъ: — тутъ вотъ избалованный ротный котъ на солнцѣ грѣтся; тамъ у стѣны сидить, слушая, какъ мыши возятся въ подполицѣ; отсюда выслѣживаетъ торжественный выводъ изъ конюшни козла Терентьича, прозваннаго такъ за важность, и кидается передъ нимъ, поднявъ хвостъ кверху, — точно адъютантъ передъ генераломъ; здѣсь подъ окномъ скулить, чтобы комендантскій поварь бросилъ ему что-нибудь... Гаврюшка даже кликать его сталъ, — но Васька точно въ воду канулъ...

— Ахъ, ты дрянъ этакая!.. Непремѣнно гдѣ-нибудь близко стоитъ и надо мною смѣется. Ну, погоди!..

Хотѣлъ, было, уже въ садикъ бѣжать, какъ вдругъ остановился, какъ вкопанный, — и было отчего... По косяку крыши, съ самымъ невиннымъ и даже добродушнымъ видомъ, опустивъ предательскій хвостъ, чтобы не выдать своего волненія, мурлыкая и жмурясь, тихо-тихо крался Василій Ивановичъ, припадая на животъ и иногда замирая на цѣлыя минуты.

Гаврюшка боялся даже дышать, — так его заняла стратегія кота...

На краю крыши, тоже, повидимому, не обращая на Василя Ивановича никакого вниманія, кокетливо и весело подпрыгиваль и охорашивался жельтенькїй чирикъ; чирикаль задорно и громко, на что ему изъ чащи платана отвѣчали другіе пернатые артисты того же рода; чистиль у себя клювомъ подъ крылышками, при чемъ пресмѣшно растопыриваль ихъ для этого, точно иной человекъ пятерню. На кота онъ, повидимому, не обращаль никакого вниманія, какъ настоящій избалованный пѣвецъ — на своего вѣрнаго поклонника. Нужно отдать справедливость и Васькѣ: онъ отлично играль роль любителя музыки.

Вся его пушистая морда изображала истинное восхищеніе... Онъ даже изрѣдка апплодироваль хвостомъ по крышѣ — тукъ-тукъ-тукъ, — а глаза отъ восторга у него ходили совсѣмъ, точно ихъ на этой усатой фізіономіи никогда и не бывало. Подобравшись къ крылатому артисту на аршинъ, Васька совсѣмъ припаль къ косяку крыши и распластался и вдругъ, какъ камень изъ пращи, кувыркомъ кинулся на птичку, всѣми четырьмя лапами въ воздухъ, — совсѣмъ драконь-дракономъ, такимъ, какимъ ихъ изображаютъ на китайскихъ знаменахъ. Но чижъ оказался тоже не промахъ. Должно быть, предвидя воинственный азартъ своего „поклонника“, въ самый рѣшительный моментъ онъ вспорхнулъ и даже насмѣшливо чирикнулъ ему

на прощанье. Зато бѣдному коту пришлось плохо. На этотъ разъ ему боевая опытность измѣнила, и онъ, пролетѣвъ за крышу (хорошо еще, что не высока была!), на всѣ четыре лапы шарахнулся въ траву, росшую внизу. Должно быть, Васька въ азартѣ даже не соображалъ, больно ему или нѣтъ, потому что вдругъ вскочилъ на всѣ лапы сразу, поставивъ шерсть дыбомъ, а хвостъ французскимъ эсомъ (s) и усы вверхъ, поскакалъ впередъ не бѣгомъ, а прыгая.

Но неудача никогда не приходитъ одна, что, вѣдь, отлично замѣтили старые люди: можетъ быть, потому не приходитъ одна, что всегда за первую нѣкоторые такъ теряютъ голову, что вторая является уже вполне естественной...

Такъ случилось и съ Васькой. Въ негодованіи на чижъ, котораго онъ, разумѣется, считалъ вѣроломнымъ, Васька не замѣтилъ Гаврюшку и продолжалъ по площади свой воинственный танецъ. Мальчишка, оправившійся отъ изумленія, немедленно открылъ сраженіе по всѣмъ правиламъ. Сначала должно было начать огнемъ ружейнымъ издали, и онъ швырнулъ въ Ваську нѣсколько камешковъ. Такъ какъ Гаврюшка, памятуя манеру лезгинъ, о которыхъ ему рассказывали солдаты, спрятался за уголь, то Васька на первыхъ порахъ оторопѣлъ, не понимая, откуда ему сіе? Не съ неба же сыплется. Онъ вскочилъ раза два, направо и налево, зафыркалъ, самъ не понимая на кого. Вѣроятно, на первыхъ порахъ въ его глупой

кошачьей головѣ явилось даже предположеніе, ужъ не чижъ ли ему мститъ за попытку забрать пѣвца въ лапы. Но котъ скоро сообразилъ, что чижи камнями не швыряютъ, и потому, узнавъ направленіе, по которому въ него летятъ выстрѣлы, онъ опрометью кинулся къ стѣнѣ, за угломъ которой сторожилъ Гаврюшка. Это отнюдь не входило въ расчетъ мальчика. Онъ живо выбѣжалъ, и не успѣлъ еще котъ понять, въ чемъ дѣло, какъ Гаврюшка, сыгравъ на губахъ сигналъ атаки и перебросивъ палку-ружье на руку, съ такимъ воодушевленіемъ кинулся въ бой, что коту оставался только одинъ путь къ отступленію — стѣна! Онъ тотчасъ же и показалъ Гаврюшкѣ всѣ преимущества своей природы надъ человѣческой, а мальчишка со-слѣпу ткнулся прямо палкой въ стѣну, въ то время какъ Васька уже цапался подъ крышей, фыркавая на Гаврюшку, а когда забрался на самую кровлю, то оттуда приподнималъ то одну, то другую лапы, растопыривая ихъ и выпуская когти, очевидно, мысленно царапая своего двуногого врага.

— Ну, погоди же ты у меня!.. Я тебѣ покажу... Ты у меня будешь помнить. И, забѣжавъ въ казарму, онъ изнутри по лѣстницѣ выбрался на крышу въ тотъ моментъ, когда Васька, торжествовавшій удачу, сѣлъ у самага конька и сталъ даже умываться...

— Я тебѣ покажу... какъ птахъ обижать...

Ловко пущенные камни хотя и не тронули шкурки

кота — (Гаврюшка больше пугаль его, чѣмъ дѣлаль ему больно), — но падали на крышу, неистово гремя по желѣзнымъ листамъ и неприятно дѣйствуя на утонченнѣй слухъ Васьки. Коть, немедленно сообразивъ все условія мѣстности, самъ себя скомандовалъ: „смирно“, поставилъ хвостъ, какъ знамя, и въ полной боевой готовности отступилъ за трубу. Гаврюшка, такъ какъ онъ былъ босикомъ, не хуже Васьки справлялся съ крышей. Опъ въ нѣсколько мгновеній былъ у трубы. Но тутъ ужъ Васька оказывался не только въ полной безопасности, но и самъ, навѣрно, смѣялся надъ Гаврюшкой... онъ бѣгалъ вокругъ трубы, а мальчикъ за нимъ. Оглядываясь, котъ приподнималь длинные усы и точно дразнилъ Гаврюшку:

„Попробуйте-ка, милостивѣй государь, спапайте-ка меня изъ-за трубы! Сдѣлайте такое ваше одолженіе!“

Гаврюшка пробоваль его нащупать палкой; но палка встрѣчала одну кирпичную кладку трубы; мальчикъ, мѣняя направленіе, внезапно оборачивался, а котъ еще быстрѣе продѣлываль этотъ маневръ, выражая каждымъ своимъ движеніемъ:

„Мы, сударь, и такъ сумѣемъ въ дуракахъ васъ оставить“.

Наконецъ, когда котъ сообразилъ, что поваръ Пантелей въ эту самую минуту уже готовить котлеты коменданту и рубить для этого мясо, и тотчасъ же издали услышалъ самую музыку столь пріятнаго ку-

линарнаго занятія, онъ рѣшилъ положить конецъ Гаврюшкиной забавѣ.

„Что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, съ пустымъ человекомъ время терять, когда у Пантелея теперь, навѣрно, получишь вкусные бараньи обрѣзки“... А бараньи обрѣзки Васька предпочиталъ даже вокальнымъ упражненіямъ чижей, и вотъ, когда Гаврюшка въ пылу боя совсѣмъ не ожидалъ этого, Васька мгновенно обернулся на врага, столкнулся съ нимъ, живымъ манеромъ вскочилъ ему на грудь, на плечи, на голову, и оттуда, продѣлавъ невозможное сальтомортале, исчезъ въ чащѣ близкой отсюда чинары. Обернувшись, разгнѣванный Гаврюшка видѣлъ, что Васька сползъ уже по ея стволу на землю, бѣжить къ комендантской кухнѣ и другимъ смѣлымъ прыжкомъ исчезаетъ въ ея отворенномъ окнѣ...

— Что же теперь дѣлать?..

У Гаврюшки до докторскаго чая было много еще времени. Онъ зналъ, что Васька пользуется завидною славою Пантелеева любимца, и поваръ не дастъ его въ обиду; пожалуй, еще мальчику влетитъ одна-другая затрещина мимоходомъ, и потому преслѣдовать ротнаго кота на мѣстѣ его торжества не рѣшился. Гаврюшка поэтому влѣзъ на крѣпостныя стѣны, пробрался къ часовому на башню и изъ-за ея зубцовъ засмотрѣлся на облитыя солнцемъ дали... Внѣ крѣпости все ужъ млѣло въ зноѣ и свѣтѣ. Аулы на вершинахъ горъ, казалось, горятъ на самомъ при-

пекѣ: больно смотрѣть на ихъ бѣлыя сакли, прилѣпившіяся надъ безднами, точно ласточкины гнѣзда. Дунеть вѣтромъ и сорветъ ихъ въ пропасть. Но вмѣсто вѣтра, которому въ этихъ сакляхъ, навѣрно, обрадовались бы, тутъ жгло и палило одно безпощадное солнце...

## VI.

### Гаврюшкина бѣда.

Цѣлый день сегодня Гаврюшка провелъ великолепно. Давно ему такъ не ѣлось и не пилося вкусно. Докторъ его угостилъ чаемъ, батюшка позвалъ къ себѣ и накормилъ обѣдомъ, да и комендантъ послалъ ему горсточку пряниковъ. Мальчикъ даже заснулъ подъ чинарою, въ холодкѣ, отяжелѣвъ и чувствуя невозможность бѣгать и шалить съ набитымъ брюшкомъ. Заснулъ онъ такъ крѣпко, что явившійся къ нему Васька осторожно потрогалъ его носъ бархатистою лапкою, а потомъ, сообразивъ, что отъ Гаврюшки пахнетъ чѣмъ-то очень вкуснымъ, сталъ ему облизывать мордашку. Мальчикъ проснулся, едва голову приподнялъ.

— Ну, тебя!.. — отмахнулся онъ отъ кота. — Ты отъ меня на крышу бѣгаешь... а то ластишься.

Коть присѣлъ надъ самымъ чубомъ Гаврюшки, по-пробоваль, было, привести его въ порядокъ, потомъ мурлыкаль - мурлыкаль, пѣль, пѣль, умывался - умывался, слушалъ, какъ птицы шуршатъ на деревѣ, пожмурился на нихъ, да и тоже не одолѣль лѣни. Привалился къ мальчику и заснулъ. Бѣжала мимо крѣпостная собака, которая способна была волку перегрызть шею, увидѣла эту пару, ткнула холоднымъ носомъ Ваську; тотъ со сна еще слаще замурлыкаль. Хотѣла, было, тьякнуть на него, да во-время сообразила, что почтенному, заслуженному псу, который даже по ротнымъ спискамъ значится, вовсе не пристало якшаться со всякой дрянью, и потому перебѣжала на другую сторону, лизнула Гаврюшку и сама улеглась около. Всѣ-де вмѣстѣ, въ тѣсотѣ, да не въ обидѣ. Часы шли за часами. Жаркое время, когда птицы замерли и лѣса вокругъ крѣпости были недвижны, когда цвѣты опускали вѣнчики, и даже рѣчка у стѣнъ точно притихла, — проходило. Проснулись ящерицы и изъ своихъ потемочныхъ убѣжищъ выглянули на сѣрыя стѣны и забѣгали по нимъ, любопытно заглядывая рубиновыми и сапфировыми глазками въ каждую щель, во всякую скважину. Соколы, орлы и кречеты замѣряли небо широкими кругами, раскидывая въ волю могучія крылья. Вѣтеръ очнулся. По-ползъ по верхушкамъ травы, словно невидимыми перстами пересчитывая каждый стебелекъ, потомъ поднялся по стволамъ старыхъ деревьевъ, всполошилъ

и разбудилъ ихъ листву, защекоталъ у птичекъ подъ крылышками: „чего-де вы осовѣли? Солнце уже на западъ уходитъ, пора вамъ полетать кругомъ, ишь мушекъ сколько да мошкеры всякой въ тепломъ воздухѣ, вся для васъ вылетѣла!“ А потомъ и совсѣмъ сбросилъ съ себя сладкія чары полуденной дремы, ворвался въ синѣвшее издали тѣсное ущелье и за-свисталъ тамъ между старыми, хмурыми скалами.

Мальчикъ тоже поднялся и сѣлъ. Котъ спалъ справа, собака — слѣва. Мальчикъ дернулъ кота за хвостъ. Тотъ вдругъ замурлыкалъ, да такъ нѣжно, что Гаврюшка его гладить сталъ. Васька до того былъ польщенъ этимъ вниманіемъ, что вползъ къ нему на колѣни, потянулся вверхъ, ткнулся ему пушистою мордой въ носъ и сталъ тереться о подбородокъ. Курица съ цыплятами вышла изъ какого-то домика и, какъ почтенная мать семейства, клохтала, точно дѣлала наставленіе, какъ слѣдуетъ благороднымъ дѣтямъ вести себя въ чужомъ обществѣ. Цыплята, какъ и всѣ вообще избалованныя дѣти, очень мало слушали ее и, поднявъ вверхъ свои желтые, пушистые задки, гдѣ еще и намека на хвостъ не было, старательно искали чего-то въ травѣ. Васька, увидѣвъ ихъ, вздрогнулъ и, было, нацѣлился; даже къ землѣ припалъ, и спинка у него во всѣ стороны заходила, да во-время вспомнилъ, что еще вчера только его отодрали, и пребольно, за такія же охотничьи наклонности. Онъ удовлетворился только тѣмъ, что поцара-

паль землю и показаль издали свои когти, точно предупреждалъ: „кабы да моя воля, я бы вамъ, сквернымъ курчонкамъ, показаль Кузькину мать!“... Гаврюшка, любившій цыплятъ, подозваль, было, ихъ къ себѣ, но тѣ, знай себѣ, рылись, не отзываясь на его ласку, даже мамаша ихъ разсердилась и заклохтала:

„Вамъ, дуракамъ, хорошіе люди вниманіе оказываютъ, а вы все съ глупостями своими возитесь... Стоило послѣ того высиживать васъ на свѣтъ Божій“...

— Что, братъ Гаврюшка? — окликнулъ его проходившій мимо солдатъ. — Скоро тятка вернется. Вотъ какъ солнце зайдетъ за ту гору, и отрядъ назадъ придетъ...

Солнце уже было близко отъ верхушки указанной горы, такъ близко, что издали казалось, вотъ-вотъ сожжетъ взобравшійся на нее ауль своимъ червоннымъ полемемъ. Въ ослѣпительномъ блескѣ дрожали и точно тлѣли сакли; еще нѣсколько мгновеній, и онѣ какъ-будто исчезли въ этой купинѣ нестерпимаго блеска. Зато на востокѣ выдвинулись на горахъ рытвины, скаты, утесы и сакли ауловъ, которыя утромъ, да и днемъ, нельзя было даже размотрѣть. Они, эти горныя убѣжища, точно на ладоняхъ, къ самому небу поднимали свои мечети съ круглыми куполами и минаретами... Чу!.. Далеко-далеко слышались дробь барабана и рѣзкое пѣніе рожка.

— Идутъ... Наши идутъ! — радостно заораль Гаврюшка, такъ что и котъ, и благодарная мамаша-курица кинулись отъ него прочь, и только одинъ песъ, понимавшій, въ чемъ дѣло, всталъ, потянулся въ ту сторону, откуда возвращался нашъ отрядъ, и радостно пролаялъ что-то, должно быть, очень краснорѣчивое собачье привѣтствіе ему навстрѣчу...

И дѣйствительно, не прошло и полчаса, какъ часовой сверху далъ знать о приближеніи отряда. Командантъ самъ вышелъ ему навстрѣчу. Ворота, тяжело скрипя на своихъ громадныхъ петляхъ, медленно отворились. Еще издали грохнула пушка, точно всею своею пастью крикнула „здравствуй“, и маленькое облачко вскинулось отъ нея вверхъ... Вотъ и ряды солдатъ... Вozy позади... На возахъ есть и раненые... Вотъ на носилкахъ несутъ кого-то, должно быть, убитаго...

— Ну, что? — еще издали кричалъ озабоченный командантъ офицеру, — все благополучно?

— Была свалка, господинъ майоръ! Лезгины съ утра насѣдали на насъ. Приходилось отстрѣливаться, а потомъ выбивать ихъ изъ лѣсу.

— Большія потери?

— Восемь раненыхъ... Трое убитыхъ... Одинъ пропалъ безъ вѣсти.

— Кто?

— Сергѣй Лоповъ.

Майоръ быстро оглянулся на Гаврюшку. Тотъ оза-

боченно вematривается въ ряды солдатъ, — гдѣ его тятка? и странно было мальчику, что сегодня эти усатыя, ласковыя для него лица точно отворачиваются, стараются его не замѣтить. Да гдѣ же отецъ его? Позади остался, что ли?..

— Какъ это — безъ вѣсти? — изумился майоръ.

— Я самъ не понимаю... Мы обшарили весь лѣсъ. Онъ рубилъ дерево въ сторонѣ. Туда бросились лезгины... съ наиломъ. Двухъ онъ изрубилъ. Вотъ и тѣла ихъ, а Лопова мы искали, кликали, — какъ въ воду кануль.

— Бѣдный ребенокъ! — вздохнулъ майоръ.

— Гдѣ тятка? — приставаль Гаврюшка къ солдатамъ.

— Не знаемъ...

— Должно быть, въ лѣсу остался, позже придетъ.

— Никогда онъ позже не приходилъ... И гдѣ тятка-а! — начиналъ уже плакать бѣдный ребенокъ.

И лица солдатъ становились еще болѣе суровыми и хмурыми. Они отвертывались, безмолвно отходили прочь, сознавая полную невозможность помочь чѣмъ-нибудь этому первому дѣтскому горю, отъ котораго болѣли и старыя сердца.

## VII.

### Пластунъ Остапенко.

Пропаль безъ вѣсти!.. Какое это страшное слово, особенно для тѣхъ, съ кѣмъ пропавшій такъ или иначе былъ связанъ. Пропаль безъ вѣсти!.. Гдѣ онъ теперь, куда его увели, черезъ какія муки онъ проходить?.. Гаврюшку жалѣли всѣ въ крѣпости, начиная съ суроваго коменданта ея и кончая послѣднимъ солдатикомъ изъ обоза. Но все сочувствіе ихъ къ положенію внезапно осиротѣвшаго мальчика только и высказывалось въ томъ, что его ласкали и закармливали. Что случилось съ его отцомъ, какъ ему помочь, въ этомъ никто и ничего вѣрнаго не могъ сказать ребенку. Просыпаясь по ночамъ и представляя своего отца въ горахъ, въ неволѣ, — Гаврюшка плакалъ; по утрамъ онъ долго лежалъ на койкѣ, зажмурясь, а слезы сами по себѣ проступали у него сквозь вѣки. Правда, комендантъ утѣшалъ его:

— Вотъ погоди, узнаемъ отъ кунаковъ, гдѣ Сергѣй Лоповъ, и вымѣняемъ его на лезгинскихъ плѣнныхъ.

Съ тѣхъ поръ Гаврюшка повадился бѣгать въ казематъ, гдѣ покуда сидѣли эти плѣнные. Въ его полумракѣ, сквозь крѣпкую желѣзную рѣшетку, онъ видѣлъ едва намѣчавшіяся смуглыя и худыя лица съ горящими, какъ уголь, глазами. Они оборачивались

къ ребенку, кричали ему что-то, должно быть, привѣтливое, потому что на ихъ губахъ скользила при этомъ улыбка. Когда ихъ выпускали на солнце, Гаврюшка подбѣжалъ къ конвоиру.

— На этихъ тятку мѣнять стануть?

— Вотъ-вотъ!

Онъ пристально слѣдилъ тогда за ихъ медленными и важными движеніями, не отрывалъ глазъ отъ лохмотьевъ, въ которыя, по лезгинскому обычаю, они были закутаны. Дорогое, часто сплошь въ бирюзѣ и рубинахъ оружіе и ободранное, грязное платье — вотъ настоящее горское, щегольство...

— Чего же ждуть, не мѣняютъ?

— А какъ узнать, кто и куда увель твоего батьку?

— А послать?

— Куда?

— Да въ горы!

— Горъ много, и на каждой горѣ свой аулъ. А за этими горами опять горы, и тамъ другіе аулы, поколѣ конца свѣта не будетъ.

— И все лезгины живутъ?

— Все, братъ, Гаврюшка, азіаты гололобые. Туда, — махнулъ онъ рукой на сѣверъ, — Россія наша, христіанская земля, туда — нехристь дикая...

И, просвѣтивъ его умъ такими глубокими географическими познаніями, конвоирь самъ удивлялся множеству своихъ свѣдѣній.

— Какъ поживешь съ мое, — все узнаешь... Мы,

братъ, и въ Даргу ходили, и со Слѣщцовымъ этихъ азіатовъ воевали... Можетъ, до конца свѣта-то я на эстолько не дошелъ... Еще бы одинъ походъ сломать, и прямо бы въ него лбомъ уперся.

— Дальше что?

— А дальше?... Дальше?... ну, объ этомъ, пожалуй, одинъ комендантъ знаетъ...

Тѣмъ не менѣе, и такія свѣдѣнія ребенка нисколько не успокоили...

— Вотъ погоди, придутъ мирные лезгины, тогда мы поручимъ кому-нибудь изъ нихъ узнать, куда увели твоего отца, — говорили Гаврюшкѣ офицеры. Но на первый же базаръ такіе лезгины явились и ничего не объяснили. Оказывалось, — при послѣдней рубкѣ лѣса на нашъ отрядъ напали не одни лезгины, но и чеченцы, пришедшіе съ Шамилевымъ набомъ. Да и лезгины съ ними были не изъ ближайшихъ мѣстъ, откуда не посмѣли бы вредить русскимъ, а изъ Салтовъ, — изъ большого аула, находившагося совсѣмъ въ сторонѣ... Изъ мирныхъ туда никто не рѣшался ѣхать, потому что между ними и тѣми лезгинами была „кровь“, т.-е. кровавая мечь, передававшаяся изъ рода въ родъ. Отправиться туда — значило на вѣрную смерть. Надо было опять-таки ждать okazji...

Еще дня черезъ два въ крѣпость вернулся пластунъ Остапенко.

Это былъ настоящій потомокъ старыхъ съчевиковъ Запорожья. Теперь уже нѣтъ такихъ типовъ, созда-

вавшихся когда-то боевыми потребностями кавказской войны. Въ пластунахъ воскресла упраздненная Сѣчь, и эти люди, даже среди отважныхъ ермоловскихъ воиновъ, которыхъ ничѣмъ, бывало, не удивишь, выдѣлялись своею легендарною храбростью. Они на цѣлыя недѣли уходили, иногда по нѣскольку вмѣстѣ, иногда въ одиночку, въ горы, въ самое сердце вражьяго края, и тамъ, скрываясь, впроголодь, въ лѣсахъ или лежа по-двое, по-трое сутокъ во рвахъ и оврагахъ, часто рядомъ съ кабанамъ и другими звѣрями, высматривали и выслѣживали неприятеля. Они не просили и не давали пощады. Созданные суровыми временами, эти люди не поддавались ни жалости, ни человѣколюбію. Они съ нашей стороны и мюриды со стороны горцевъ—стоили другъ друга. Пластуны, часто въ числѣ девяти-двѣнадцати человѣкъ, атакывали отряды лезгинъ и обращали ихъ въ бѣгство. Оторопѣлые отъ ихъ безумной смѣлости горцы даже не могли сообразить, съ какимъ количествомъ враговъ они имѣютъ дѣло.

Пластунъ былъ, обыкновенно, молчаливъ и сосредоточенъ: онъ никому и никогда не рассказывалъ о своихъ подвигахъ, потому что для него эти подвиги являлись дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, чего проще нельзя.

— Гдѣ побывалъ? — спрашивали его товарищи.

— Тамъ! — неопредѣленно махнулъ онъ рукою по направленію къ горамъ.



Пластунъ Остапенко.

— Ну?

— Ничего... потѣшились!

Только и всего, хотя едва ли американскимъ пионерамъ и дикарямъ приходилось продѣлывать что-либо подобное. Зато въ походахъ вглубь непріятельскаго края пластуны были первые люди. Они знали тамъ каждый утесъ, каждую тропинку и съ увѣренностью вели наши отряды туда, куда прежде могли залетать только птицы. Слово „нельзя“ для пластуновъ не существовало. „Нельзя-то нельзя, а попытаться можно“, — говаривали они и лазали въ такія орлиныя гнѣзда, при одномъ видѣ которыхъ, въ поднебесьи, у другихъ голова кружилась, и сердце уходило въ пятки. Рядомъ съ безпощадностью, даже жестокостью, у пластуновъ развивалась и любовь къ природѣ. Они, по цѣлымъ днямъ бродя по чернолѣсью, слушали торжественную молвь вершинъ, пѣніе одинокой птички, бульканье и всхлипыванье ручья... Забираясь на скалы, лежали тамъ неподвижно, любясь въ молчаливомъ и благоговѣйномъ восторгѣ дивными красотами картинъ, раскидывавшихся подъ ними... Тонувшія въ золотистомъ туманѣ дали, ярко освѣщенные солнцемъ ущелья и долины, воздушныя панорамы горъ съ ихъ причудливыми утесами, съ дымившимися голубымъ паромъ безднами, съ узкими проходами, едва намѣченными болѣе густою синью въ лазурномъ царствѣ Дагестана, все это было близко ихъ душѣ, все это погружало ихъ въ сладостное самозабвеніе. Ночныя ве-

беса съ безчисленными и загадочными іероглифами созвѣздій, съ луннымъ блескомъ и грозвыми тучами краснорѣчиво говорили ихъ сердцамъ. Чѣмъ они питались въ этомъ героическомъ шатаніи, Богъ вѣсть...

— Да какъ же вы живете тамъ, братцы?— спрашивали ихъ.

— А такъ!..

— Однимъ воздухомъ, вѣдь, не обойдешься!

— Стараемся!..

И, дѣйствительно, старались.

Часто у пластуна оказывались кунаки (друзья) среди враждебнаго племени; и онъ вдругъ приходилъ къ нимъ среди бѣлаго дня и гостилъ, служа предметомъ величайшаго удивленія для горнаго аула. Это были боевые бродяги, необходимые по условіямъ того жестокаго, хотя и героическаго, времени.

---

## VIII.

### Первыя вѣсти.

Остапенко долго пропадалъ на этотъ разъ.

Ушелъ онъ изъ крѣпости „на охоту“ двѣ недѣли назадъ, и только что вернулся.

Его тотчасъ потребовали къ коменданту.

— Ну, что, гдѣ шатался?

— Тамъ,—махнулъ пластунъ въ горы.

— И что же?

— Здорово шебаршатъ азіаты, ваше высокоблагородіе!

— Ну, въ чемъ дѣло?

— Съѣхались шамилевы наобы. Поднимаютъ ихъ на газавать.

Комендантъ нахмурился... Газавать — священная война, было дѣло серьезное. Къ газавату приставали часто не только мирные горцы, но и наши союзники, увлеченные фанатическими проповѣдями муллъ, и тогда затеряннымъ въ горныхъ узлахъ крѣпостямъ приходилось плохо...

— Гдѣ же они?

— По всѣмъ ауламъ разослали воиновъ собирать ополченіе. Безпремѣнно, недѣли черезъ двѣ накинута на насъ.

— И чеченцы съ ними?

— Не дай Богъ сколько... Я ихъ всѣхъ видѣлъ. На деревѣ прихилился, два дня сидѣлъ. Мимо меня этой самой чечни сотъ семь проѣхало...

— Надо послать въ штабъ скорѣе, сегодня же, за подкрѣпленіемъ. Не проберешься, пожалуй, ежели они со всѣхъ сторонъ обходятъ.

— Коли казаковъ пошлете, ваше благородіе, не проберутся.

— А ты?

— А я пройду... Мнѣ что! — совершенно равнодушно отвѣчалъ пластунъ, со спокойной увѣренностью, заставлявшей самыхъ лучшихъ кавказскихъ команди-

ровъ того времени относиться къ нимъ съ безгранич-  
нымъ уваженіемъ.

— Когда же ты можешь пойти?

— А хоть сейчасъ.

— Да ты не отдохнулъ?

— По пути въ оврагъ выплусь...

— Ну, до вечера отдыхай все-таки, а въ ночь  
выходи.

— Слушаю-сь.

— Ну, а еще что узналъ?

— Они подъ самымъ деревомъ, гдѣ я сидѣлъ,  
свой джааматъ (совѣщаніе) открыли... Я все до слова  
разобралъ.

И пластунъ сталъ обстоятельно передавать майору  
планъ будущаго набѣга.

Но и кромѣ того Остапенко узналъ не мало.

Онъ видѣлъ, какъ вели въ плѣнъ Лопова, выслѣ-  
дилъ за нимъ и, передавъ объ этомъ майору, пошелъ  
потомъ и отыскалъ Гаврюшку...

Мысль объ отцѣ его мучила, и онъ теперь безу-  
частно смотрѣлъ, какъ Васька съ крыши, поднявъ  
хвостъ и все топорщась и прыгая, дразнилъ его и  
приглашалъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Только  
съ собаками онъ еще разговаривалъ.

— Полкашка... а у меня лезгины отца увели.

Полкашка присаживался на заднія лапы и, опу-  
стивъ голову на бокъ, погружался въ горестныя раз-  
мышленія.

— Какъ же я, Полкашка, теперь безъ тятки буду? Песъ поднималъ морду, хамкалъ по пути неосторожную муху и смотрѣлъ на мальчика.

— Ты вотъ и подумай, что мнѣ дѣлать?

Полкашка отрывисто лаялъ, точно отвѣчая, что въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ ничего, вообще, придумать нельзя.

— Ну, то-то вотъ и есть!

Остапенко наткнулся какъ разъ на такую сцену.

— Гаврюшка, подь сюда... По тяткѣ тоскуешь?..

— Извѣстно...

— А я его видѣлъ.

— Игдѣ?—оживился мальчикъ.— Игдѣ, дяденька?..

— А какъ его въ плѣнъ вели.

— Что же ты не отбилъ?

— Эхъ, ты, ежовая голова! Кабы ихъ пять-шесть было, отбилъ бы... Трехъ бы съ дерева побилъ, а остальныхъ шашкой зарубилъ. А тутъ ихъ до пропасти. Я, какъ почувялъ татарву, сейчасъ же къ птицамъ въ гости. Здоровый каштанъ, ничего въ емъ не видно, а оттуда все тебѣ, какъ на ладони. Смотрю, сначала верхомъ, а за ними пѣшіе, а потомъ опять верховые. Видимо-невидимо! Раненыхъ своихъ тащатъ, мертвыхъ черезъ сѣдла перебросили и везутъ... А позади, между пятью конными, смотрю, батюшки, Сергѣй Лоповъ нашъ попалъ въ плѣнъ, сердечный. Слушаю, болтаютъ промежь себя. Они его, какъ перепела, сѣткой!.. Такъ, братъ, и накрыли. Двухъ за-



Донова вѣдутъ въ плѣнъ.

рубил, а его живьемъ взяли. Только ранили чуточку. Шивель на пемъ оборванная,—и ведутъ его, братику, точно корову на базаръ, на веревкѣ.

— Зачѣмъ на веревкѣ?

— А ужъ это по-ихнему такъ. Потому бабу, либо старика, просто гонять; ну, а нашего брата въ оковахъ, либо на привязи честь-честью. Обидѣть бояся: по-ихнему — вольпаго человекъ только цѣпью удержать въ плѣну можно. Идетъ, сердечный, понурился; должно, о тебѣ думалъ. Все своя кровь.

Гаврюшка заплакалъ.

— А ты не плачь... Я, братъ, его суслѣдилъ...— Опъ хитро подмигнулъ мальчику.

— Я съ дерева на дерево за ними, что твоя бѣлка. Его въ ауль Салахсу взяли.

— Дяденька, ты сказалъ объ этомъ майору?

— Докладывалъ.

— Потому, онъ обмѣнить хотѣлъ на плѣнныхъ лезгинъ.

— Салахсуйцы не мѣняютъ. Они, братъ, у себя плѣнныхъ держать. Такіе подлецы!

— Что жъ теперь будетъ?

— Какъ никакъ, а бѣжать ему надо...

Остапенко приласкалъ ребенка и пошелъ себѣ отсыпаться до вечера, когда ему предстояло опять сквозь тысячу смертей и опасностей пронести комендантскую бумагу въ штабъ, — бумагу, отъ которой зависѣло спасеніе крѣпости. Гаврюшка тоже весь ушелъ

въ соображеніа. Дѣтскій мозгъ его работаль съ мучительнымъ упорствомъ, придумываль, что дѣлать въ этихъ тяжкихъ обстоятельствахъ. Послѣдняя надежда его увидѣть отца исчезла. Салахсуйцы не мѣняють плѣнниковъ на другихъ, значить, оставляють ихъ для себя. Кабы еще Гаврюшка былъ съ тяткой, они бы изъ-за мальчика и отца пожалѣли, потому, вѣдь, не бывало еще случая, чтобы горцы безъ нужды ребенка обидѣли. Да, а одному плѣннику горько и тоскливо: поди, плачетъ обо мнѣ теперь...

И Гаврюшка самъ разревѣлся...

Какая-то птичка прыгала надъ нимъ на вѣткѣ старой чинары; небеса вверху сіяли благоговѣйно и кротко; цвѣты изъ травы курились молитвеннымъ ошміа-момъ; но за своимъ безвыходнымъ горемъ мальчикъ сегодня не видѣлъ ничего.

---

## IX.

Съ того самаго дня, какъ пластунъ разсказаль Гаврюшкѣ о томъ, что лезгины увели въ плѣнъ его отца, мальчикъ не находиль себѣ покоя. Съ утра онъ бродиль по крѣпости, исподлобья глядя на жалѣвшихъ его солдатъ и офицеровъ. Какъ и прежде, онъ бралъ лакомые куски, но теперь они совсѣмъ его не радовали. Глоталь ихъ, какъ галчонокъ, съ лету и едва ли даже соображалъ, что онъ глотаеть. Когда

комендантъ выходилъ на такъ называемый „плацъ“, мальчикъ терся около и хмурился, видимо, желая о чемъ-то спросить у суроваго майора.

— Ну, что, Гаврюшка? — наконецъ обратилъ тотъ на него вниманіе.

Ребенокъ сопѣлъ и еще сумрачнѣе, волчкомъ смотрѣлъ въ сторону.

— Все объ отцѣ тоскуешь?..

— А то... какъ... еще... — едва-едва выжималъ тотъ слова, точно его горло сдавила чья-то беспощадная рука.

— Вотъ погоди...

— Дяденька сказывалъ...

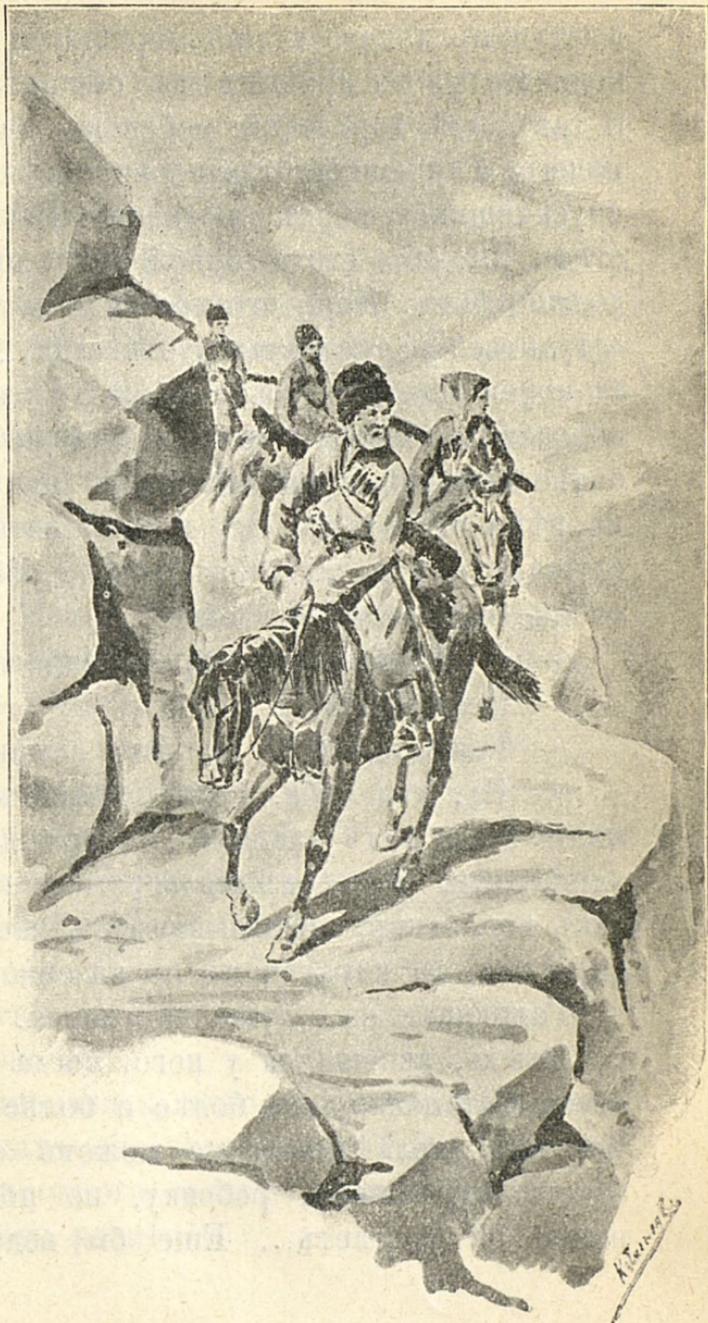
— Что сказывалъ?

— Которыхъ прочихъ мѣняютъ... на лезгиновъ... А тутъ во и лезгины есть... Чего же ждать-то? •

— Нѣтъ, братъ, твоего отца иначе надо. Онъ въ Салахсу попалъ, а съ салахсуйцами другой разговоръ. Они у себя держатъ плѣнныхъ... Про всякій случай... Ты бы ко мнѣ на кухню шелъ. Тебѣ поваръ поѣсть дастъ...

Гаврюшка шелъ на кухню и на подорогѣ оставался и забывалъ, зачѣмъ его туда посылали. Въ прежнее время съ нимъ этого не случалось, и для мальчика такое пренебреженіе къ интересамъ собственнаго желудка было величайшимъ выраженіемъ горя. Еще недавно онъ отваливался отъ комендантскаго варева, только пощупавъ себѣ животъ.

Надулся, как барабанъ,—значить, довольно, и, сонно проговоривъ „буде“, Гаврюшка ухотился спать подъ чинару. Теперь онъ тоже цѣлые часы проводилъ подъ этой чинарой, но глаза у него не спалились. Напротивъ, онъ тарашился на горы, обступившія крѣпость, внимательно разсматривая ихъ, слѣдя за вершинами, утопавшими въ небѣ, за крутизнами, по которымъ, порою спускались путники. Вотъ и сейчасъ по



Гаврюшка отлично видѣлъ четырехъ горцевъ, спускавшихся въ долину.

выступамъ дикаго камня мерещится что-то надъ бездною. Мальчикъ привыкъ къ обширнымъ горизонтамъ и тамъ, гдѣ городской ребенокъ не разсмотрѣлъ бы ничего, Гаврюшка отлично видѣлъ четырехъ горцевъ, спускавшихся внизъ въ долину. Зачѣмъ? Не съ вѣстями ли объ его отцѣ? Вонъ впереди — старшой, должно быть. Конь его медленно ползеть внизъ, боясь оступиться на каменныхъ отвѣсахъ... а позади—кручи за кручами, горы за горами. Дѣтское воображеніе подсказывало ему, что за ними есть и другія, еще болѣе высокія, и на одной изъ нихъ теперь сидитъ на цѣпи его отецъ. Эту подробность о цѣпяхъ подслушалъ онъ нечаянно у солдатъ, болтавшихъ между собою о „гололобомъ азіатѣ“.

— А дѣтей какъ?—вдругъ спросилъ Гаврюшка.

— Чего дѣтей?

— Тоже, значить, на цѣпь сажаютъ?

— Ну, кто тебя, блоху, тронетъ. Вашего брата ихнія бабы подъ азямами у себя держать. А ежели нашкодите, такъ онѣ къ веретену васъ на ниточку, какъ воробьевъ, привязываютъ. Либо сломаютъ вѣтку карагача, да карагачомъ по казенному мѣсту.

Гаврюшка еще пуще задумался.

Мысль, явившаяся у него, когда онъ слушалъ пластуна Остапенко, все болѣе и болѣе крѣпла въ немъ. Что жъ, коли никто не можетъ спасти его отца, отчего ему самому, ребенку, не попытаться. Дѣтей никто не трогаетъ... Еще бы вздумали съ дѣтьми

воевать!.. И горцы, прїѣзжавшіе издали въ крѣпость въ базарные дни, тоже были къ нему прївѣтливы, и ихнія бабы, закутанныя по самый носъ въ чарду, даже тайкомъ ласкали и кормили сладкимъ горохомъ и изюмомъ лохматаго мальчишку... „Вырастетъ большой—джигить будетъ!“—говорили по-своему. — „Не одну изъ насъ плакать заставить. Мать всегда, вѣдь, по дѣтямъ тоскуетъ!“—Гаврюшка хоть и не понималъ ихъ, но и не отходилъ прочь... Разъ онъ припалъ къ окну каземата, въ которомъ сидѣли плѣнные... Одинъ изъ нихъ крикнулъ ему по-русски:

— Здравствуй, Иванъ...

— Я не Иванъ,—Гаврюшка.

— Все равно, Иванъ. Если бы ты былъ офицеръ,—Александромъ бы звали, а солдатъ всегда Иванъ...

— Вы что жъ сидите здѣсь? Не мѣняетесь?

Тѣ поняли.

— На отца не мѣняетесь?

— На какого отца?

— Да на моего... Пропадать ему, что ли?

— А твой отецъ гдѣ?

— Въ плѣну.

— Давно взять?

— Не... недавно...

Лезгины заволновались, залопотали что-то по-своему... На ихъ лицахъ отразилась живѣйшая радость. Они знали, что за одного солдата русскіе трехъ лезгиновъ отдають при размѣнѣ.

— Аллахъ-билляхъ!.. Спасибо тебѣ... Теперь намъ легче ждаты будеть... А гдѣ твой отецъ?

— Въ Салахсу, сказывають!

Лезгины разомъ нахмурились, точно потемнѣли.

Одинъ даже свистнулъ.

— Плохо наше дѣло, ежели въ Салахсу.

— Почему?

— Салахсуйцы свой адаты (обычай) держать. Они на чужихъ не мѣняютъ. А такъ какъ ихнихъ въ плѣну нѣтъ, то они столько денегъ требуютъ, что русскимъ не выгодно платить... Пусть ужъ лучше Иванъ въ плѣну сидить.

— А далеко до Салахсу?

— Недѣлю ходу будеть...

— Ишь ты... И все лѣсомъ?

— Внизу лѣсомъ, а потомъ камнемъ, горою... Если верхомъ, дня въ четыре поспѣешь.

— Я и самъ за нимъ пойду...

Лезгины засмѣялись.

— Ты думаешь, тебя аулъ испугается?.. Этакій ба-тырь (богатырь)-де пришелъ...

Но мальчикъ уже отцѣпился отъ рѣшетокъ казематнаго окна и убѣжалъ подъ чинару додумывать то, что уже нѣсколько дней сидѣло гвоздемъ у него въ головѣ. Васька являлся къ нему, мурлыкая, лучше чего онъ не могъ. Терся объ его ноги, ставилъ хвостъ трубою, прыгалъ къ нему на колѣни, тянулся и тыкался холоднымъ носомъ въ лицо ему, но Гаврюшка

обращалъ на него столько же вниманія, сколько на сухой листь, упавшій съ чинары. Предъявляла себя мальчику и Валетка, солидно садилась передъ нимъ и, замѣтивъ, что на нее не обращаютъ вниманія, стучала хвостомъ о плотно убитую землю, царапала его колѣно когтями и, наконецъ, принималась отрывисто лаять...

— Отстань... Валетка, не до тебя...

Песъ опускалъ голову то внизъ, то на бокъ и погружался въ задумчивость.

— Давай, братъ, Валетка, убѣжимъ...

Валетка въ знакъ согласія гавкала и вскакивала на всѣ четыре лапы, держа пруть (хвостъ) на вынось: сейчасъ-де?

Не, не, погоди... Одумать надо...

Послѣ одной изъ такихъ конференцій съ Валеткой, Гаврюшка рѣшился окончательно и повеселѣлъ даже. И не только повеселѣлъ, но и въ самый неожиданный моментъ схватилъ доврчиваго Ваську за хвостъ и швырнулъ его въ чинару, да такъ ловко, что перепуганный котъ не удержался на ней, камешкомъ слетѣлъ оттуда на спину Валеткѣ и проѣхался по всему двору, крѣпко держась за нее, на потѣху солдатамъ.

— Ай да джигитъ! — кричали тѣ.

— Лихо, Васька, ѣздишь... Что твоя чечня!

— Куда чечнѣ... Нашего фельдшера посадить на водовозную кобылку, такъ не проѣдется.

Васька, наконецъ, вскочилъ на низенькую кровлю казармы, оцетинился на ней и долго шипѣлъ, и фыр-калъ, и прыгалъ бокомъ, негодуя на коварство своего двуногаго товарища. А Гаврюшкѣ было не до него. Онъ ожилъ совсѣмъ и побѣжалъ съ Валеткой навѣрхъ на башню, гдѣ подъ навѣсомъ стояла между двумя зубцами мѣдная пушка, и около, въ неизмѣнной папахѣ, дежурилъ часовой. Солдатъ оглядывался и, видя, что начальства около нѣтъ, заводилъ съ Гаврюшкой запретную на часахъ бесѣду.

— Ты это откуда появился?

— Подъ чинарой сидѣлъ.

— Ишь, воробей... чего надо?

— Дяденька, ты въ Салахсу былъ?

— Былъ... А что? Съ набѣгомъ былъ, вотъ какъ! Еще съ кѣмъ, лохматая твоя башка, съ генераломъ Слѣпцовымъ... Слышалъ? Гдѣ тебѣ...

— Страшный ауль, Салахсу-то?

— На самую, братъ, вышку влѣзь. И гора-та крутая, а онъ, ауль на темени у ней прилѣпился. Снизу смотришь, не дойти. Шапка валится.

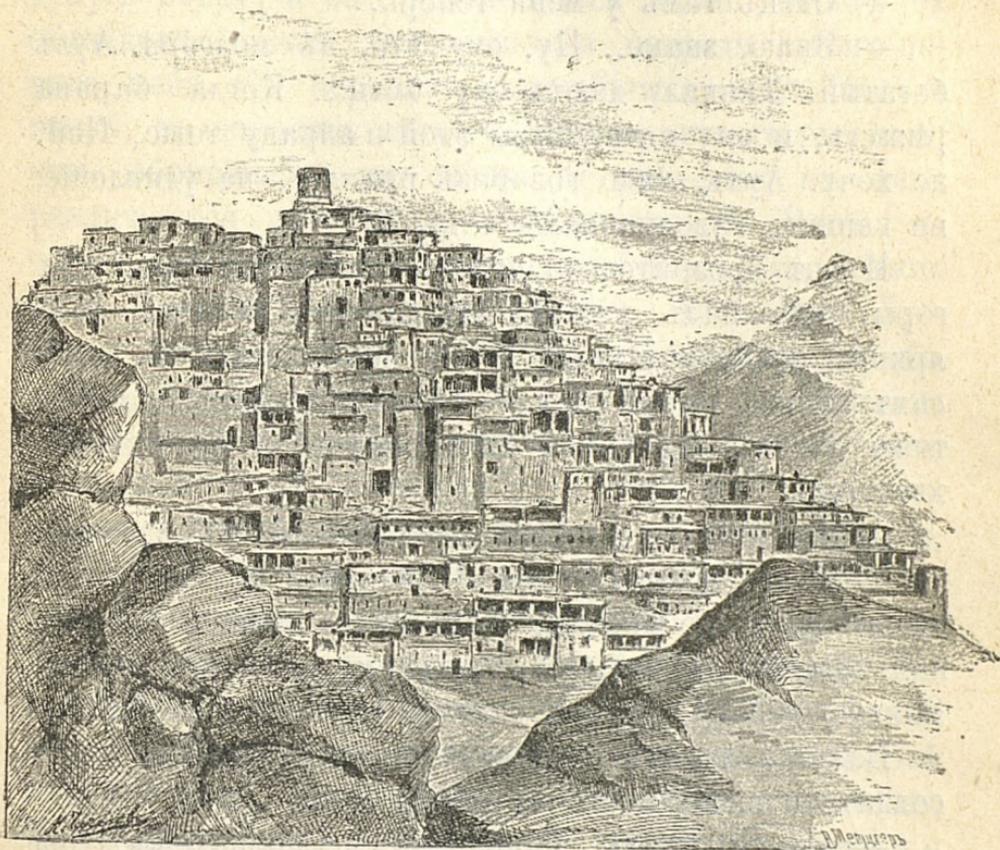
— Ишь ты!

— Ну, а скомандуютъ,—дойдешь. Потому ежели капитанъ Барсуковъ крикнетъ: „скорымъ шагомъ — м-а-ррршъ“, какъ же ты да не осилишь?... И мы осилили.

— Какъ же итти-то туда?

— А вонъ ущелье между горъ синее-синее... Все этимъ ущельемъ и ползи, доползешь до Кара-су...

Вода, какая сверху съ камня съ черного падаетъ; от-туда стороной влѣво, опять въ другую щель выйдешь, а отсюда и увидишь, стоитъ далеко-далеко гора, особ-



Ауль Салаху.

някомъ, съ другими не якшается, гордая! А на горѣ находится точно гнѣздо. Снизу-то разомъ и не пой-мешь, что это большенный ауль,—тамъ однѣхъ сак-

лей ста четыре... А на самомъ солнышкѣ всему аулу голова: мечеть и минаретъ надъ ней, что твоя башня... Это и будетъ Салахсу.

— Отецъ тамъ у меня теперь.

— Знаю, знаю... Ну, ему что, въ полгоря. Ауль богатый. Хинкалу даютъ ему ѣсть... Когда барана рѣжутъ, и ему мяса. Бузы этой и айрану тоже. Пей, не хочю. Ауль, надо говорить правду,—на удивленіе: не нашимъ голодранцамъ чета.

И онъ презрительно повелъ глазами на окрестныя горы, гдѣ надъ утесами мерещились сегодня подъ яркимъ солнцемъ, точно комки приставшей къ отвѣсамъ грязи, сырыя сакли убогихъ ауловъ. Валетка тоже смотрѣла туда и меланхолически помахивала хвостомъ.

— Ишь точно понимаетъ...—вырвалось у Гаврюшки.

— А ты думаешь. нѣтъ? Валетка, братъ, только что говорить не можетъ. Слова ей не дано, а голова у ней тоже съ мозгомъ. Она всю эту мудрость произошла. Всякую тропку кругомъ знаетъ. Правда, Валетка?

Валетка мигомъ поставила переднія лапы на плечи солдату и лизнула его въ самыя губы.

— Съ ей, братъ, Гаврюшка, не пропадешь. Она тебя завсегда успокоить можетъ...

Но Гаврюшка уже не слушалъ.

Онъ приютился у самой пушки и вмѣстѣ съ ея кровожаднымъ и ярко горѣвшимъ на солнцѣ жерломъ смотрѣлъ въ даль, разстилавшуюся за крѣпостью. Горы

за горами тонули въ слѣпящемъ свѣтѣ. Еще переднія были ясно видны; выступавшія позади едва намѣчивались, легкія, полувоздушныя. Казалось, стоило дунуть вѣтру, и онъ унесетъ ихъ вдаль вмѣстѣ съ облачкомъ, словно застоившимся посреди синяго-синяго неба. Съ вершинъ ближайшихъ горъ бѣгутъ внизъ, въ поросшія лѣсомъ долины, зигзаги рытвинъ, чуть обрисовываются скалы, и едва-едва на нихъ различаются ласточкины гнѣзда ауловъ. Вонъ, по одной тропинкѣ движется черная точка... Это, должно быть, всадникъ-лезгинъ спускается... Вонъ, другой,— этотъ весь на ладони, близко черезъ рѣку переѣзжаетъ, и Гаврюшка видитъ, какъ вода брызжетъ во всѣ стороны изъ-подъ копытъ его коня. Вонъ, рота возвращается въ крѣпость, и на штыкахъ у солдатъ искрится солнце... А тамъ дальше, за этими горами, другія еще больше, и на одной изъ нихъ, ее и не увидишь отсюда, на самой большой мучится теперь и тоже тоскуетъ по своему Гаврюшкѣ старый солдатъ. Ребенокъ глядѣль-глядѣль туда, и вдругъ точно что-то заслонило отъ него яркую понораму горъ. Всѣ онѣ померкли, и небо полиняло, и солнце потускнѣло, Нежданныя слезы выступили на глазахъ Гаврюшки и застилили ему...

Вернувшись сверху, Гаврюшка полѣзъ въ провіантскій магазинъ. Въ маленькой крѣпости его почти и не запирали. Тутъ всѣ знали другъ друга, и воровать было некому. Мальчикъ въ жаркое время часто

забирался сюда и отсыпался на сложенныхъ въ углу старыхъ пустыхъ мѣшкахъ изъ-подъ муки.

Мимо него, случалось, бѣгали крысы, не обращая вниманія на малыша, пучившаго на нихъ глаза. Опъ иногда даже заходилъ сюда вечеромъ и смотрѣлъ, какъ эти умныя животныя, которыхъ слабонервное человѣчество, Богъ вѣсть, почему, считаетъ противными, отвратительными, хотя онѣ просто только вредны, шли пить воду. Страшно было тронуть ихъ въ такую минуту. Въ крѣпости рассказываютъ легенды, какъ на одного солдата, убившаго при подобныхъ обстоятельствахъ двухъ крысъ, остальные накинулись сотнями, а когда набѣжали люди, имъ удалось спасти его, но съ извѣденными щеками, со сплошною раною вмѣсто носа и съ окровавленными руками. Мальчикъ зналъ, что если крысъ въ этотъ торжественный моментъ ихъ жизни не тронуть, то онѣ безобидно пройдутъ мимо, не обративъ вниманія на человѣка. Впереди бѣжала обыкновенно старая, сѣдая крыса, должно быть родоначальница всѣхъ остальныхъ. У нея на мордѣ были ужъ бѣлые волосы. Толстое брюхо свое она едва тащила по землѣ и на ходу осторожно обнюхивала все, что попадалось на дорогѣ, за ней слѣдовали другія въ строгомъ порядѣ. Съ матерями шли дѣти, не отвлекаясь почти въ сторону. Только однимъ имъ извѣстными потайными ходами животныя пробирались подъ крѣпостной стѣной къ рѣкѣ, пили воду и тѣми же норами возвращались домой.

Старая крыса тутъ же шла позади, зорко слѣдя за тѣмъ, чтобы никто изъ ея потомства не отставалъ. Въ магазинѣ она ждала, пока всѣ остальные не исчезли, и только тогда съ довольнымъ, точно ободряющимъ эту компанію, пискомъ, она сама пролѣзла въ одно изъ отверстій на полу и затѣмъ до утра уже оставалась спокойной.

Теперь Гаврюшкѣ было не до того. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, какъ двѣ молодыя крысы играли на джутовыхъ мѣшкахъ, поднимаясь на заднія лапки, какъ онѣ тяжело шлепались одна послѣ другой о землю, и съ едва различимымъ шорохомъ разбѣгались въ стороны, чтобы вновь тотчасъ же вернуться на эту арену. Мальчикъ между брошенными мѣшками выбралъ одинъ поменьше. Онъ вспомнилъ, что такой именно былъ около. Въ немъ еще мѣсяць назадъ изъ Дербента съ оказіей были привезены пряники — бѣлые, мятные. Гаврюшка уже съѣлъ ихъ, а мѣшокъ тамъ случайно остался. Онъ тотчасъ же нашелъ его, встряхнулъ, и оттуда, выскочилъ въ смертельномъ ужасѣ крохотный мышонокъ, не кстати забравшійся за оставшимися тамъ сладкими крошками.

Выскочилъ, шарикомъ покатился по полу, вильнулъ прочь отъ встрѣченной имъ крысы и въ отчаяніи забрался подъ какіе-то другіе мѣшки.

— Эхъ! Васькинѣтъ! — вспомнилъ Гаврюшка. — Онъ бы тебѣ показалъ ходу! И Васька тоже подлець. Не

давить сразу, а живьемъ играетъ. Точно ей, мышкѣ, не больно!..

Отсюда Гаврюшка отправился къ поварамъ.

Очевидно, у него составился какой-то планъ.

— Дяденька!

— Что тебѣ, малышъ?

— Дай сухарика...

Докторскій денщикъ далъ ему часть пирога, поповская кухарка приласкала „сироту“ и съ полвязки кренделей сухихъ, какъ камень, отсыпала ему. У солдатъ онъ самъ забралъ ржаныхъ сухарей. То же самое отъ продѣлалъ и на другой день. Давали ему сахару, онъ и сахаръ туда же въ мѣшокъ, — пряниковъ, — и пряники въ суму... Мясо ѣлъ, не пряталъ, зная, что оно портится.

Черезъ недѣлю мѣшокъ былъ полонъ. Едва могъ надѣть и завязать его Гаврюшка. Мраченъ и молчаливъ опять онъ сталъ выше мѣръ.

— Чего ты? — спрашивали его; но онъ только сопѣлъ въ отвѣтъ.

Въ субботу священникъ въ церковь его позвалъ:

— Ты чего болтаешься? Иди молиться.

Пошелъ. Солдаты тихо стояли, только шорохъ слышался, когда они крестились. На клиросѣ пѣли комендантъ, — любитель былъ, — и докторъ съ фельдшеромъ. Старикъ, дожившій вѣкъ здѣсь въ крѣпости, шепталъ что-то, глядя на темную икону въ убогомъ окладѣ. „Матушка, Царица Небесная!“ — слышалось Гаврюшкѣ,

и онъ переводилъ глаза на Богородицу, и ему казалось, что Святая Дѣва, сквозь нагрѣтый свѣчами, дрожавшій воздухъ, изъ-за огоньковъ смотритъ прямо на мальчика. Онъ вспомнилъ, какъ отецъ училъ его молиться, и самъ, наивно вѣруя, что молитва его доходчивая произнесъ: „Богородице Дѣво, радуйся, и тяткѣ помощи, и штобъ меня по дорогѣ волки не съѣли, и чекалки не тронули... А добратся я и самъ доберусь...“ Потомъ закрестился и бухнулся лбомъ о полъ. Все продѣлалъ, что ему показывали, и съ спокойною совѣстью выбрался вонъ.

Пора было.

Солнце садилось за Шайтанъ-дагъ, и она, вся черная, рѣзко вырисовывалась въ цѣломъ морѣ огня позади, со всеми своими утесами, кручами, обрывами. Вѣяло прохладой; скоро на востокѣ робко замигали звѣзды, какъ трепетныя золотыя очи... Откуда-то донесся выстрѣлъ, много разъ повторился въ горахъ и замеръ...

Съ башни на башню слышалось однообразное и унылое „слу-шш-ай!“ часовыхъ. Гаврюшка взбѣжалъ на стѣну съ своимъ завѣтнымъ мѣшкомъ... Оглянулся, — видятъ ли его, или нѣтъ. Покосился на Валетку, — здѣсь ли она, и замѣтивъ, что вѣрный песь ужъ летитъ къ нему черезъ плацъ, тихо спустилъ мѣшокъ за стѣну. Съ едва слышнымъ шорохомъ упалъ тотъ въ густую траву. Никто не замѣтилъ... Сейчасъ будутъ открывать ворота: со-

бакъ и секреты выпускать за крѣпость на всю ночь сторожить.

Пора и Гаврюшкѣ.

Онъ разсмотрѣлъ крестъ на церкви, перекрестился. Сумракъ подъ воротами сталъ еще гуще. Чу! слышится ихъ скрипъ, точно каждая ржавая петля жалуется на какую-то обиду. За поворотами тоже потемки. На плацу строятся солдаты, — кому въ секретъ итти. Фельдфебель повѣряетъ ихъ... „Одинъ, два, три“... И такъ себѣ, для формы повѣряетъ.

— Смотри, братцы, сторожи, какъ пѣтухъ! Чтобы ани-ни! — Ружья вольно!

А что „ани-ни“, и самъ не объяснилъ. Да и не зачѣмъ. Народъ надежный. Собаки безшумно собрались на флангѣ...

— Налѣво кругомъ, маршь!

Солдаты повернулись и двинулись въ ворота... Собаки выбѣжали впередъ... Между ними никто и не замѣтилъ Гаврюшки. Маль-



Казакъ на вышкѣ.

чикъ выскочилъ, зайчиномъ упалъ на траву... Ткнулась, было, носомъ въ него Валетка, да только лизнула его и побѣжала къ своему дѣлу. Псамъ нужно вѣеромъ впереди раскинуться, залечь и слушать... Побѣжала Валетка, да вспомнила, что Гаврюшка-то вѣдь одинъ, — мигомъ вернулась... А мальчишка опять услышалъ жалобу ржавыхъ петель и, сообразивъ, что ворота закрылись, — прокрался къ стѣнѣ, куда сбросилъ мѣшокъ, подвѣялъ его и кинулся опрометью въ ущелье, теперь совсѣмъ утонувшее въ ночномъ туманѣ. На отдѣльной вышкѣ за крѣпостью казакъ торчалъ, ужъ на что зорокъ, но и онъ не замѣтилъ, какъ мимо него прокрались собака съ мальчиномъ. До нихъ ли ему было? Онъ, вѣдь, дали сторожилъ, не отрывая отъ нихъ глазъ...

---

## VI.

Лоповъ — вторую недѣлю въ Салахсу. Онъ пока прикованъ къ колодкѣ и, кромѣ четырехъ стѣнъ своей сакли да голубого лоскута неба въ окнѣ, — не видитъ ничего. По этому голубому лоскутку порою черкнетъ птица... Разъ прилетѣла ласточка, сѣла на окно и защебетала о чемъ-то, точно принесла плѣнному ласковый привѣтъ издалека, но не успѣлъ еще всмотрѣться въ нее измученный солдатъ, какъ она взмахнула крылышками, черными острыми, точно что-то стригнула ножницами, и унеслась далеко далеко...

Просыпаясь по ночамъ, Лоповъ въ томъ же окнѣ видѣлъ порою трепетную звѣздочку; разъ вырѣзался ему серпъ луны... Вѣтеръ черезъ то же окно приносилъ изрѣдка лепестки незнакомыхъ цвѣтовъ. Вотъ пока и всѣ впечатлѣнія.

„Какъ это я имъ въ руки дался?— въ сотый разъ принимался соображать колодникъ. — Какъ это они накрыли меня? Ну, — рубились... Началась перестрѣлка, только въ другой сторонѣ была“. Еще Лоповъ, — совсѣмъ уже грѣшно было это, — порадовался, — не на насъ-де гроза нашла. Тѣмъ краемъ пройдетъ, а у насъ, поди, и не ранить никого. Помнить одно, — руки точно и не утомились совсѣмъ, такъ и машутъ топоромъ, точно чья-то посторонняя сила взбрасывала его и врѣзывала глубоко въ крѣпкое и бѣлое тѣло стараго дерева. И товарищи около, — только стукъ ихъ топоровъ слышалъ Лоповъ, а самихъ не видалъ... Сердце шибко колотилось въ груди, и вдругъ около, казалось, рядомъ съ нимъ, ахнуло что-то, и громадное дерево, точно крупнымъ градомъ, осыпали пули... Второй залпъ... чей-то стонъ, и не успѣлъ еще Лоповъ кинуть топоръ и за ружье схватиться, какъ что-то въ воздухѣ его подняло!

Только черезъ нѣсколько секундъ онъ понялъ, что это его подхватили лезгины и ротъ ему чѣмъ-то забили, и не успѣлъ онъ еще очнуться, какъ они ему руки назадъ скрутили. Вѣтви хлестали ему въ глаза, позади слышались выстрѣлы, пули догоняли и перепо-

няли ихъ, чмокаясь въ стволы старыхъ деревьевъ, прорѣзывая густую листву дуба, а его похитители только больше и больше прибавляли шагу.

Вынеслись на открытое мѣсто, — а тутъ рванья черкески, блестящіе оружіе, кое-гдѣ красивыя папахи. Стреноженные кони... Галдитъ толпа остервенѣлыхъ азіатовъ. Одинъ, было, на Лопова наскочилъ, съ налитыми кровью глазами, чуть не толкнулъ его кинжаломъ, — да взявшіе его отбросили прочь нападава-шаго.

— Ты что это? Самъ бралъ въ плѣнъ его, что ли?

— Проклятое отродье... У меня брата они убили.

— Заплати за плѣннаго, тогда и рѣжь его.

Лезгинъ только злобно покосился на Лопова и ото-шелъ прочь.

Гдѣ-то дальше, въ лѣсу, слышалось наше „ура!“ Сквозь чашу долетали сюда могучими раскатами и грохотъ горныхъ орудій, и сухая трескотня залповъ. „Наши идутъ, слава Богу! Авось, вызволятъ“... Но вонъ оттуда стремглавъ побѣжали растерянные обо-рванцы. Мимо крикнули что-то новымъ хозяевамъ Ло-пова, и они исполошились, на коней вскочили, бро-сили арканъ ему на шею и захлестали плетью по крупамъ лошадей и по плечамъ Лопова.

— Эй... Иванъ! — кричатъ ему они, — шибко ходи... Если не шибко ходи, кончай башка будетъ.

И размахиваютъ широкими длинными кинжалами, точно и безъ того непонятно, въ чемъ дѣло...

Лоповъ поневолѣ побѣжалъ... Когда онъ, задыхаясь, приостанавливался, петля аркана смертными тисками стягивала ему горло, и онъ напрягалъ послѣднія силы, кидаясь впередъ. Плечи его ужъ покрылись рубцами отъ плетей. Какой-то лезгинъ чтобы придать ему больше быстроты, чуть ткнулъ его кинжаломъ въ спину; сквозь прорѣху шинели показалась кровь... Къ счастью, „ура“ замолкло. Отбивъ атаку лезгинъ, наши перешли въ наступленіе и, отбросивъ ихъ, остановились. Горцы, взявшіе Лопова въ плѣнъ, поѣхали потише. Солдаты могъ, такимъ образомъ, вздохнуть и перевести духъ.

Пришлось ѣхать мимо ключа, булькавшаго и игравшаго въ травѣ. Лоповъ припалъ къ нему сухими губами: казалось, отъ тоски и усталости море бы выпилъ! Хорошо, что кони тоже опустили рядомъ свои морды въ воду. Иначе не разъ бы прошла лезгинская нагайка по спинѣ плѣнника. Напился... лицо себѣ намочилъ, голову, и опять натянулся арканъ, и вновь они потащили его за собою къ ущелью, шедшему все вверхъ да вверхъ. Тутъ ужъ и кони пошли тихо, незачѣмъ было торопиться, — Лопову стало легче. То и дѣло ихъ нагоняли горцы, хмуро смотрѣвшіе на солдата. Одинъ, было, поднялъ на него руку; но его остановили: „чего безъ нужды бьешь? Въ бою взять; вѣдь плѣнный — не рабъ!“ И тотъ, ругаясь, отѣхалъ прочь. Цѣлый день шли, — на ночь залегли въ лощинѣ. Вынули конопляныя лепешки, сушеное

мясо, сами поѣли, дали и Лопову. Прежде чѣмъ заснули, спутали ему ноги и связали руки назадъ.

Просыпаясь, онъ видѣлъ сквозь чащу деревьевъ звѣзды, слышалъ печальный крикъ филина и издали — тоскливый и отчаянный лай и рыданія чекалокъ.

На разсвѣтъ солдата подняли на ноги. Опять цѣлый день мучительнаго пути. Лоповъ спотыкался и падалъ; но всадники не останавливались; только арканъ натягивался, и петля ужасно давила ему горло. Наконецъ, къ вечеру у Лопова не хватило силъ. Онъ перекрестился, вспомнилъ Гаврюшку, мысленно помолился за него и рухнулъ лицомъ въ землю. Петля тянула шею такъ, что еще мгновеніе, и онъ бы задохся. Всадники удержали коней... Начали орать на Лопова. Ругали его. Одинъ подѣхалъ и давай его хлестать нагайкой; но Лоповъ только стоналъ и вздрагивалъ подъ ударами, но не поднимался. Другой приблизился.

— Иванъ, а, Иванъ!

Лоповъ едва поднялъ голову.

— Вставай... Итти надо.

— Не могу... Силы моей нѣтъ.

— Тогда башку прочь... — И онъ вынулъ кинжалъ...

Даже къ горлу солдата его приставилъ.

— Упокой, Господи! — тихо прошепталъ Лоповъ, крестясь.

Кинжалъ остановился.

— Ну, Иванъ, что же ты?.. Секимъ-башка хочешь?  
И лезгинъ кольнулъ Лопова кинжаломъ.

Измученный солдатъ закрылъ глаза.

„Конецъ приходитъ! — думалъ онъ, — Господи, помилуй душу мою... Призри сироту...“ — И воспоминаніе точно въявь нарисовало передъ нимъ веселую мордашку замусленнаго Гаврюшки...

Лезгины заговорили по-своему. Одинъ изъ нихъ предлагалъ прирѣзать плѣннаго. Что съ нимъ еще возиться?

— Пожалуй, рѣжь! — соглашался другой. — Только заплати мнѣ мою половину.

Тотъ недовольно отошелъ въ сторону.

— Вставай, вставай, Иванъ...

— Не могу... Нѣтъ моей моченьки.

Лезгинъ поднялъ его.

— Садись на лошадь. Вмѣстѣ поѣдемъ.

Онъ помогъ ему занять мѣсто впереди, а самъ помѣстился на крупъ коня, позади Лопова, и все время крѣпко держалъ солдата, точно боясь, что плѣнникъ, даже истерзаный, убѣжитъ отъ него.

Прячась по горнымъ трущобамъ, останавливаясь во рвахъ и оврагахъ днемъ и выѣзжая въ путь только ночью, — лезгины, наконецъ, вернулись въ Салахсу.

### VIII.

Чего-то только не было на первых порахъ съ несчастнымъ Лоповымъ, забраннымъ во враждебную ему среду! Сначала на джааматъ — народномъ собраніи — лезгины допытывались у Лопова:

— Твоя офицеръ?

Ужь оправившійся отъ усталости, Лоповъ только отплевывалъ въ сторону и хмурился.

— Скажи правду, тебѣ лучше будетъ.

Лезгинамъ очень важно было знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. За офицеровъ имъ давали большіе выкупы. Когда не хватало на это денегъ у кавказской администраціи того времени, на помощь къ ней приходилъ императоръ Николай. Къ Лопову, поборовъ свою важность, приступили, наконецъ, старики съ крашеными хною (хиною) бородами, казавшимися издали красными, а вблизи — малиновыми. Оттого въ аулахъ почтенные люди и назывались обыкновенно „красныя бороды“.

— Скажи, тебѣ лучше будетъ. Станемъ тебя бузой поить, арьяну дадимъ... хинкалу...

— Да что вы, черти, — озлился Лоповъ, — простого солдатишку отъ офицера отличить не можете... Какой я вамъ офицеръ? Рядовой Апшеронскаго полка, — вотъ и все... И неграмотный, — хорошъ офицеръ!

— Ты не бойся, ты скажи... Если офицеръ, за тебя сейчасъ царь бочку денегъ пришлетъ.

— Эхъ, дура азіатская!.. — И Лоповъ пошелъ прочь.

Его опять привели въ нижнее отдѣленіе сакли и приковали къ тяжелой колодкѣ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Къ нему прибѣгали сюда отвратительныя горекія старухи, бранили солдата, кляли его за то, что ихъ дѣти погибли въ бою съ русскими, бросали въ него камешками съ улицы, грязью, плевали на него. Онъ отругивался, сколько

могъ, — но вѣдь отъ комаровъ не отобьешься, — и, наконецъ, замолкъ, поворачиваясь только спиною къ этимъ мегерамъ.

Наконецъ, хозяину стало жаль плѣнника. Онъ разогналъ

старухъ и заперъ его. Теперь онѣ прибѣгали къ окну и оттуда донимали его своими проклятіями, но зато, сравнительно, онъ былъ покойнѣе.

— Ты что меня, какъ пса, на цѣпи держишь? — спросилъ разъ Лоповъ у лезгина.

— А какъ иначе?

— Раскуй. И то у меня на ногахъ раны пошли отъ желѣза.



Лопова приковали къ колодкѣ.

— Погоди!.. Скоро нельзя. Скоро расковать, — обидишь! Если бы ты былъ рабъ или женщина, — другое дѣло. А свободнаго человѣка въ плѣну только и удержишь цѣпями.

— Мнѣ, братъ, твоего отличія не надо.

Хозяинъ покачалъ головою, но на другой день пришелъ и снялъ цѣпи. Теперь и аульные старухи точно попривыкли къ Лопову; толко при встрѣчѣ плевали ему вслѣдъ да кулаками грозили. Солдатъ, отъ нечего дѣлать, и по врожденной ему добротѣ (что же даромъ-то хлѣбъ ѣсть!), началъ помогать женщинамъ по дому. Ходилъ имъ за водою, мѣсилъ тѣсто, чистилъ саклю... Мало-по-малу онѣ оцѣнили эту простую, безкорыстную душу.

— Урусъ-якши! — кричали онѣ ему, смѣясь. — Урусъ-чохъ-якши... (Хорошій русскій, очень хорошій русскій).

— То-то и оно! — глубокомысленно изрекалъ онъ.

Потомъ къ нему привязались дѣти. Онъ самъ, вспоминая своего Гаврюшку, ласкалъ ихъ и мастерилъ имъ изъ дерева игрушки. Большеглазые голыши горнаго аула, точно стаи птицъ, наполняли его саклю. Съ утра они толпились у него, а это повело къ тому, что и старухи помирились и съ присутствіемъ русскаго въ аулѣ. Онѣ только хмурились и отворачивались при встрѣчѣ.

— Чего морду-то воротишь? — смѣялся Лоповъ. — Небось не поцѣлую...

Хозяинъ сталъ камни таскать для новой сакли, и Лоповъ съ нимъ. Совѣмъ по душѣ ему пришелся.

— Когда тебя царь выкупить, — двѣ горсти золота денегъ пришлетъ, кунакомъ будешь, — утѣшаль его хозяинъ.

— Ладно. Вотъ наши апшеронцы сначала ваше разбойничье гнѣздо разорять.

— Какъ это? Къ намъ не подступишь!

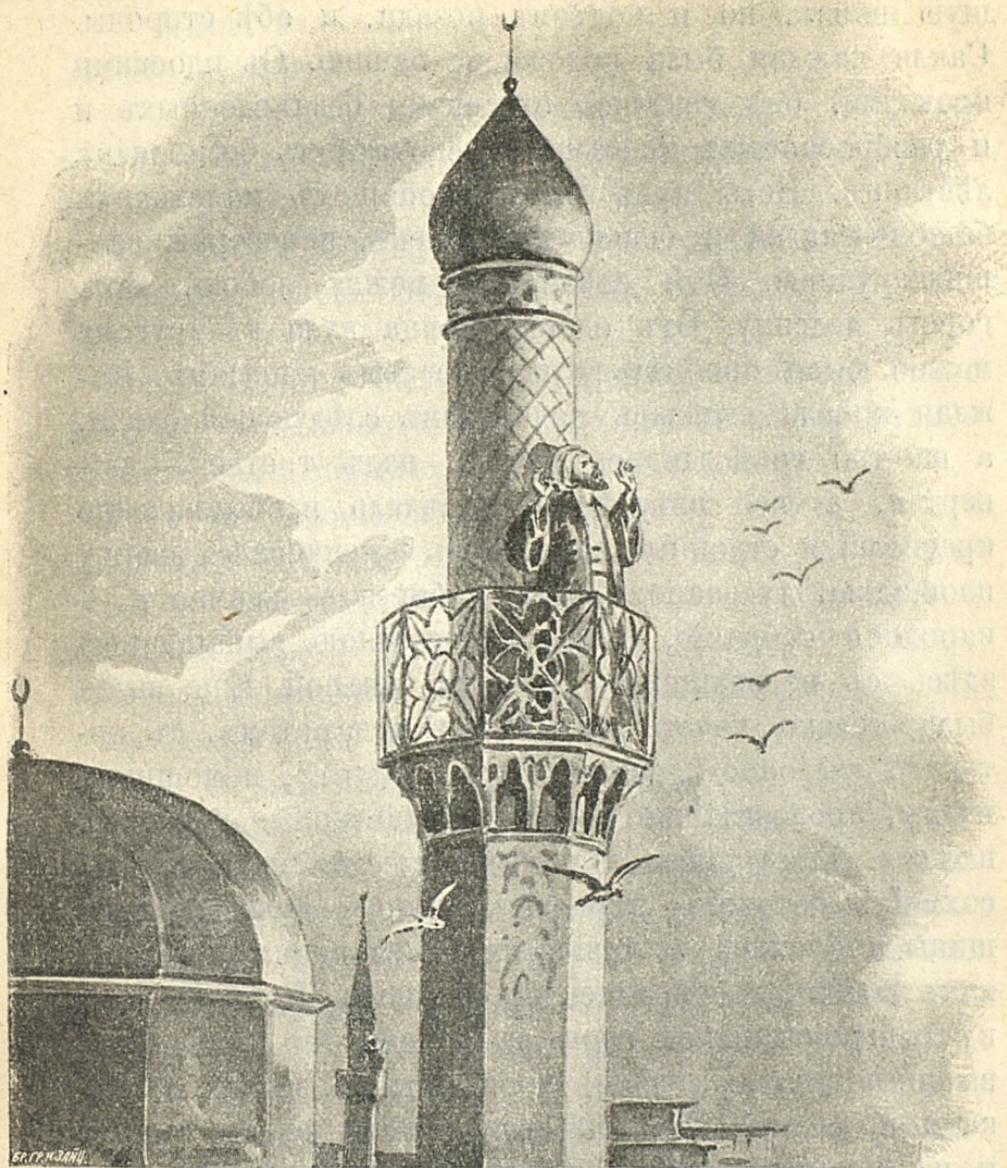
— Со Слѣпцовымъ ходили, и опять придемъ. Ты думаешь, забрались вы сюда на вышку и правы? Будь спокоенъ! Какъ намъ, да не достукаться до васъ, коли горнисть сигналъ подастъ? Знаешь ты наши сигналы? Наступленіе, примѣрно: дружина храбрая впередъ, дирекція направо. Какъ же, чудакъ ты этакій, не доберемъ, ежели команду сигналъ подастъ? Да мы бы до тебя и на небѣ добрались, будь спокоенъ.

— Теперь аулъ силенъ. У насъ башенъ сколько однѣхъ.

— И башни не напужаешь. Что твои башни? Хвостовъ отъ нихъ не останется, отъ твоихъ башенъ.

— Ты посмотри!

Дѣйствительно, Салахсу на темени горы былъ обнесенъ отовсюду стѣнами; сверхъ того, поперекъ улицъ торчали башни, такъ что самыя улицы шли въ норахъ подъ ними. И башни эти были такъ устроены, чтобы засѣвшимъ въ нихъ джигитамъ можно было обстрѣливать не только улицу, бѣжав-



„Будунъ“ съ минарета провозглашаеъ намазъ.

шую внизъ, но и подъемъ позади, и обѣ стороны. Сакля каждая была похожа на башню. Съ плоскими кровлями, онѣ казались ступенями безчисленныхъ и и разбросанныхъ въ самомъ непонятномъ безпорядкѣ лѣстницъ. Весь ауль былъ скопищемъ маленькихъ башень-саклей и большихъ башень, перегораживавшихъ улицы. Онѣ слѣпились между собою, какъ горсть леденцу. Отъ одного конца аула къ другому можно было пробраться по плоскимъ кровлямъ. Каждая кровля являлась подножіемъ слѣдующей сакли, а на той громоздилась третья, надъ третьей — четвертая, а все вмѣстѣ представляло необыкновенно красивый и стройный видъ. Ауль заканчивался вверху площадью, гудеканомъ, гдѣ собирался джамаатъ, — народное собраніе, подъ единственною выращенною здѣсь съ величайшимъ усиленіемъ чинарой. Еще выше была только мечеть со своимъ минаретомъ, съ котораго въ опредѣленные часы „будунъ“, помощникъ муллы, провозглашаетъ строго назначенные кораномъ намазы. Сами улицы аула были похожи на ложа высохшихъ потоковъ; вѣроятно, поэтому аульня женщины старались избѣгать ихъ и изъ дома въ домъ, какъ кошки, пробирались по крышамъ. Кругомъ аула вдали громоздились горы за горами; но ауль былъ выше всѣхъ, и солнце, прощаясь съ землей на закатѣ и здравствуясь съ нею, горѣло на его мечети и на минаретѣ, хотя долины и скалы горъ были уже въ темнотѣ или уже во мракѣ...

— Нѣтъ, ауль разорить нельзя! — раздумывая, говорилъ лезгинъ.

— А вотъ увидимъ... Камня на камнѣ не останется, — будь спокоенъ. И съ чего только вы бунтовать вздумали?

По простодушному убѣжденію солдата, горцы отстаивавшіе свою свободу, были только бунтовщиками...

Когда Лопову было посвободнѣе, и работы около дома не оказывалось, онъ уходилъ за стѣны аула и садился надъ обрывами въ глубокія долины...

Тутъ онъ оставался на цѣлые часы. Внизъ падали головокружительныя кручи, вверху было синее-синее небо, по которому рѣяли только орлы, высматривавшіе себѣ добычу. Кругомъ передъ Лоповымъ разстилались безчисленныя вершины горъ, однѣ за другими: ясно очерченныя тѣ, что были ближе, туманныя — позади и едва-едва мерещившіяся, сливавшіяся съ горизонтомъ — за ними. Кое-гдѣ по нимъ намѣчивались неталые снѣга, а ледники сверкали, какъ невѣдомо откуда опустившіеся на землю серебряныя вѣнцы. На горахъ поднимались порою острые и длинные утесы, то похожіе на колонны, утратившія свои капители, то на каменные персты, которыми земля указывала вѣчную тайну, хранимую небесами. Между горами въ туманъ и сумракъ уходили ущелья и долины, откуда порою слышались говоръ потоковъ, гулъ водопада или одинокій выстрѣлъ лезгина-охотника,

блуждающаго по захоlustьямъ за джейранами. Вершины и скаты ихъ были голы. Отъ нихъ вѣяло печальнымъ величїемъ; какъ стѣны громаднхъ храмовъ, ничѣмъ внутри не украшенныхъ, они производили впечатлѣніе мистической простоты и громадности, всѣ поросли уходили внизъ, къ берегамъ рѣкъ и потоковъ, къ сырмъ ущельямъ. Надъ пропастями курились туманы. Порою они поднимались вверхъ, и солнце на нихъ своими животворящими лучами рисовало быстро смѣнявшїеся, таинственные миражи. Лопову чудилось, что вонъ за тѣми пустынными горами, словно пылавшими среди безконечности, синѣетъ воздушное марево Каспійскаго моря. А тамъ вонъ сползаетъ къ нему Дербентъ... А еще дальше раскинулась и сама матушка Россія... Солдата тянуло на родину къ приземистымъ избамъ и чахлымъ раkitамъ роднаго села, къ покосившейся убогой церкви и старому кладбищу съ забытыми могилами...

Но чаще всего Лоповъ уходилъ и глазами, и сердцемъ за скалистый, словно оцетинившїйся утесами кряжъ горъ. Онъ зналъ, что тамъ, за нимъ, запрятавшаяся въ сочную падь, лежитъ теперь у своей рѣчушки одинокая крѣпостца... На углахъ башни, подъ навѣсомъ, стоитъ на часахъ товарищъ и зорко смотритъ вглубь разбѣгающихся во всѣ стороны ущелїй... Солнце нѣтъ-нѣтъ да и сверкнетъ на мѣдной пасти орудїа въ амбразурѣ этой башни. А за башней въ крѣпости, на плацу, какъ живой, такъ и



Горныя вершины.

вырисовывается Гаврюшка. Что-то онъ тамъ дѣлаеть? Забрался подъ чинару и спить, либо воюеть съ Васькой по крышамъ низенькихъ, словно въ землю вросшихъ, казармъ, или слоняется отъ комендантской кухни къ попу, а отъ попа—къ доктору. Думаетъ ли малецъ о немъ, о своемъ отцѣ, или ужъ забылъ? Дѣтское сердце большою памятью не обладаетъ. Гдѣ ребенка пригрѣли да приласкали, тамъ ему и семья, и домъ. Пожалуй, Гаврюшкѣ и не снится про отца, что тоскуеть теперь надъ безднами дагестанскихъ горъ, вперяя взгляды въ эту несодолимую даль. А если и снится, то съ первымъ лучомъ солнца сны уходятъ прочь, а за цѣлый день онъ и не помянетъ тятюку. Еще слава Богу, что люди кругомъ хорошіе: не обидятъ ребенка, напротивъ, пріютятъ, займутся имъ. „Что же, наше дѣло старое, — думалъ Лоповъ.— Вамъ, малышамъ, жить, а намъ помирать. Куда вырвешься изъ этой мышеловки?“

— А отчего же и не вырваться?

И Лопова всего точно жаромъ обдало.

— Отчего же и не вырваться?..

Въ самомъ дѣлѣ, отчего? Вонъ Остапенко былъ въ плѣну у самого Шамиля и ушелъ, вѣдь; пластунъ къ нимъ же въ крѣпость приволокся умирающій и измученный. Или Арефій Самсоновъ... Теперь фельд-фебелемъ въ нашей ротѣ. Пять годовъ пробылъ у азіатовъ и выкрутился. Только надо смѣлость имѣть, а отчего не уйти.

И Лоповъ уже зорко сталъ высматривать, какими дорожками „убѣчь“ отсюда. Ему даже свѣтлѣе на душѣ стало. Чего смотреть, въ самомъ дѣлѣ? Этакъ, вѣдь, до конца жизни просидишь здѣсь на самой вышкѣ, съ Азіей гололобой. Рѣшиться — и конецъ. Либо Господь вызволить, либо убьютъ. Помирать-то, вѣдь, тоже надо. Не вѣчно жить. А тутъ вонъ вчера мулла ихній приставать сталъ... Въ свою вѣру тянетъ... Грозить... Обольщаетъ!.. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, уйти. Не онъ первый, не онъ и послѣдній. Коня внизу изъ табуна добудеть, а то и такъ на своихъ добредеть. Хорониться днемъ придется по лѣсамъ да щелямъ, а ночью въ путь.

Никто, вѣдь, какъ Богъ. Поможетъ, такъ и не изъ такой трущобы цѣлымъ выйдешь...

И жарко даже стало Лопову отъ этой новой, глубоко запавшей ему, мысли.

— Когда уйтить... Нѣсколько дней обождать надо... Больнымъ прикинуться, чтобы надзору меньше было. Лихорадка будто. Пушай своихъ знахарей возять, сколько угодно... А то теперь нѣтъ-нѣтъ — да за мною и приглядятъ хозяева.

Онъ оглядѣлся, и въ самомъ дѣлѣ, за зубцами замѣтилъ лезгина Аслана, — хозяйскаго брата.

— Ты чего тамъ?

— За тобой смотрю.

— Зачѣмъ?

— А то уйдешь.

— Я-то уйду?

— Отчего не уйти?.. Орель всегда рвется въ небо, а волкъ — въ лѣсъ... Я бы только и думалъ въ плѣну, какъ бы уйти.

— Очень нужно, — засмѣялся Лоповъ. — Мнѣ и здѣсь хорошо. Кормы у васъ есть... Не сытно, а все же жить можно; бабы ласковыя, хозяинъ доберьъ, — чего еще... а въ крѣпости мнѣ вотъ какъ служба надоѣла; ты думаешь, легкое дѣло это? Поди-ка, послужи съ нами.

— У насъ хорошо.

— Вотъ то-то и оно. А ты: — „убѣчь!“ Что я себѣ врагъ, что ли?

Асланъ недовѣрчиво покосился на него.

— Это тебя мулла вчера убѣдилъ?

— Хотя бы и мулла.

— И ты его не слушай.

— Почему?

— А потому... нашимъ станешь, мы за тебя выкупа не получимъ. Нѣтъ, ты свою вѣру крѣпко держи, Узнаетъ царь и три горсти золота за тебя пришлетъ, а тебя большимъ офицеромъ сдѣлаетъ. Награду дастъ. Крестъ тебѣ на грудь повѣситъ, молодыхъ красивыхъ женъ тебѣ пришлетъ. Саклю выстроить большую, хорошую. Ты муллу не слушай. Онъ говоритъ глупое. Ему ничего, а за что мы убытокъ будемъ терпѣть. Мы, вѣдь, тебя кормимъ...

— А все-таки убѣчь я не согласенъ.

Голова Аслана исчезла за зубцами стѣны.

— Дуракъ народъ!.. Погоди-ка, я тебѣ покажу пятки. Будетъ тебѣ выкупъ. Чего захотѣлъ, — три горсти золота? И даромъ уйду. Только и видѣли. Ищи вѣтра въ полѣ.

И онъ опять оставался цѣлые часы на камняхъ, надъ бездною, всматривался въ манившую его къ себѣ даль.

---

## IX.

Прошло еще нѣсколько дней... Лоповъ пересталъ выходить изъ сакли. Къ нему забѣгали дѣти хозяина, нѣсколько разъ въ день заглядывалъ Асланъ; плѣнникъ даже не оборачивался къ нимъ. Онъ выползалъ порою на порогъ, но тотчасъ же уходилъ назадъ, жалуясь на недомоганіе.

— Что съ тобой? — спрашивали его.

— Такъ, маячитъ. Огневица привязалась, должно быть.

— Хочешь айрану?

— Давай, пожалуй.

Онъ ѣлъ простоквашу, и опять точно ему было, дѣйствительно, жутко, — отворачивался лицомъ къ стѣнѣ и стоналъ.

— Не бойся, скоро пройдетъ...

Лоповъ въ глазахъ у всѣхъ такъ ослабѣлъ, что его разъ даже забыли запереть на ночь... Хозяинъ утромъ чуть свѣтъ прибѣжалъ къ нему.

— Ты здѣсь? — испуганно спросилъ онъ.

Лоповъ даже не обратилъ лица къ нему.

— Я думалъ, ты убѣжалъ ужъ. Асланъ забылъ замкнуть тебя.

Солдаты даже перестали понимать, что ему говорить.

Послали за будунемъ. Здѣшній будунъ славился своими медицинскими свѣдѣніями и лѣчилъ всѣхъ въ аулѣ. Онъ пришелъ толстый, неповоротливый, заплывшій жиромъ.

— Ну... Чего твоя?

Только будунъ и зналъ по-русски.

Посмотрѣлъ на больного, дунулъ ему въ лицо, Лоповъ, точно въ бреду, заболталъ что-то, размахнулся и, какъ-будто не зная, что дѣлаетъ, закатилъ будуну такую затрещину, что онъ полетѣлъ на полъ...

Великій аульный врачъ вышелъ къ хозяину.

— Ну, что съ нимъ?

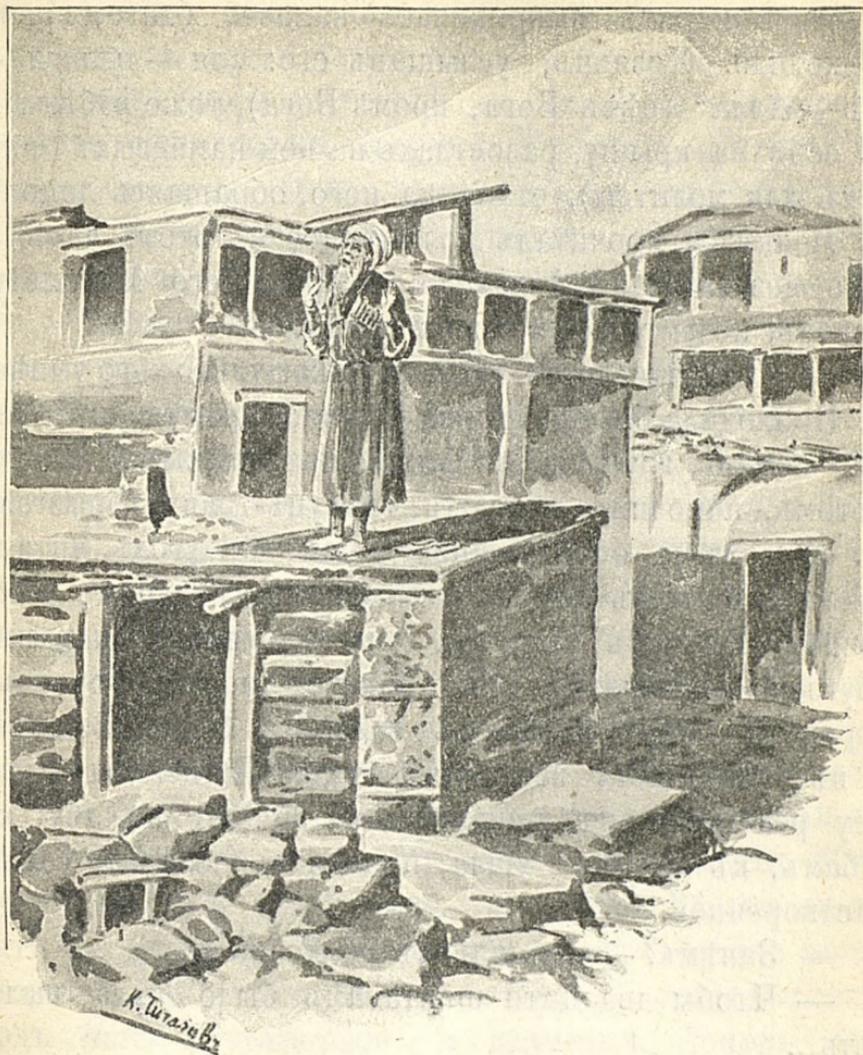
— А то, что скоро яму копать придется...

— Вотъ тебѣ и на... А мой выкупъ? Я бы лучше его зарѣзалъ, чѣмъ кормилъ столько времени.

— Плохо, Мемедъ, твое дѣло. Въ уруса двадцать шайтановъ вселилось, и въ правой рукѣ у него самый большой сидитъ. Ужъ такъ они его не оставятъ... Съ собой унесутъ въ адъ черную душу гяура.

— Ишь, собака!

— Хуже собаки... У собаки не душа, а парь. Собака издохнетъ, и конецъ, а гяуръ (невѣрный — хри-



Асланъ стоялъ на молитвѣ.

стіанинъ) умереть, — ему цѣлую вѣчность еще въ аду мучиться.

Будунъ получилъ поль-абаза—гривенникъ—убрал-

ся на минареть выкрикивать намазъ, благо, время подходило. Хозяинъ, услышавъ его: „ля — иллаги — иль — Алла“ (нѣтъ Бога, кромѣ Бога), тоже взбѣжалъ къ себѣ на крышу, разостлалъ на ней намалзыкъ (коврикъ для молитвы), сталъ на него, обращаясь лицомъ къ Меккѣ, и прочиталъ положенное въ этотъ часъ и день воззваніе къ Аллаху и пророку его Магомету. Лоповъ, лежа у себя, только смѣялся:

— Постоите, черти... Я вамъ покажу, кто кого умнѣе?

Приходила баба-знахарка и приносила сушеный конскій пометъ, жгла его въ саклѣ, приговаривала что-то. Потомъ, помочивъ въ водѣ таркушъ-траву, брызгала ею кругомъ и, обернувшись лицомъ въ уголъ, читала заклятіе противъ двадцати открытыхъ будуномъ шайтановъ. Кончивъ заклятіе, она вынула изъ кармана круглый камешекъ. Онъ, видите ли, по горскому вѣрованію, образовался въ головѣ у большой змѣи, и въ немъ была заключена чудодѣйственная сила. Эту реликвию она прикладывала Лопову ко лбу, къ губамъ, къ груди, и ушла, приказавъ оставить саклю растворенной.

— Зачѣмъ? — спрашивалъ ее хозяинъ.

— Чтобы двадцати шайтанамъ было куда вылетѣть...

— Такъ они къ намъ заберутся!

— Зачѣмъ имъ? Развѣ мы нечистые гяуры? Насъ самъ пророкъ оберегаетъ.

Приказаніе ея было исполнено свято.

Еще одну ночь Лоповъ выдержалъ, а вечеромъ на слѣдующую, когда шумъ въ аулѣ замеръ, и послѣдній намазъ провозгласился съ минарета муэззиномъ, солдатъ поползъ къ дверямъ. Огни въ сакляхъ побогаче погасли. Одна луна свѣтила на безлюдныя улицы, да собаки лаяли съ крышь... Сердце у плѣннаго билось съ болью, точно оно хотѣло сломать свою клѣтку и вылетѣть на свободу. Лоповъ воротился, разгребъ солому-саманъ у своего изголовья и вынулъ оттуда весь сбереженный имъ за это время запасъ. Оказалось нѣсколько конопляныхъ лепешекъ. Потомъ онъ пробрался въ клѣтъ къ хозяину и, вытащивъ оттуда муку, ссыпалъ ее въ холщевый мѣшокъ... „Потомъ сочтемся“, — засмѣялся Лоповъ... Вышелъ на улицу, — тихо... ни души кругомъ... Кошка крадется мимо; увидѣла Лопова, изъ-подъ ногъ у него кинулась прочь. Солдатъ перекрестился.

— „Господи, помоги!.. Не ради меня, ради младенца“. И едва-едва слышно сталъ красться къ стѣнѣ аула... Если его теперь встрѣтятъ, все пропало. Поймутъ, что онъ притворялся, и конецъ. Опять посадятъ на цѣпь, къ колодкѣ прикуютъ, — и жди тогда скорѣй смерти, чѣмъ свободы. Камень сорвался изъ-подъ ногъ и покотился по крутизнѣ. Лоповъ прижался къ какой-то саклѣ и нѣ дышитъ. Собака на него накинулась, ожесточенно и глупо лая; другія подхватываютъ. Въ саклѣ отворилась дверь, недоумѣвающее женское лицо выглянуло и въ сумракѣ

не замѣтило Лопова; проснувшаяся обругала собакъ донгузами (свиньями), и опять исчезла... Лоповъ кинулъ псамъ нѣсколько сухарей; псы кинулись на нихъ и оставили его въ покоѣ. Теперь уже не далеко и до выхода. Господи, ноги точно свинцомъ налиты, дыханіе съ такою болью вырывается изъ груди!.. Страшно. Не лучше ли назадъ: вѣдь наткнешься на оборванца-лезгина, — зарубить. Ну, да никто, какъ Богъ! Лоповъ еще разъ перекрестился и двинулся, только мягкіе чевяки — мѣстную обувь — снялъ. Босая нога все не такъ шуршитъ по камню. Вонъ и стѣна. Въ выходѣ, поперекъ, развалился и спитъ какой-то байгушъ. Надо черезъ него, а ежели проснется?.. Лоповъ крадется, какъ мышь. Что, если собаки теперь на него накинутся, — бѣда! Какъ бы лежащаго не разбудило сердце, что съ такою болью бьется въ груди у солдата... Нѣтъ, слава Тебѣ Господи. И не шелохнулся, когда бѣглець переступилъ черезъ него... Теперь впереди — свобода. Опасность неминуемая и страшная осталась за этими зубчатыми стѣнами стараго аула. Только вершина горы, на которой стоитъ Салахсу, внѣ тумана, — шаговъ сто, двѣсти, внизъ, и Лоповъ утонетъ въ немъ, и тогда никто, никто его не увидитъ въ однообразномъ маревѣ. Только бы подозрительный Асланъ не проснулся и не навѣстилъ его саклю. Тогда сейчасъ поднимутъ тревогу, — и прощай жизнь, прощай воля!

Лоповъ самъ не замѣчалъ, что онъ ужъ давно бѣ-

жалъ внизъ, можетъ быть, потому, что мысли въ его головѣ роились и кружились съ еще большею быстротою. Онъ не слушалъ, что изъ-подъ ногъ у него то и дѣло срываются камни и, точно подавая вѣсть впередъ о бѣглецѣ, стремглавъ падаютъ съ крутизны. Солдатъ очнулся только тогда, когда его отовсюду окружилъ непроницаемый туманъ. И, оглянувшись назадъ, Лоповъ уже не увидѣлъ ни аула, ни темени крутой горы, ни неба вверху съ его звѣздами. Одна луна распускала въ туманѣ какой-то молочный свѣтъ. Тутъ во мглѣ даже и тѣни не ложилось отъ бѣгущаго плѣнника.

На другой день онъ даже сообразить не могъ, какимъ это образомъ ему удалось одолѣть кручу. Направо и налево отъ сѣдловинъ, по которымъ ему приходилось бѣжать, падали бездны; дна ихъ не увидишь; сорвись туда, — и лезгины не отыщутъ костей въ этихъ шайтановыхъ убѣжищахъ. Часто эти сѣдловины суживаются въ тропинку, въ тонкіе карнизы. И днемъ по нимъ итти — голову кружить, а Лоповъ ночью, въ туманѣ, пробѣжалъ ихъ.

Чу!.. Говоръ ключа. Онъ отыскалъ его въ темнотѣ, припалъ къ животворной водѣ сухими отъ усталости губами. Жадно, торопливо пьетъ. Надо за эту ночь положить между собою и ауломъ такое разстояніе, чтобы лезгины его не догнали на своихъ коняхъ. Хоть до измора бѣги! Лоповъ съ минуту отдохнулъ тутъ. Вѣтеръ проснулся въ ущельяхъ, засвистѣлъ

между утесами; внизу, въ пади самой, слышались вопли чекалокъ и крики какой-то безпокойной птицы. Пора!.. Лоповъ вскочилъ и опять кинулся въ путь. Первыя вѣтви хлеснули ему въ лицо. Слава Богу, до лѣсу добрался! Какіе-то ночные цвѣты сильно запахи. Въ вершинахъ гуль и шорохъ. Сквозь туманъ едва намѣчиваются толстые стволы вѣковыхъ деревьевъ, корявыхъ, принимающихъ фантастическія очертанія. Чу, вѣтви хрустятъ гдѣ-то. Идетъ кто? Нѣтъ, такъ... Или слышалось! И Лоповъ уже спокойно двигается все прямо и прямо, наугадъ. Сбиться здѣсь легко. Пожалуй, вмѣсто своей крѣпости, войдешь въ еще болѣе дикіе и отдаленные отъ русскихъ аулы.

---

## X.

Перерѣзанная горными хребтами мѣстность, по которой теперь приходилось осторожно и опасно идти бѣдному плѣннику, составляла часть Дагестана.

Трудно даже на Кавказѣ найти болѣе дикую страну. Она вся стремится голыми и утесистыми вершинами въ небеса, точно ей надоѣла земля, и въ одномъ неукротимомъ порывѣ лезгинскій край рванулся въ безграпичное царство лазури, да и замеръ тамъ, не осиливъ пространства. Лѣсъ, рѣчки,—все это хоронится внизу, въ безднахъ и ущельяхъ; сверху солнцу

и вѣтру горная область подставляетъ только каменные латы.

Одно аварское племя могло осѣсть здѣсь на негостепріимныхъ, а часто даже и страшныхъ вышкахъ, прилѣпить аулы, точно ласточкины гнѣзда, надъ пропастями къ отвѣсамъ утесовъ, да такъ и застыть въ гордомъ одиночествѣ до того момента, когда въ эту таинственную глушь смѣло ворвались передовыми отрядами русскіе.

Сами себя лезгины звали мгарулалъ, т.-е. горцы. Другого имени они не хотѣли. Про себя они говорили: „Между Богомъ вверху и людьми внизу—только мы!“ Они дѣлились на различные племена и кланы, часто объяснявшіеся разными языками. Другіе кавказскіе горцы оцѣнили ихъ отовсюду своими поселками, занимая лучшія мѣста, гдѣ земля была не такъ скудна, солнце не жгло безпощадно, и горныя метели не бѣсились злобно. На чеченцевъ, андійцевъ, дидойцевъ, кумыковъ, акушинцевъ и другихъ лезгины смотрѣли съ пренебреженіемъ. Гумбетовскіе аварцы даже пѣли: „Мы на землѣ гости... Мы сюда приходимъ на краткое время; зачѣмъ же заботиться о томъ, чтобы нашимъ тѣламъ было лучше? Все это сгніетъ и уничтожится... Пусть наши молодужные сосѣди хлопочуть о завтрашнемъ днѣ. Это „завтра“—на кончикѣ шашки, наши души—въ рукахъ у Аллаха!“

Дороги сверху внизъ бѣжали по краямъ скалистыхъ

выступовъ, часто — по ручейкамъ надъ безднами, откуда курился парь; надъ ними, ниже людей, спускавшихся изъ ауловъ, чернѣли орлы; рѣя надъ чудными домами, они находили у другихъ племенъ добычу,—у лезгинъ пернатымъ хищникамъ нѣчемъ было поживиться. Страшно и теперь смотрѣть; какъ среди



Лезгинскія дѣвушки съ кувшинами на плечѣ.

обнаженныхъ горъ лезгинскія дѣвушки съ кувшинами за плечами быстро идутъ внизъ туда, гдѣ даже у привычнаго горца другого племени кружится голова. Когда „джигиты“ съ набѣговъ на русскіе предѣлы возвращались не съ пустыми руками, и въ аулахъ на нѣсколько времени водворялось довольство, на такихъ невообразимыхъ скатахъ начиналась даже пляска, и пѣсни звучали тамъ, гдѣ, казалось, должна была бы въ слѣпомъ ужасѣ остановиться всякая жизнь. Эти пѣсни до сихъ поръ поются горскою молодежью

хотя — увы! русскіе давно стали ихъ господами, и о старыхъ, удалыхъ набѣгахъ остались одни преданія!

Лопову, бѣжавшему по горному краю, днемъ, когда онъ, затаясь въ какой-нибудь темной щели дикаго камня, старался даже дыханіемъ не выдать себя, случалось не разъ слышать импровизацію всадника, пробиравшагося черезъ чеченскія земли — въ набѣгъ на русскія станицы:

Ахъ, за быстрою Лабою  
Кони ржутъ! Скорѣй въ сѣдло...  
Ночь близка! Впередъ со мною,  
Уздени, пока свѣтло!

Тамъ богатыя станицы,  
Пропастъ всякаго добра...  
Налетимъ на нихъ, какъ птицы,  
Уздени, — пора, пора!

Пусть мулла поетъ молитву,  
Пусть старикъ въ мечеть идетъ.  
Шашки вонь! Смѣлѣе въ битву!  
Ночь подходитъ, слава ждетъ!..

Грозныя племена не знали страха. Всякую заботу о своей безопасности считали подлой. Среди своихъ голыхъ вершинъ они были дальше отъ земли и ближе къ небу. Кругомъ нихъ гремѣли Божьи грозы, хлокотали въ бѣшеное стремленіи внизъ горные потоки, водопады рушились послѣ дождя и неслись съ гигантскихъ высотъ, обращаясь въ облака пѣны. Среди этихъ могучихъ голосовъ суровой природы крѣпъ и

въ гордомъ презрѣннѣи къ смерти закалялся духъ свободнаго лезгина. Сегодня хорошо: солнце свѣтитъ, вѣтерокъ несетъ снизу благоуханіе цвѣтовъ, поднявшихся въ ущельи, о чемъ же думать, къ чему стремиться? Поэтому въ другой пѣснѣ лезгини говорили:

Ты не думай утромъ, будетъ ли къ полудню  
Буря и ненастье... А въ полдень ясный  
Не заботься, тучи омрачатъ ли небо  
Къ вечеру!.. А вечеръ лишь придетъ прекрасный,  
Не зачѣмъ о грозахъ помышлять, что ночью  
Поколеблють горы ярми громами.  
Пользуйся минутой... Смерть неожиданной гостей  
Къ каждому приходитъ!..

Торговаль этотъ воинственный край только лошадьми, оружіемъ, плѣнными. Нашихъ солдатъ, захватываемыхъ въ бою, лезгини продавали въ рабство другимъ племенамъ или туркамъ. Женщинъ, которыхъ имъ удавалось выхватить изъ русскихъ казачьихъ станицъ въ отчаянныхъ ночныхъ нападеніяхъ, они не долго держали у себя, а отъ племени къ племени, отъ одного клана къ другому доставляли ихъ на берега Чернаго моря, гдѣ въ Анапѣ и Сухумѣ ждали ихъ турецкія остроносыя фелюги. Забравъ несчастныхъ, они отвозили ихъ подъ парусами въ гаремы Трапезунта и Синопа.

Разумѣется, одною войною жить нельзя было. Набѣги не всегда кормятъ. Можно поэтому представить себѣ, что значилъ трудъ въ головокружительномъ

царствѣ утесовъ и безднѣ. Очевидцы того времени повѣствовали:—страшно видѣть, какъ аварецъ, привязавъ торбу къ поясу и насадивъ двулапый желѣзный крючокъ на палку, ищетъ по отвѣсу надъ пропастью трещины, чтобы вонзить туда эти желѣзные когти. Поднявшись на полшеста, вися надъ жадно раскрытою бездонною пастью, вбивалъ онъ гвоздь между камнями, становился на него и, невѣдомо какъ держась, забрасывалъ далѣе когти, вынималъ и выше втыкалъ гвоздь и все это для того, чтобы гдѣ-нибудь найти нѣсколько шаговъ земли для посѣва пшеницы. Сады были далеко внизу; горные аулы на вершинахъ съ трудомъ выращивали два-три дерева у мечети, чтобы бросить хоть клочокъ тѣни на *гудеканъ* — площадь, гдѣ собирался *джаматъ* — народные представители, старики-хозяева, обсуждать дѣла своего свободного орлиного гнѣзда. Удобной для обработки земли такъ мало, что въ Дагестанѣ дорожили каждымъ камешкомъ, на который вѣтромъ нанесло горсточку плодородной почвы. За такія мѣста убивали другъ друга, дрались цѣлыми общинами. Рассказываютъ: какой-то горецъ, желая выиграть время и кончить работу, съ вечера отправился въ поле съ двумя быками и сохой. Только ночью онъ добрался туда, разостлалъ бурку и заснулъ. Утромъ онъ смотритъ: быки и соха здѣсь, а его земли нѣтъ. Сталъ ее отыскивать, — точно провалилась, нигдѣ ея не видно. Раздосадованный, онъ собрался обратно, ругаясь и проклиная

судьбу. Поднялъ бурку и нашель свою землю! Она, видите ли, вся помѣщалась подъ буркою. Дороже всего лѣсъ. Одно племя, ссорясь съ другимъ, воюя и мстя ему, не находило ничего лучше для наказанія врага, какъ, забравшись въ его ауль, уничтожить въ его сакляхъ балки, настилки потолка и двери. Оставались однѣ каменные кладки, и хозяева упорнымъ трудомъ нѣсколькихъ лѣтъ не могли сбиться, чтобы купить себѣ дерева, необходимаго для поправки ихъ жилья.

Зимы здѣсь были суровыя: онѣ разобщали одинъ ауль отъ другого. Въ бѣшеныхъ порывахъ снѣговыхъ мятелей пропадали аулы, забравшіеся на вершины. Какъ эти храбрые воины выносили стужу, намъ даже понять трудно! Въ печахъ жгли кизякъ, чтобы сварить себѣ хинкалу — мучныя галушки въ водѣ, приправленной чеснокомъ. Но и кизякъ часто являлся роскошью. Его необходимо было сохранять для удобренія поля, иначе останешься безъ хлѣба! И вотъ тогда-то аулы согрѣвались, зажигая саманъ (рубленую солому). Даже этимъ надо было обходиться въ высшей степени бережливо. Цѣлая семья садилась вокругъ камина. Хозяинъ держалъ корзину съ саманомъ и одною рукою подбрасывалъ его въ огонь, а другою поспѣшно подгребалъ, и такимъ образомъ поддерживалась драгоценная теплота. Для печенія хлѣба шли стебли фасоли и бобовъ. Эти стебли, какъ сокровища, сберегались на зиму. По узкимъ щелямъ, замѣнявшимъ улицы,

горцы ходили другъ къ другу, выглядывая не горитъ ли гдѣ-нибудь саманъ въ каминѣ, чтобы погрѣться у чужого огня. То и дѣло видны были старики, поддерживаемые молодежью, зорко заглядывающіе въ сакли. Если гдѣ-нибудь мигаль привѣтливый огонекъ, и въ трубу, замѣнявшуюся чаще всего разбитымъ горшкомъ, валилъ дымъ, старикъ входилъ въ дверь и, останавливаясь, говорилъ: „Восхвалимъ Бога!“ Ему отвѣчали: „И Магомета, пророка Его!..“ Онъ сѣлся въ чужую семью и на нѣсколько минутъ согрѣвался. По зимамъ такія улочки, похожіе на лежа высохшихъ горныхъ потоковъ, оставались безлюдными... По нимъ съ унылымъ свистомъ пробѣгалъ холодный горный вѣтеръ... За ауломъ безотрадно были засыпанныя снѣгами горы. Среди этихъ воинственныхъ клановъ только одни лаки устраивались нѣсколько лучше. Эти не были похожи на остальныхъ лезгинъ. Они шныряли всюду, отыскивая торговцевъ, продавая и покупая. Странствующие ремесленники-лаки служили, чѣмъ могли, горскоѣ нуждѣ, богатѣя на ея счетъ, Аварцы презирали ихъ за миролюбіе и плутовство.

— Подыми любой камень, и подъ нимъ найдешь лака!—говорили они.

— А если не найдешь, поколоти мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ!..

Труженики, неспособные къ войнѣ, не пользовались уваженіемъ въ народѣ, священный гимнъ котораго начинался строфою:

Обнажи свой мечъ, народъ,  
Помогай въ священной битвѣ!  
Я Аллаха зрѣлъ въ молитвѣ!  
И сказалъ онъ:— „Каждый родъ  
Будеть проклятъ мной отнынѣ—  
Сынъ въ отцѣ и старецъ въ сынѣ,  
Если онъ, презрѣвъ войной,  
Не пойдетъ съ невѣрнымъ въ бой...  
Азраиль ужъ у порога,  
Выѣзжайте ради Бога!..

Другія племена Дагестана, выходя въ бой, пѣли слѣдующую пѣсню:

Кто отважный обрекъ себя Богу,  
Безъ боязни иди на дорогу:  
Все, что видитъ орлиное око—  
Позади, впереди и далеко,  
Облака и сіянье лазури,  
И утесы, и вихри, и бури,—  
Все послужить во славу Аллаха  
Начинанью джигита безъ страха!

И не мѣсто бесплоднымъ тревогамъ,  
Если смерть суждена тебѣ Богомъ.  
Азраиль надъ тобою несется,  
Пусть душа, какъ орелъ, встрепенется;  
Улыбайся, глаза закрывая;  
Иль неслышишь: далекаго рая  
Ужъ звучать, не смолкая, напѣвы,—  
Храбрыхъ ждуть благодатныя дѣвы...

Всѣ пѣсни этого племени полны презрѣнія къ жизни и восторженнаго обожанія воинственныхъ под-

виговъ. Въ героизмъ было религиозное чувство. И когда объявляется газавать, т.-е. когда всѣ горцы призывались ихъ „великимъ имамомъ“ къ „священной войнѣ“ съ невѣрными, т.-е. русскими, тогда и горы, и долины Дагестана охватывалъ такой вдохновенный порывъ боевого одушевленія, что даже старики бросали сакли, чтобы въ сраженіи получить у Аллаха смерть праведника, т.-е. отъ русскихъ пуль или штыка. Въ набѣги уходилъ весь народъ, и въ рядахъ его дрались даже мальчишки. Тысячи горцевъ выступали за вождями, большею частью „наибами“ великаго имама (первосвященника), съ пѣніемъ строгаго гимна, отъ звуковъ котораго могли не трепетать только испытанные солдаты того далекаго отъ насъ времени. Грозно звучала воинственная пѣснь отъ вершины къ вершинѣ, отъ ущелья къ ущелью, и, слушая ее издали, поднимались другіе аулы, высылая своихъ джигитовъ, торопившихся присоединиться къ общему дѣлу. Послѣдніе отголоски этой боевой рапсодіи давно погасли на Кавказѣ, но она памятна мнѣ, слышавшему часто ея вдохновенныя строфы въ дѣтствѣ:

Слуги вѣчнаго Аллаха,  
Къ вамъ молитву мы возносимъ;  
Въ дѣлѣ ратномъ счастья просимъ,  
Пусть душа не знаетъ страха,  
Руки слабости позорной;  
Чтобъ обваломъ безпощаднымъ

Мы къ врагамъ слетѣли жаднымъ  
Съ высоты своей нагорной!

Помогите, помогите!

О, святые! къ вамъ взываемъ:

Магомета вы молитесь,—

Безъ него мы погибаемъ...

Нѣтъ у насъ иной защиты,

Нѣтъ заступника иного:

Безъ него мы всё разбиты,

Съ нимъ сразимъ врага любого.

Дверь побѣды растворяя

Для рабовъ своихъ покорныхъ,

О, пророкъ! ауловъ горныхъ

Не забудь въ утѣхахъ рая!

Наша кровь рѣкой прольется,

Но за муки и страданья

Тѣмъ сторицей воздается,

Кто томится въ ожиданьи...

---

## XI.

Лоповъ уже нѣсколько часовъ, какъ оставилъ ауль.

Тишину ночи наполняли только говоръ потоковъ да шумъ вѣтра въ ущельяхъ... Скоро туманъ разсѣялся, и въ высотѣ, надъ пустынными вершинами Дагестана, засіяли таинственныя созвѣздія... Лоповъ торопился уйти, какъ можно дальше... Онъ чувствовалъ, что острый камень горныхъ тропинокъ давно

уже рветъ ему ноги. Въ колѣняхъ ныло. Грудь болѣла, плечи „жаловались“... Но отдыхать пока было некогда. Завтра весь день,—когда лезгины кинутся на всѣ тропинки искать его,—онъ пролежить въ какой-нибудь щели, какъ звѣрь, пропавшій въ лѣсной трущобѣ отъ стаи чующихъ его гончихъ собакъ... Впослѣдствіи солдатъ никакъ понять не могъ, какъ ему удалась эта ночь, какъ онъ не сорвался въ бездны, не разбился объ утесы, подстерегавшіе его на пути, не попалъ въ потоки, часто въ клубахъ пѣны бѣшено стремившіеся рядомъ съ его узенькой дорожкой. Днемъ горскій конь съ увѣренностью ставитъ на влажный камень свои тонкія ноги; но ночью и онъ попятился бы передъ этою охватывавшею его отовсюду зловѣщею областью мрака. Иногда только на минуту Сергѣй Лоповъ падалъ о-земь, схватывался за голову, въ которой изнутри какъ-будто стучали тысячи молотковъ, и опять срывался бѣжать все дальше и дальше.. Точно невидимыя крылья несли его въ пропасть, и, оглядываясь назадъ въ слѣпомъ страхѣ, онъ изъ темноты своихъ понизей видѣлъ словно плавающій вверху въ лунномъ свѣтѣ бѣлый ауль... Сакли тонули въ небѣ. Онѣ казались ближе къ звѣздамъ, чѣмъ къ этому быстро, быстро бѣжавшему плѣннику, понимавшему, что позади, на этой высотѣ, ждетъ его мученическая смерть...

Какъ не похоже было все его окружавшее теперь на оставленные голые скаты! Долина въ другое время казалась бы очаровательною. Кусты были осыпаны

цвѣтами, струившими по вѣтру благоуханіе. Въ каждомъ листкѣ просыпался свѣтлякъ и сіялъ навстрѣчу фосфорическимъ блескомъ... Отъ тысячи этихъ насѣкомыхъ потемки между деревьями трепетали какою-то призрачною жизнью. Казалось, тамъ вспыхиваютъ, искрятся и гаснутъ безчисленные эльфы, о которыхъ, разумѣется, отродясь не слыхивалъ бѣдный содлатъ. Вмѣстѣ съ говоромъ потоковъ и отдаленный шумомъ водопада въ безмолвіе этой долины врывались порою страшные крики. Лоповъ вздрагивалъ, прислушивался и крестился.—Чтобъ васъ!.. Чекалки постылыя!.. А можетъ быть, оборотни? Но тутъ поддаваться суевѣрному страху некогда было. Оборотни все же были не такъ опасны, какъ оставшіеся позади, въ покинутомъ аулѣ лезгины. У самаго пути, въ густыхъ заросляхъ поднималось загадочное шуршаніе, и слышалось недовольное хрипѣніе кабановъ, потревоженныхъ въ ихъ ночномъ покоѣ. Ущелья сворачивали то вправо, то влево; часто въ эту долину впадали другія горныя трещины, расщелявшіяся тѣсинами дикаго камня; по дну ихъ съ тихимъ лепетомъ сочилась вода...

Шель, шель Лоповъ, то погружаясь, подъ вліяніемъ окружавшаго его безлюдья, въ забытье и замедляя шаги, то приходя въ себя и испуганно ускоряя ихъ, чтобы наверстать потерянное время. Ночь всюду поднимала на его дорогѣ призраки. Въ ея сумракѣ деревья, казалось, протягивали ему навстрѣчу громадныя, черныя, корявыя, цѣпкія, когтистыя лапы; кусты

чудились припавшими къ землѣ и точно притаившимися сказочными существами; утесы въ сторонѣ мерещились загадочными, завернувшимися во что-то сърое, привидѣніями. „Господи, спаси!..“—шопотомъ второялъ солдатъ и иногда останавливался, крестя передъ собою таинственную область подстерегавшаго его мрака... Прошло такъ часа три или четыре.

Бѣглець чувствовалъ нѣчто постороннее кругомъ, точно движеніе безчисленныхъ невидимыхъ крыль... Кто-то догонялъ его, а когда Лоповъ останавливался,—замиралъ и тотъ. Кто-то подкарауливалъ его впереди, и даже во тьмѣ солдату нѣсколько разъ злобнымъ свѣтомъ блеснули чьи-то огненные глаза... Простонало вверху... Филинь, что ли? Заплакало въ сторонѣ, забилося и крикнуло, глухо крикнуло... Необъяснимые голоса ночи не нарушали даже ея безмолвія, они только рѣзче отгѣняли его.

И вдругъ къ Сергѣю Лопову донесся точно внезапно родившійся во мракѣ шумъ, сплошной, слитный, все наполнявшій собою. Бѣглець приостановился. Это что? Отрядъ идетъ навстрѣчу? Громадное стадо гонять?.. Или что-то другое?.. Сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ,—шумъ громче, но все такъ же непонятенъ. Солдатъ сталъ тихо пробираться по тому же направленію, готовый въ каждую данную минуту юркнуть за утесъ или за дерево, какъ вдругъ у него съ губъ сорвалось:— „рѣка!“

Дѣйствительно! Теперь было ясно, что черезъ эту

долину съ грохотомъ и ревомъ потревоженнаго тигра несется вспухшій отъ дождя потокъ или, какъ здѣсь называютъ лезгины, койса... Вонъ она! Сергѣй Лоповъ уже видитъ эту койсу. Она стремится облаками бѣлой пѣны, злобно бьется о камни, перегородившіе ей путь. Неукротимая быстрина кружить голову. Добравшись сюда, бѣглець остановился. Препятствіе казалось неодолимымъ. Вѣдь эти ревущія струи могутъ сбить его съ ногъ, разбить, уничтожить, смолоть о камни и выкинуть безобразною, безформенною грудой на берегъ... Онъ поднялся повыше. Но и тамъ перехода не было. Нѣтъ ли гряды камней, чтобы перебраться на ту сторону? Пошелъ внизъ, но тамъ еще хуже: тамъ струи, точно въ схваткѣ на смерть, бѣсились и грохотали, ворочая обломки утесовъ, намытые ими съ горъ... Лоповъ задумался,—что ему дѣлать? Когда его вели сюда, этой рѣки не встрѣчалось. Значить, его хозяева шли другою дорогою... Поискать ее? Но, поднявъ голову къ небу, онъ замѣтилъ, что оно поблѣднѣло. Звѣзды тускнутъ и гаснутъ... Вершины горъ яснѣе выступили со своими темными скалами и рытвинами... Сейчасъ проснется Салаху!.. Еще какіе-нибудь полчаса, и солнце броситъ на башню его минарета свой золотой лучъ... Выйдетъ будунъ и станетъ призывать правовѣрныхъ къ намазу. Хозяинскій братъ, по своему обыкновенію, кинется въ саклю, къ Сергѣю,—тамъ ли онъ и не умеръ ли отъ своей болѣзни... И тотчасъ же побѣгъ стараго солдата

будеть открытъ. Нѣтъ, ждать нельзя, — надо впередъ. Позади — позоръ и смерть. Вода еще, пожалуй, помилуетъ, а обозленные лезгины — едва ли: да если и не убьютъ, то, по своему обыкновенію, надрѣжутъ пятки и въ раны набьютъ конскаго волоса, мелко изрубленнаго. Раны заростутъ, а волосъ останется тамъ, и каждый шагъ потомъ будетъ доставаться мучительнѣйшею болью. Надо итти!

Вонъ уже розовые тоны облили поблѣднѣвшее небо... Солнце встаетъ!.. „Господи спаси!“ — Онъ широко перекрестился. Даже „Богородице Дѣво, радуйся!“ прочелъ... и прибавилъ отъ себя къ молитвѣ: „Матушка, ради Гаврюшки, помоги! Младенца хоть пожалѣй!“ — и смѣло двинулся въ клубы пѣны...

Первыя минуты здѣсь были ужасны. Его точно подхватили сотни рукъ и бросили въ сторону; другія сотни рукъ, завернувшись въ пѣну, били его въ спину, въ грудь, въ бока, царапали ему ноги, кидали въ него камнями, выхватывали изъ-подъ самыхъ ступней булыжники, поднимали его и опускали, неожиданно сбрасывали на спину, цѣплялись и сильными, холодными пальцами сжимали ему горло. Въ ухахъ гремѣло, ревѣло и грохотало... Какія-то свирѣпыя взмоины неслись черезъ голову, ослѣпляя его, не давая ему дышать. Вотъ одна такая подхватила Лопова, ударила о камень и отнесла дальше. Тутъ было мельче; онъ поднялся на ноги, а вода, по поясъ ему, стремилась съ злобнымъ хохотомъ, съ торжествующимъ рыча-

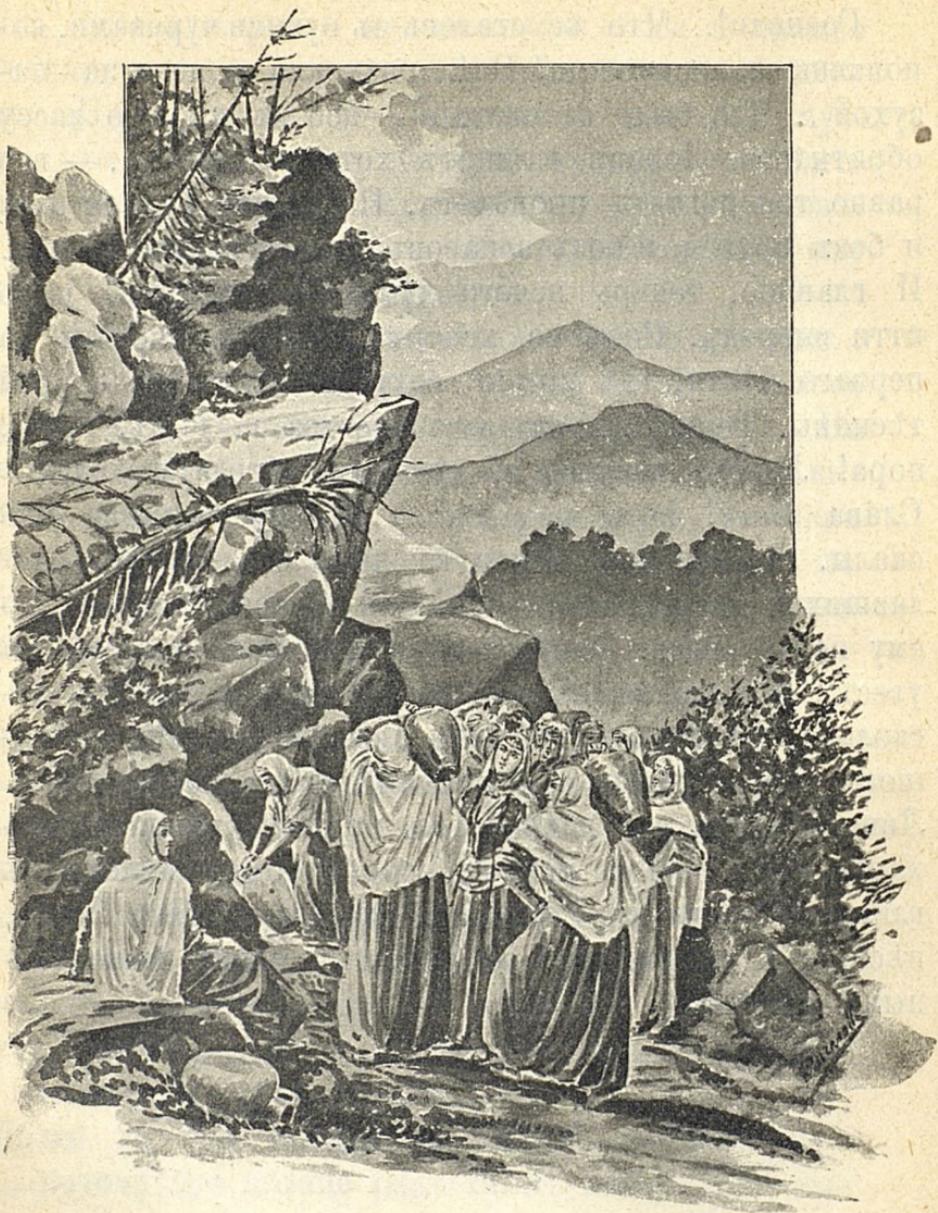
ніемъ. Справа выросли новые клубы пѣны и прежде чѣмъ кинуться на него, припадали, собирая всѣ свои силы. „Царь небесный!“ — шепталъ солдатъ, чувствуя, что ноги и руки у него въ эту минуту совсѣмъ-совсѣмъ чужія. Все затекло, нѣмѣло... Еще мгновение и онъ безъ силъ рухнетъ въ эту враждебную ему стихію... Рухнетъ и не подыметъ...

А, между тѣмъ, тотъ берегъ все ближе и ближе... Неужели силы ему измѣнятся теперь, когда осталось такъ мало?.. Страшная боль сжала ему грудь... Въ прояснѣвшемъ воздухѣ съ изумительною ясностью выступилъ скатъ впереди съ узкою тропинкой, вершина какой-то горы и на ней — ауль, ему незнакомый; да, именно ауль, въ этомъ аулѣ чуть замѣтный минаретъ уже ярко сверкаетъ отраженными лучами утренней зари. Господи! Да какъ же одолѣть эти струи, отбивающія его отъ берега. „Да воскреснетъ“, — шепчетъ онъ поблѣвшими губами... — „Да воскреснетъ“, — и въ немъ пробуждается новая сила... Чьи-то крылья подхватываютъ его... Чьи-то крылья несутъ Лопова дальше. Слабѣе руки злыхъ демоновъ, удерживающихъ его въ самомъ стремени потока... Ужъ его не бьютъ камни, не глушитъ бѣшеный визгъ, и еще черезъ минуту, избитый, утомленный, потерявшій сознание, онъ падаетъ на сухой берегъ...

Долго ли онъ пролежалъ здѣсь? Должно быть, нѣтъ, потому что солнце радостнымъ свѣтомъ облило ауль и еще не оживило огненными струями долинь.

Господи!.. Что же случилось съ сухими чуреками, конопляными лепешками? Онѣ размокли у него за пазухой... Что было за пазухой,—все въ жидкую массу обратилось. Лоповъ спѣшить хоть это съѣсть, — все равно теперь такъ пропадетъ. На цѣлыя недѣли онъ и безъ оружія, и безъ запасовъ, хотя и скудной пищи. И главное, теперь нечего думать о другихъ, надо идти впередъ. Силъ не хватить, — хоть уползти до перваго мѣста, гдѣ можно сохраниться... до первой тѣснины. Теперь потокъ уже несется за нимъ. Пора, пора! Лоповъ всталъ и, шатаясь, бредетъ дальше. Слава Богу! хоть недалеко... Ключъ падаетъ изъ скалы. Въ скалѣ — тысячи трещинъ отъ камней, свалившихся на нее сверху. Лоповъ — весь мокрый, но ему не до того... Солнце высушить! Онъ ползетъ на утесъ, забирается въ какую-то щель и черезъ нѣсколько минутъ видитъ, какъ десятки горскихъ дѣвушекъ бѣгутъ сюда съ кувшинами за водою къ ключу. Лишь бы онѣ не увидѣли его, не подслушали его дыханія. Чу... Струя родника со звономъ падаетъ въ глиняные кувшины. Гортанный говоръ... крики, смѣхъ, пѣсни... А солнце ужъ обливаешь долину животворными лучами!..

---



Лезгинки у родника.

## XII.

Когда лезгинскія дѣвушки ушли съ кувшинами, наполненными водою, въ ауль, который Лоповъ еще въ предразсвѣтномъ сумракѣ различилъ на сѣдловинѣ большой горы, кругомъ стало тихо и безлюдно. Солдаты, привыкшіе въ плѣну къ горскому обиходу, знали, что сейчасъ долженъ раздаться съ минарета мечети унылый призывъ будуна къ молитвѣ или намазу.

Такихъ намазовъ въ сутки полагается пять. По корану, каждый вѣрный мусульманинъ передъ намазомъ долженъ каждый разъ совершать омовеніе рукъ, ногъ, лица и головы; такимъ образомъ, въ странахъ ислама чистоплотность является религіознымъ учрежденіемъ. Во время намаза мусульманинъ разстилаетъ на кровлѣ или (застигнутый въ пути) на землѣ — коврикъ, а если его нѣтъ, то свою черкеску, и, сначала стоя на ней, читаетъ „альхамъ“.

„Во имя Бога милосерднаго! Хвала Господу тварей, Царю въ день судный, добро дѣющему всѣмъ на землѣ и на томъ свѣтѣ воздающему каждому по дѣламъ его. Тебѣ мы служимъ, отъ Тебя помощи просимъ... Настави насъ на путь истинный, благоугодный передъ Тобою. Отклони отъ насъ все, навлекающее Твой гнѣвъ... Аминь!“

Затѣмъ молящійся опускается на колѣни и произно-

силь „атахъ-ятуль“, — разговоръ Магомета съ Богомъ и ангелами на седьмомъ небѣ, у престола Творца:

*Магометъ*: Почетъ, благодать, благочестіе, благополучіе Богу!

*Аллахъ*: Привѣтствую! Тебѣ, пророкъ, моя благодать и слава!

*Магометъ*: Привѣтъ намъ и вамъ, благочестивымъ людямъ!

*Ангелы*: Свидѣтельствуемъ, — нѣтъ Бога, кромѣ Бога! И еще свидѣтельствуемъ, — Магометъ — пророкъ Его!

*Молящіеся отъ себя*: Просимъ у Бога милости для Магомета и его потомства.

Такъ какъ, по корану, у всякаго человѣка есть свои ангелы и впереди, и позади, и по сторонамъ, то, по окончаніи атахъ-ятуля, мусульманинъ поворачиваетъ голову къ правому и лѣвому плечамъ, говоря: „Привѣтъ и благодать вамъ Божіи!“ Ангелы, сидя у него на плечѣ, записываютъ въ невидимыя книги всѣ его дѣла дурныя и хорошія, для предъявленія ихъ грѣшнику въ судный день.

Лоповъ зналъ, что теперь весь аулъ молится, и у бѣглеца есть нѣсколько времени, чтобы уйти еще подалеже изъ засады. Сверхъ того, тутъ поднявшееся солнце стало бы слишкомъ припекать его. И сверху, можетъ быть, замѣтили бы солдата, а впереди чуть синѣль свѣжій и прохладный лѣсъ, гдѣ всегда найдется оврагъ, гдѣ ему можно отлежаться. Онъ при

поднялся... Оглянулся во всѣ стороны... Никого не было. Выбрался поскорѣе изъ своей западни и, нагнувшись, проскользнулъ къ горному ключу, бившему изъ скалы. Сергѣй Лоповъ жадно припалъ къ водѣ, хотя онъ самъ былъ мокръ отъ перехода черезъ койсу. Холодная вода освѣжила его... Онъ еще разъ зорко всмотрѣлся вверхъ и въ ожидавшую его тропинку къ далекому лѣсу. Оттуда, изъ саклей она, очевидно, была незамѣтна, и если ему никто не попадется навстрѣчу, еще до того времени, какъ солнце станетъ надъ этими горами, солдату удастся достигнуть надежнаго убѣжища, хотя бы до вечера, т.-е. до того момента, когда ему придется опять итти все дальше и дальше на востокъ, къ русскимъ границамъ.

Лоповъ, теперь уже невольно пригибаясь къ землѣ, побѣждалъ впередъ. Какъ ни томила его усталъ, за это время надо было, во что бы то ни стало, уйти подальше отъ Салахеу. Погоня уже летитъ за нимъ, — это Лоповъ понималъ хорошо. Можетъ быть она уже тутъ, за спиною. На пути лежали въ разныхъ разстояніяхъ одна отъ другой груды скалъ. Онъ перебѣгалъ, прячась за ними. Проскользнетъ къ скалѣ, заберется за нее и высматриваетъ, — нѣтъ ли кого на дорогѣ? Нѣтъ, — успокоится, и опять мелкою рысцою къ слѣдующей, а тамъ опять въ какую-нибудь щель..

Когда ему удалось такимъ образомъ добраться до лѣса, солнце уже поднялось надъ одною менѣе вы-

сокой горой... Лоповъ не чувствовалъ ногъ подь собой. Онъ зналъ, что сейчасъ рухнетъ, и собиралъ послѣднія силы добраться до большого толстаго дерева. Онъ бы упалъ на мелкую траву подь его тѣнью; но тамъ бы его сейчасъ же замѣтила погоня. Да и, кромѣ того, въ эти лѣса забираются барсы, волки, въ нихъ ходять медвѣди. Барсы еще рѣже другихъ, и отъ нихъ онъ ждалъ себѣ гибели. За весь этотъ небольшой путь — отъ родника сюда — онъ высохъ, и ему стало уже жарко.

Вотъ и намѣченный каштанникъ надъ нимъ. Далеко раскинулись его вѣтви, — такъ далеко, что подь ними, навѣрное, могла бы найтти пріютъ цѣлая рота. Лоповъ живо взобрался вверхъ, подтянувшись къ спускавшемуся ниже другихъ суку. Выбралъ въ чащѣ мѣсто, гдѣ стволъ дерева раздваивался, привязалъ себя къ нему веревкою, захваченною изъ аула, и вдругъ замеръ... Вдали слышались голоса...

Лоповъ осторожно выглянулъ. Сюда шла молодая лезгинка съ хорошо вооруженнымъ лезгиномъ. Они остановились подь каштаномъ. Бѣглецу было не до того, чтобы вслушиваться въ ихъ бесѣду. Онъ боялся выдать себя хотя однимъ движеніемъ и употреблялъ всѣ усилія — не заснуть. Онъ еще не кончилъ привязывать себя къ суку веревкою, — засни онъ сейчасъ, при первомъ неосторожномъ движеніи онъ полетѣлъ бы внизъ и тамъ сейчасъ надѣлалъ бы тревогу, и его убили бы на мѣстѣ.

Молодые люди съ полчаса стояли тутъ и вдругъ кинулись въ разныя стороны. Издали слышались чьи-то голоса, ихъ напугавшіе. Этимъ воспользовался Лоповъ. Онъ теперь крѣпко привязалъ себя къ дереву и, не обращая вниманія на цѣлую массу птицъ, шумѣвшихъ надъ нимъ въ самой вершинѣ каштанника, заснулъ какъ убитый.

Долго ли онъ спалъ? Едва ли онъ самъ могъ бы отвѣтить на него впоследствии. Птицы, сначала распуганныя его присутствіемъ здѣсь, скоро присмотрѣлись къ этому неподвижному тѣлу и слетались сюда, неистово шумя у самой его головы. Особенно щеглы, задорные и веселые, — тѣ точно разбудить его хотѣли, такъ и надсаживались надъ нимъ, дрались другъ съ другомъ, роняя на лицо ему свои перышки и пуховинки. Бѣлки стремглавъ носились по вѣтвямъ; даже въ азартѣ бѣгали по его ногамъ и рукамъ; но Лоповъ сладко и невозмутимо дышалъ въ этомъ неудобномъ воздушномъ прибѣжищѣ. Ящерицы скользили около, осторожно поводя на него своими рубиновыми и изумрудными глазками...

Въ самомъ лѣсу было покойно и хорошо. Задумчиво стояли старыя буковые деревья, недвижно раскидывались на громадныхъ пространства вѣковые дубы, медленно скользили подъ ними кабаны и, трусливо поджимая хвосты, крались куда-то чекалки. Должно быть, никто не чуялъ здѣсь человѣка, потому что

никто не обходилъ этого дерева со спавшимъ на немъ бѣглецомъ...

Солнце стояло посрединѣ неба, обливая страшнымъ зноемъ все кругомъ. Только сюда, въ эту тѣнь и прохладу не падали его огненные стрѣлы. Имъ не было доступа сквозь переплетавшіяся вершины лѣсныхъ великановъ. Дебрь здѣсь царила невозбранно, храня бѣжавшіе у ея безчисленныхъ корней чистые ключи.

Когда тѣни здѣсь стали еще гуще, и прохлада уже нѣтъ-нѣтъ да и обдавала усталое тѣло легкимъ ознобомъ, Сергѣй Лоповъ вдругъ проснулся и поднялся. Не привяжи онъ себя веревками къ толстому стволу каштана, — тутъ бы и рухнуть бѣглецу. Въ первое мгновеніе онъ даже не понялъ, что это вокругъ него? Куда дѣлись темныя стѣны его сакли? А вспомнилъ, и вдругъ радостно улыбнулся. Счастливое сознаніе свободы, точно ураганомъ, подхватило его и закружило. Онъ свѣсилъ ноги и съ наслажденіемъ потянулъ въ себя свѣжій, пропитанный дыханіемъ безчисленныхъ травъ и цвѣтовъ воздухъ этого лѣса, свистнулъ даже, такъ что птицы живо разлетѣлись во все стороны, и прямо надъ нимъ мелькнулъ пушистый хвостъ испуганной бѣлки.

Свистнулъ, и самъ испугался... А что, — если его подстерегаютъ? Если лѣсъ наполненъ ворогами? Вѣдь, были же здѣсь на разсвѣтѣ какой-то джигитъ съ дѣвушкой... Онъ осторожно сталъ высматривать, стараясь безшумно раздвигать вѣтви. Но лѣсъ молчалъ,

торжественный, спокойный и безлюдный. Сергѣй Лоповъ рѣшился спуститься пониже. Вотъ ужъ подь нимъ — только толстый сукъ каштана. Сердце бьется съ болью... Что, какъ его сейчасъ замѣтятъ и откроютъ по немъ огонь?.. Но замѣчать было некому и бѣглець живо сползъ внизъ.

Только теперь онъ почувствовалъ, какъ болятъ его ноги въ суставахъ. Точно онъ вывихнулъ ихъ. И не одно это тревожило бѣглеца. Пока онъ лежалъ, онъ не чувствовалъ голода. Зато теперь ему такъ захотѣлось ѣсть, что за какую-нибудь конопляную лепешку онъ — Богъ знаетъ, чего бы ни далъ!.. Но каштаны еще не поспѣли... Дикіе яблочки наливались, и только въ травѣ кое-гдѣ попадались кашка да ягоды, кислотатая, утоляющія скорѣе жажду, чѣмъ голодь. Лоповъ тѣмъ не менѣе жадно набросился на нихъ, объѣлъ нѣсколько кустовъ, вырвалъ одинъ и наткнулся на какіе-то клубни, напоминавшіе сырой картофель, и ихъ наглотался.

Пора было итти дальше. Онъ замѣтилъ, куда склонялось солнце, и пошелъ въ противоположную сторону.

Теперь ему хорошо было идти. Онъ вволю дышалъ свѣжестью и прохладой. Ему даже хотѣлось запѣть, да побоялся, и было чего: выбрался на поляну и только что собрался черезъ нее перейти, какъ вдругъ слышался выстрѣлъ. Лоповъ рухнулъ въ траву и, приподнимаясь на локтяхъ, началъ высматривать, —

пѣтъ ли кого около... Эхо повторило выстрѣлъ нѣ-  
сколько разъ и замерло. Гдѣ-нибудь, вѣрно, охотятся.  
Солдаты вернулись къ опушкѣ и уже осторожнѣе дви-  
нулись впередъ...



Горецъ.

Къ вечеру онъ вышелъ изъ лѣса. Опять передъ  
нимъ были скалы цѣлыми грудами! Точно сверху,  
съ неба кто-то сбросилъ ихъ, и онѣ тамъ лежали,  
куда упали. Закатившееся солнце обливало ихъ зо-

лотистымъ свѣтомъ. Тѣни отъ нихъ ложились рѣзко и густо... По голому камню было итти труднѣе, и бѣглець поневолѣ пошелъ тише, какъ вдругъ издали, сзади ему послышался топотъ коня... Чьи-то кованныя копыта быстро-быстро стучали по кремнямъ узкой тропинки. Лопову послышалась горская пѣсня. Онъ прислушался, и голосъ ему показался знакомымъ. Онъ зналъ эту пѣсню. Живо юркнулъ за одну изъ скалъ. Къ его счастью, въ ней была узкая щель. Голосъ все ближе и ближе...

Счастливъ умершій въ бою.

Счастливъ павшій въ злую сѣчу;

Отворяетъ дверь свою

Самъ пророкъ ему навстрѣчу.

Намъ дорога—въ свѣтлый рай!

Вамъ—тревоги ожиданья...

Убивая, умирай,

И получишь воздаянье...

Самъ Аллахъ забудетъ зло,

Если въ битвахъ газавата

Подъ рукой моей легло

Много русскихъ отъ булата.

Кровь за кровь!.. Мюридъ, впередь!

Для души, не знавшей страха,

Мостъ пылающій ведетъ

Надъ пучиной въ рай Аллаха.

Лоповъ невидимъ проѣзжающему горцу,—зато его видитъ отлично.. Вотъ онъ уже близко, равняется съ бѣглецомъ. Сергѣй вздрогнулъ... Что-то зашипѣло

около. Потревоженная змѣя подняла голову и раздраженно откинулась, чтобы тотчасъ же укусить непрощеннаго гостя. Быстрѣе молніи солдатъ схватилъ ее за шею. Вѣрно, сознание опасности — то отъ гадины, то отъ того, кто проѣзжалъ мимо, вдругъ дало ему силу и ловкость. Голова змѣи раздулась; длинное тѣло ея, точно веревка, обвилась вокругъ руки солдата... А мимо самаго обломка утеса въ это время какъ разъ проѣзжалъ братъ „хозяина“, братъ того горца, который забралъ Лопова въ плѣнъ и держалъ его у себя.

„По мою душу!—соображалъ бѣглець.—Не иначе, какъ по мою душу“.

Горець всматривался вправо и влево, подбадривая усталаго коня...

Вотъ ужъ онъ далеко. Поворачиваетъ за выступъ горы и исчезаетъ за нимъ...

Змѣя еще жива. Она шипитъ и тѣснѣе своими кольцами сжимаетъ руку Лопова. Бѣглець нагнулся, взялъ большой камень и быстро размозжилъ ей голову...

---

### XIII.

Бѣжалъ, бѣжалъ Гаврюшка да вдругъ и присѣлъ, какъ заяцъ, почувшій собакъ.

Что это,—говоръ впереди?.. Русскій говоръ! Наши, должно быть!

Мальчикъ прижался въ кустахъ и сталъ соображать. Положимъ, свои—да вѣдь свои теперь, какъ и чужіе, одинаково ему неудобны. Вернуть домой, — назадъ. Ты-де что это, Гаврюшка, болтаешься? Не знаешь, что сюда нельзя ходить вашему брату! Кому бы это быть? Вотъ одинъ голосъ раздастся явственнѣе. Это— дядя Арефій. Пріятель отца...И другого узналъ маль-



Солдаты въ секретѣ.

чикъ. Третьяго только разобрать не можетъ. Изъ молодыхъ, вѣрно, что недавно пришли въ крѣпость... Вотъ-те, бабушка, и Юрьевъ день! Не далеко же ушелъ за отцомъ Гаврюшка!

А солдаты, какъ и обыкновенно бывало, когда лезгины кругомъ волновались, — сидѣли, въ такъ называемыхъ, секретяхъ. По-трое ихъ раскидывали цѣлью вокругъ, пользуясь оврагами, лознякомъ, окопами. Ни-

кому невидимые, зато отсюда видѣли все впереди. Слегка приподнявшись надъ кустомъ, Гаврюшка замѣчаетъ двѣ фуражки и палаху... Вонъ и штыкъ блеснулъ на солнцѣ. Мимо этого мѣста никакъ не пройти малышу!.. Онъ разлегся въ травѣ и сталъ думать...

Солнце стояло уже высоко...

Горныя вершины млѣли въ яркомъ свѣтѣ и зноѣ. Въ травѣ громко стрекотали кузнечики, слышалось какое-то подозрительное шуршаніе. Мальчикъ посмотрѣлъ туда. Большая змѣя ползла, капризными и широкими извивами бросая впередъ свое гибкое, тонкое тѣло... Прямо на Гаврюшку. Онъ, впрочемъ, нашелся, — не даромъ выросъ на югѣ и не привыкъ пугаться чего бы то ни было. „Гаду“, какъ называли змѣй въ крѣпости, онъ посмотрѣлся не мало. Когда эта была уже не далеко, онъ швырнулъ въ нее маленькимъ камнемъ. Змѣя быстро подняла голову надъ травою, блеснула на Гаврюшку злыми изумрудными глазами и кинулась прочь. Только по движенію метелокъ, которыми заканчиваются стебли тонкаго и нѣжнаго бархана, бѣглець понялъ, что она уже далеко... Ящерицы бѣгали кругомъ. Одна, обманутая неподвижностью мальчика, взобралась, было, ему на ногу, — да опрометью бросилась въ камни, при первомъ его движеніи. Какая-то пичужка порхала, порхала, уцѣпилась за твердую вѣтку куста и зачиликала надъ самою головою ребенка...

Какъ-никакъ, а до сумерокъ придется посидѣть

здѣсь... Хорошо еще, если не хватятся въ крѣпости! Впрочемъ, куда жь! Комендантъ подумаетъ, что Гаврюшка у доктора околачивается, а докторъ—у попа. Только когда барабанщикъ зорю пробьетъ, стануть искать пропавшаго: ну, да, авось, онъ будетъ далеко!

Минуты шли за минутами, скучно дѣлалось мальчику. Онъ тихо-тихо поползъ къ солдатамъ. Хоть послушать, о чемъ они болтаютъ между собой! Вотъ теперь каждое слово такъ и доносится къ нему... Ни одно не пропадетъ. Это Арефій. У него голосъ громкій. Батюшки! Гаврюшка даже задрожалъ отъ радости... Старикъ-солдатъ отъ скуки принялся сказки рассказывать товарищамъ. Теперь Гаврюшку нельзя было бы и силой оторвать отъ этого секрета...

Мальчикъ сейчасъ узналъ, о чемъ идетъ дѣло.

Онъ очень любилъ именно такія. Тутъ не было мѣста героическимъ преданіямъ о богатыряхъ или разбойникахъ. Чеченскій и лезгинскій эпосы богаты рассказами, гдѣ сказался вполне юморъ народа. Но едва ли въ какихъ-либо другихъ такъ онъ выразился, какъ въ былинахъ о знаменитомъ Нассырѣ-Эддинѣ, ученомъ муллѣ, прикидывавшемся дуракомъ и простофилей для того, чтобы тѣмъ легче обирать свою простодушную паству. Шуточныхъ легендъ о немъ такъ много, что ими можно наполнить цѣлую книгу. Нѣтъ такого хмураго чеченца или лезгина, который бы не просіялъ и не развеселился, услышавъ объ остроумномъ Нассырѣ-Эддинѣ. Онъ былъ даже популярень между на-

шими солдатами, изъ которыхъ многіе побывали по долгу въ плѣну у горцевъ и оттуда принесли съ собою эти образчики наивнаго творчества.

Гаврюшка даже и духъ затаилъ.

— Такъ вотъ, братцы мои,—разсказывалъ старый солдатъ,—задумалъ Нассыръ-Эддинъ жениться и присталъ къ отцу. Тотъ ему и говоритъ:

— Ты еще ишакъ (осель). Наберись ума сначала.

А тотъ ему:

— Съ умомъ-то я бы и безъ тебя женился!

Наконецъ, отцу это прискучило.

— Иди,—говорить,—утромъ на рѣку и спрячься тамъ, куда наши женщины ходятъ за водой съ кувшинами. Первая изъ нихъ и будетъ твоей женой. Раньше другихъ встаетъ,—значить, къ дому рачительна!..

Нассыръ-Эддинъ залегъ на камень. Ждетъ.

Вдругъ видитъ, идетъ его бабушка. Онъ какъ кинется на нее да охватить. Та орать, было, а Нассыръ-Эддинъ ей:

— Мой отецъ приказалъ на тебѣ жениться.

Старуха расплакалась и разсказала отцу Нассыръ-Эддина объ этомъ оскорбленіи. Тотъ взялъ ружье, бросился къ рѣкѣ, нашель сына и кричитъ ему, цѣлясь:

— Готовься умереть, собака!..

— За что?

— Какъ! Развѣ не ты хотѣлъ жениться на моей матери?

— Да!.. Только ужъ если правды держаться, такъ

давай ты мнѣ ружье: сначала я тебя застрѣлю. Я еще только собирался жениться на твоей матери, а ты на моей ужъ тридцать лѣтъ женатъ!

Отецъ плюнулъ:

— Женись, дуракъ, на комъ хочешь!

Солдаты засмѣялись. Другой знакомый Гаврюшкѣ голосъ проговорилъ:

— Енъ съ уомъ, этотъ мулла.

— А ты думалъ какъ! Первый мошенникъ...

— Какъ же дальше-то было?

— А дальше, братецъ ты мой, надо было жить Насырь-Эддину съ женой, а грошей у него нема! Думалъ онъ, думалъ, какъ бы ему обернуться. Видитъ, — всего хозяйства у него въ саклѣ — разбитый горшокъ. Истолокъ онъ его мелко-на-мелко, вышелъ на площадь аульную и кричить:

— Кто купить зелья отъ крысъ?

Сейчасъ лезгины выбѣжали, взяли снадобья и деньги отдали. Одинъ изъ нихъ черезъ день приходитъ къ муллѣ.

— Какъ надо дѣйствовать твоимъ порошкомъ?

— Поймай крысу за хвостъ, ущеми ее кверху лапками и сыпь ей зелье въ ноздрю. Да смотри, — въ глаза ей не попади, а то ослѣпнетъ.

— Дуракъ! Да, вѣдь, если я ее поймаю, такъ и просто убить могу.

— Чего лучше умный человекъ: тогда у тебя и порошокъ останется, и крысу ты покончишь.

— Ишь ты, какой умственный мулла-то!—восхищались солдаты.

— А то разъ какую онъ штуку выкинулъ: собрались къ нему гости, надо ихъ чаемъ потчевать, а котелокъ у Нассыръ-Эддина маленькій. Пошелъ онъ къ сосѣду, занялъ у него большой и новый, стоившій двадцать такихъ, какой былъ у муллы. Напоилъ гостей, и когда тѣ ушли по домамъ, онъ вложилъ свой котелокъ въ сосѣдній и отнесъ къ хозяину два вмѣсто одного. Черезъ часъ бѣжить сосѣдъ къ муллѣ.

— Ты у меня забылъ свой котелокъ.

— Какой? У меня не было никакого.

— Какъ же, въ моемъ котлѣ оказался другой, маленькій.

— Это, значить, душа моя, что Богъ тебя очень за добродѣтель твою любитъ, ну, и велѣлъ твоему большому котлу родить маленькій.

Опять собрались къ Нассыру-Эдину гости. Бѣжить онъ къ сосѣду за большимъ котломъ. И вотъ, братцы, какой плуть этотъ мулла оказался. Недѣля прошла, а котла онъ назадъ не несетъ. Бѣжить къ нему сосѣдъ:

— Что жъ ты мой котель-то?

— Ну?

— Да не вернулъ? Сколько времени мнѣ еще ждать его?—А мулла горько-горько заплакалъ.

— Должно быть, сынъ мой, ты очень согрѣшилъ передъ Богомъ.

— А что?

— Да онъ повелѣлъ умереть твоему котлу... И онъ умеръ, и я его похоронилъ даромъ, и ужъ такъ и быть, ничего съ тебя не возьму за это... Пусть его сынокъ, маленькій котель, утѣшитъ тебя!

Тотъ, было, въ драку.

— Дуракъ ты, — резонно объясняетъ ему мулла: — если ты повѣрилъ, что котель могъ родить, какъ же ты не вѣришь, что онъ также и умереть могъ?

Солдаты расхохотались.

— Мудреный... Тоже изъ ихнихъ бываютъ!

— А то вотъ еще что: понадобилась муллишкѣ этому корова, — а денегъ купить ее нѣтъ. Горько задумался онъ и идетъ по дорогѣ, — и вдругъ, братцы мои, видитъ: ведетъ лезгинъ коровку. Онъ сейчасъ къ нему.

— Почему продаешь козла?

Разозлился лезгинъ, — за камень, было, взялся. Мулла давай Богъ ноги — впередъ и встрѣчаетъ коннаго.

— Джигитъ!.. Сейчасъ тутъ пройдетъ мой братъ. Я хочу потѣшиться надъ нимъ. Онъ ведетъ корову, — а ты его спроси: гдѣ онъ такого козла взял?

Тотъ такъ и сдѣйствовалъ. Увидѣлъ лезгина.

— Экъ у тебя козель бравый! Гдѣ досталъ?

Тотъ еще пуше озлился; но мулла еще дальше впередъ, братцы мои, забѣгаетъ, и вездѣ ему ту жъ встрѣчу орудуетъ.

Испугался лезгинъ, думаетъ, уже не джинъ ли

(злой духъ) надъ нимъ издѣвается. Видитъ муллу, и самъ ужъ кричитъ ему:

— Душа моя, мулла! купи у меня козла!

А тотъ ему:

— Нѣтъ... я раздумалъ... Мнѣ одни рога нужны козлиные...

— Ну, такъ возьми его за столько, сколько стоятъ рога.

Такъ Нассыръ-Эддинъ за полъ-абаза корову себѣ добылъ...

— Братцы!—вдругъ насторожился одинъ изъ солдатъ.—Глядитъ-ко.

Тѣ упали въ траву... Фуражки ихъ и папахи пропали... Штыки—тоже.

Теперь казалось, что на всемъ этомъ просторѣ съ нашей стороны нѣтъ ни одной живой души.

Гаврюшка слышитъ только разговоръ, и то тихій, тихій:

— Мирной?

— А какъ ты его разберешь?

Вдали тихо шелъ сюда босоногій лезгинъ. Казалось, что у него рваная черкеска на голое тѣло одѣта. Она внизу и въ рукахъ висѣла лохмотьями. Зато газыри, пашка и кинжалъ такъ и горѣли на солнцѣ богатою серебряною оправой. Онъ зорко всматривался въ окрестности. Приостанавливался по временамъ, даже припадалъ къ землѣ, а потомъ поднимался и опять крался впередъ... Очевидно, онъ и не подозрѣвалъ,

что тутъ расположился нашъ секретъ... Должно быть, онъ сюда шелъ не съ добрыми намѣреніями, потому что старался, чтобы впереди, между нимъ и вышкою у крѣпости, съ казачкомъ на этой вышкѣ, приходились бы большіе камни, а тамъ, гдѣ ихъ не было, — кусты. Разъ даже на болѣе открытомъ мѣстѣ онъ бросился на землю и поползъ...

— Сюда... — прошепталъ одинъ солдатъ.

— Тихе ты! Не дохни теперь. Мы его, какъ чекалку, накроёмъ.

Направлялся лезгинъ какъ разъ туда, гдѣ были секреты. Очевидно, подбирался онъ къ табуну, который пасся за нимъ, у самыхъ стѣнъ укрѣпленія... Должно



Вдали тихо шелъ босоногий лезгинъ.

быть, по горскому обычаю, хотѣлось ему, дождавшись вечера, отбить казачьяго коня, — да разсчиталъ-то онъ, не принимая въ соображеніе стараго кавказца Арефія. Только что онъ поравнялся съ секретомъ, — какъ оттуда на него тяжело и грузно навалился солдатъ въ папахѣ. Лезгинъ, было, крикнулъ, — но Арефій приставилъ ему штыкъ къ груди.

— Ты у меня пикни только!..

А самъ крутитъ ему руки назадъ, веревкойъ вяжетъ.

— Слободчиковъ, — приказываетъ онъ сосѣду, — сведи-ка его, только веревки не отпуская, въ крѣпость. Да если онъ захочетъ бѣжать, штыкомъ его нащупай. Слышишь?

Навалившійся на лезгина солдатъ взялъ конецъ веревки, легонько ткнулъ плѣннаго прикладомъ и крикнулъ ему:

— Ну, братъ, гайда къ коменданту!.. Тамъ разберутъ...

Гаврюшка хотѣлъ, было, воспользовавшись суматохой, пробѣжать дальше, да не успѣлъ.

Только поближе къ нашимъ легъ въ густую траву... Опять все тихо... Скучно.

— А еще, дяденька, — заговорилъ молодой солдатъ, — вы про этого муллу ничего не знаете?

— Мало ли! Въ плѣну былъ, — наслушался.

— А вы бы, дяденька, рассказали.

Онъ помолчалъ, помолчалъ, но, видимое дѣло, ему самому было скучно.

— Сказаль, — разные есть... А только такой шельмы, какъ этотъ Нассыръ-Эддинъ, никогда не бывало... Вишь ты, — понадобились ему гроши. Строиться за-тѣяль, что ли, кто его знаетъ. Просить, — никто бы не далъ. Ужъ очень мулла замошенничался. Какъ такому повѣрить? Только въ аулѣ и былъ еще одинъ богатый, который уважалъ муллу за святость. Нассыръ-Эддинъ къ нему бы сунулся, да тотъ скупъ былъ до страсти. Такъ деньгу любилъ, — нищему, бывало, копейки не дастъ. Запримѣтилъ Нассыръ-Эддинъ, что богатый этотъ каждый день ходитъ въ мечеть мимо его оконъ и сталъ его обкликивать. Какъ идетъ тотъ, — мулла сейчасъ давай по-своему молиться: — Аллахъ, пошли мнѣ съ твоимъ ангеломъ триста рублевъ, и пускай онъ, ангель-то, скорѣй въ трубу ихъ мнѣ спуститъ. Если они будутъ отъ тебя, — я ихъ приму, а если отъ шайтана, — въ окно выброшу.

— Какъ же ты узнаешь, — отъ Бога они или отъ шайтана? — спрашиваетъ его богачъ. Не сдержалось, вишь, сердце.

— Богъ сполна пошлетъ, а шайтанъ хоть на нѣсколько копеекъ да обманетъ, не додастъ.

Задѣло это богача. „Давай, — думаетъ, — попытаю обмануть муллу“. Забрался онъ на крышу и спустилъ въ трубу триста рублевъ, въ мѣшочкѣ, — только безъ гривенника. Отъ чорта, значить. А самъ бѣжитъ къ окну ловить деньги, когда ихъ мулла выброситъ.

Сталъ мулла считать и печалился.

— Должно быть, шайтанъ посмѣялся надо мною. Надо выбросить деньги въ окно.

Богачъ ужъ и полу подставилъ.

— А впрочемъ, чего же я, — точно одумался Нассыръ-Эддинъ. — Аллахъ всегда справедливо дѣйствуетъ. Просилъ я у него триста, онъ послалъ мнѣ 299 р. 90 к. Да вѣдь холстъ-то и веревочка ровно гривенникъ стоять. Значить, это мнѣ — Божій подарокъ.

И сейчасъ же сталъ по-своему на коврикъ, и ладони къ ушамъ. Молитва ихняя такая. Богачъ къ нему:

— Отдай назадъ, это я бросилъ.

— Такъ я тебѣ повѣрилъ. Не скажешь ли, что ты и родитель мой. Аллахъ мнѣ мѣшокъ съ деньгами послалъ, а тебѣ завидно стало, жадная твоя душа!

— Пойдемъ тогда къ кадю (судьѣ), пуцай онъ разберетъ насъ.

Нассыръ-Эддинъ одѣлся, какъ нищій, — лоскутья одни. И пошли они. Только на полдорогѣ мулла оставливается.

— Такъ нельзя, — говорить.

И поворачивается домой.

— Куда ты?

— Назадъ.

— Зачѣмъ?

— Этакъ немудрено тебѣ на своемъ поставить. Ишь, ты верхомъ, и одежда на тебѣ первый сортъ, и оружіе, — что дороже нѣтъ. Разумѣется, кадій тебя сей-

часъ поправить, а меня повинить: бѣднаго человѣка всегда легко обидѣть...

— Ну, хорошо. Мое дѣло правое, — мнѣ и бояться нечего. Возьми мою одежду, оружіе и коня. Давай мнѣ твои лохмотья.

Ну, вотъ приходятъ они къ кадію. Богачъ жалуется.

— Что ты скажешь? — спрашиваетъ кадій у муллы.

— Вретъ онъ все. Слышалъ, какъ я молился, видѣлъ ангела, что въ трубу мнѣ деньги бросилъ, и хочетъ отнять ихъ.

— Я на коранѣ присягну, что деньги кинулъ я.

— Ты — нищій и вдругъ такую прорву рублей отвалилъ мнѣ. Этакъ ты, пожалуй, въ чемъ присяги не примешь, — пожалуй, и въ томъ, что на мнѣ твое платье.

— Разумѣется, мое.

— Видишь самъ, господинъ кадій, какой онъ лжець. Такъ и оружіе на мнѣ твое?

— Еще жъ бы!

— Ну, не хватаетъ одного, чтобъ и конь, на которомъ я пріѣхалъ, твоимъ былъ.

— И конь мой.

— Это не только лгунъ, но и сумасшедшій! — закричалъ кадій и ногами затопалъ и велѣлъ дать богачу пятьдесятъ нагаекъ въ спину и выгнать его вонъ.

Такъ и ушелъ тотъ, не солоно хлебавши, а мулла и по сейчасъ надъ нимъ смѣется.

Черезъ часъ вернулся изъ крѣпости солдатъ, отводившій плѣнника.

— Ну, что?

— Разбойникъ. Наши его признали. Абдулкою звать. Сказываютъ, — много за нимъ пакостей.

— Ишь ты...

— Теперь его заперли въ казематъ, пока ему рѣшенье выйдеть.

Стало уже смеркаться. Гаврюшка успѣлъ отоспаться и тихо-тихо поползъ.

— Что это? — всполошился, было, Арефій.

— Гдѣ?

— А вонъ! — показалъ онъ на верхушки травы, въ которой схоронился Гаврюшка. — Точно ползеть кто.

— Кому быть... Вѣтеръ.

Дѣйствительно, передъ зарею потянуло вѣтромъ изъ ущелья.

— Либо ушканъ (заяць).

— Звѣря тутъ всякаго есть!..

Мальчикъ припалъ къ травѣ и не дышалъ.

Зато, когда издали стала подходить сюда смѣна, — онъ уже смѣло поползъ дальше. Теперь солдатамъ было не до него. Они были заняты собою. Сунулся, было, къ нему крѣпостной песъ, да узналъ своего и радостно завилялъ хвостомъ. Гаврюшка оглянулся. Въ темнотѣ не видно было ничего. Онъ поднялся и пошелъ впередъ въ ущелье, которое еще днемъ синѣло передъ нимъ.

Страшно ему было лицомъ къ лицу съ быстро подступавшею ночью. Издали начали свой обычный концертъ чекалки... Позади послышался шелестъ вѣтра по травѣ и листьѣ одинокихъ деревьевъ. Едва-едва доносилось сюда медлительное и громкое „слушай!“ часовыхъ изъ крѣпости. Вызвѣздило... Назадъ бы, но дома, пожалуй, его накажутъ, да и ворота ужъ заперты, и отца жалко! Какъ тотъ одинъ теперь? И Гаврюшка рѣшительно двинулся впередъ. Еще пока за нимъ бѣжала собака, онъ не боялся. Все же живое и свое около. Но когда ребенокъ добрался до лѣсу, песь вспомнилъ свои служебныя обязанности у крѣпости и забралъ, было, Гаврюшкину полу въ зубы. Опомнись-де, — куда бѣжишь? Но тотъ отмахнулся отъ собаки. Та тихо и осторожно тявкнула на него, пріостановилась и опять тявкнула... Страху-де на тебя, пострѣленка, нѣтъ. Подумала, подумала и назадъ побѣжала...

Таинственнень и страшень для ребенка былъ этотъ лѣсъ ночью...

Сюда не долеталъ вѣтеръ. Сквозь вершины не видать было звѣздъ. Внизу стояла тишина. Точно все кругомъ притаилось и ждетъ... Чего? Чьи это глаза засверкали въ темнотѣ? Гаврюшка прижался къ толстому стволу дерева и замеръ. Что-то пробѣжало вдали. Слышно, какъ вѣтки хрустятъ, и чьи-то ноги топчуть по мягкой землѣ, и опять все молчитъ. Ухнуло въ сторонѣ, такъ что Гаврюшка вздрогнулъ. Домой бы!

Теперь бы онъ и побѣжалъ назадъ въ крѣпость, — да куда? Кругомъ уже было темно — что спереди, то и позади, ни зги не видно... А ночь стынетъ и холодѣетъ... И вмѣстѣ съ нею стынетъ и сердце у Гаврюшки. Дрожмя-дрожить ребенокъ и прислушивается. Чекалки гдѣ-то близко-близко завыли, еще накинута, пожалуй.

---

#### XIV.

Утромъ Гаврюшка проснулся.

Какъ онъ въ своемъ слѣпомъ страхѣ ухитрился заснуть, — онъ потомъ самъ не могъ понять... Должно быть, ужъ очень много пережилъ всякаго рода впечатлѣній вчера! Послѣ онъ помнилъ только, что ему стало холодно: онъ открылъ глаза и увидѣлъ, что лежитъ, свернувшись колачиномъ, у подножія громаднаго дикаго каштана. Тутъ было сухо. Сумка съ хлѣбомъ оказалась у ребенка подъ головою. Онъ потянулся и всталъ. Солнце еще не поднялось надъ горами. Въ ущельѣ держался пока туманъ, въ которомъ смутно намѣчивались большія деревья. Вонъ карагачъ, вонъ мощный дубъ, раскинувшій далеко свои вѣтки. Внизу изъ сплошнаго марева мглы торчатъ кусты, осыпанные сильно пахучими бѣлыми цвѣтами. Птицы тоже просыпаются въ чащѣ... Зашуршали, должно быть, отряхиваютъ крылышки... Какая-то свистнула,

въ отвѣтъ ей другая зачиликала рядомъ... Уныло и печально крикнула иволга. Точно комокъ чего-то, шарахнулась въ листьяхъ бѣлка, сбѣжала внизъ, было, да, наткнувшись на Гаврюшку, скорѣе вверхъ вскинулась, только и мелькнулъ въ его глазахъ ея пышный, пушистый хвостъ. Мальчикъ вынулъ хлѣбъ и сталъ жевать. Пить ему захотѣлось. Онъ прислушался, — издали точно всхлипывалъ и булькалъ ручей... Пошелъ на эти звуки. Изъ тумана выдвигались новыя и новыя деревья... Тишина... безлюдье... говоръ воды все ближе и ближе. Вотъ и она — чуть-чуть струится у корней, большихъ, извилистыхъ и узловатыхъ. Гаврюшка только что припалъ, было, къ водѣ, какъ вдругъ отъ него что-то шарахнулось прочь, большое. Онъ поднялъ голову. Сѣрая съ рыжими подпалинами чекалка отбѣжала за дерево, поджала хвостъ, подобрала заднія ноги и, задравъ острорылую голову вверхъ, жалобно и пронзительно завывала. Ей отозвались откуда-то изъ самой глубины темнаго, мрачнаго лѣса другія. Гаврюшка вздрогнулъ, присѣлъ и тутъ же сообразилъ, что времени, вѣдь, терять нельзя. Въ крѣпости, пожалуй, хватились его и въ поискахъ теперь. Шарятъ кругомъ, — куда дѣвался общій баловень и любимецъ. Надо спѣшить. Онъ подобралъ сумку и пустился въ путь.

Какимъ маленькимъ самому себѣ казался онъ среди этихъ лѣсныхъ великановъ! Богъ знаетъ, какъ высоко уходили они отъ него и расвѣтвлялись чуть ли не въ

самомъ поднебесьи. Только орѣшники пышно раскидывались надъ головой... Да, именно, такимъ маленькимъ былъ онъ среди этой безмолвной и торжественной дубравы, что ему жутко стало, и онъ запѣлъ, было, и чѣмъ больше его пугала тишина стараго лѣса, тѣмъ громче раздавался его голосъ — до тѣхъ поръ, пока гдѣ-то въ сторонѣ что-то не заухало и не заревѣло, да такъ грозно и страшно, что Гаврюшка мигомъ забрался на орѣшникъ, распугавъ просыпавшихся птицъ. Посидѣлъ, посидѣлъ и спустился опять... Не цѣлый же день оставаться здѣсь!

Теперь ужъ онъ шелъ молча.

Еще, пожалуй, подашь голосъ и приманишь кого-нибудь.

Гаврюшка былъ очень пугливъ. У него не было нянекъ, которыя бы рассказывали ему всевозможныя басни о лѣсной нечисти. Солдатамъ въ крѣпости — тоже не до сказокъ, потому онъ и росъ со здоровою головою; но зато онъ зналъ хорошо, что въ эти лѣса забираются лѣтомъ, весною и осенью барсы, нѣкоторые изъ нихъ даже на зиму остаются здѣсь... Съ сѣвера приходятъ волки, и, какъ постоянные жители этихъ дебрей, бродятъ мелкіе, но все-таки опасные медвѣди... Туманъ скоро разсѣялся, и вверху переплеты лѣсныхъ вершинъ опредѣлились ярче: должно быть, солнце уже поднялось надъ горами. Ребенку итти стало легче. Теперь онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и побѣжитъ... Разъ какъ-то за стволами деревьевъ мельк-

нула рогатая голова легкаго и красиваго джейрана. Гаврюшка кинулся за нимъ, но тотъ взметнулся въ воздухъ и въ два-три прыжка исчезъ куда-то въ сторону... Скоро въ чашу лѣса яркимъ, изумруднымъ дождемъ посыпались солнечные лучи. Затеплились краски, ожили трава и кусты. Цвѣты на нихъ вспыхнули золотыми, розовыми и бѣлыми огоньками, кора старыхъ лѣсныхъ великановъ точно загорѣлась... Раскричались во-всю птицы, какая во что горазда, и въ прохладномъ воздухѣ цѣлыми роями заносились бабочки... Въ лѣсу стало хорошо и весело.

Ребенокъ опять поѣлъ, опять напился изъ ключа, бившаго подъ громаднымъ камнемъ, поросшимъ мохомъ. Изъ-подъ самаго носа его встрепенулся зайчишко, кувырнулся въ воздухъ и пропалъ, только громадныя уши его мелькнули еще раза два въ травѣ. Запищаль кречетъ надъ головою и камнемъ упалъ въ какой-то кустъ, чтобы тотчасъ же вылетѣть оттуда съ какою-то мелкою пичужкой въ когтяхъ. Гдѣ-то вдали раздвинулись деревья, тамъ голубѣетъ небо. Ясно-ясно... Гаврюшка и крѣпость забылъ, такъ ему показалось здѣсь и радостно, и спокойно. Ему почему-то показалось, что теперь онъ непременно отыщетъ и вызволить отца. Съ дѣтьми, вѣдь, Богъ. Ему это объяснилъ еще въ крѣпости старый священникъ. Ну, а Богъ что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Тутъ и думать не о чемъ. Гаврюшка не давалъ себѣ отчета, какъ онъ найдетъ отца. По его мнѣнiю, Сергѣй Лоповъ

былъ въ аулѣ по дорогѣ. Ну, ребенокъ и станетъ заходить во все аулы и спрашивать,—здѣсь батька, что ли? Онъ, кстати, вспомнилъ, что лезгины, приходившіе въ управленіе, всегда ласкали ребенка; а лезгинскія старухи, привозившія на продажу самотканину и съѣстные припасы, одѣляли его, чѣмъ могли.

„Эти не обидятъ“,—увѣренно рѣшалъ самъ про себя Гаврюшка. Да еще, пожалуй, и знакомаго встрѣтишь, въ крѣпости не мало, вѣдь, перебивало всякаго народа, Узнаютъ Гаврюшку, еще и помогутъ...

Ущелье вдругъ раздвинулось...

Передъ Гаврюшкою была пустынная, черная долина, Вдали начинались новое ущелье и новый лѣсъ...

Какъ ни былъ малъ Гаврюшка, а понималъ, что на открытомъ мѣстѣ ему надо хорониться пуще всего. Онъ и самъ, какъ тотъ зайчикъ въ лѣсу отъ него скрылся, началъ въ прятки играть съ подозрѣваемыми врагами... И, дѣйствительно, не успѣлъ онъ еще и версты пройти кустами, какъ вдругъ къ землѣ припалъ и даже зажмурился отъ страха. Какъ на ладони передъ нимъ выросло цѣлое стадо барановъ, мирно щипавшихъ траву, и два высокіе, рослые пастуха съ длинными палками въ рукахъ. Хорошо еще, что вѣтеръ былъ не туда, а оттуда. Иначе бы мальчика тотчасъ почували овчарки и подняли оглушительный лай... Гаврюшку бы выгнали оттуда, какъ лисицу изъ чужой норы, гдѣ ей и хвоста спрятать нельзя!

Стадо бы громадное. Очевидно, его гнали куда-

то и только на время остановились здѣсь. Можетъ быть, койсубулахцы на продажу вели въ одинъ изъ большихъ ауловъ Салты или Елисуѣ... Только въ обычное время здѣсь пасти овецъ лезгинамъ было неповадно. Того и гляди, налетятъ изъ крѣпости наши казаки и угонятъ. Вѣдь и мы платили горцамъ тою же монетою, что и они намъ... „Однако,—самъ про себя думалъ Гаврюшка,—этакъ, когда же я доберусь до отца? Вчера, почитай, весь день пролежалъ у своихъ секретовъ, а теперь здѣсь сколько времени пропадетъ!“ Онъ устроился подъ кустомъ, какъ могъ получше. Даже соснулъ немного, все-таки, вѣдь, усталъ свое брала: съ утра шель, не отдыхая. А тутъ было отлично. Широко развѣтвившійся кустъ защищалъ его отъ солнца. Сверху падали на него осыпавшіеся лепестки жасмина. Цѣлый невиданный міръ пестрыхъ козявокъ, жуковъ, ярко-освѣщенныхъ червячковъ открывался ему у самой головы. Онъ засмотрѣлся на зеленыхъ крохотныхъ козявочекъ, сидѣвшихъ густо на одной вѣткѣ, и еще больше удивился, увидѣвъ, что къ нимъ, то и дѣло, подбѣгаютъ маленькіе муравьи. Гаврюшка диву дался. Они этихъ зеленыхъ козявокъ, точно коровъ, доили. Пощекочетъ ее передними лапками, та и выпуститъ капельку свѣтлой жидкости. Муравей сейчасъ туда, а другой ему на смѣну. Вздумаетъ зеленая козявка впередъ пойти, — другіе муравьи уже стоятъ, ихъ сторожатъ и гонятъ эту своего рода корову опять наверхъ... [Смотрѣлъ-смотрѣлъ

Гаврюшка, пока глаза не сомкнулись, и проспалъ бы онъ, Богъ знаетъ, сколько времени, какъ вдругъ его поднялъ на ноги оглушительный лай здоровыхъ пастушьихъ псовъ. Ужъ не на него ли? Мальчикъ вскочилъ; нѣтъ,—стадо удираетъ въ сторону. Пастухи орутъ, собаки—тоже, пыль столбомъ, и въ этой пыли,



Казаки отбиваютъ у лезгинъ барановъ.

точно въ облакъ, бѣгутъ испуганные бараны. Что же это? Гаврюшка поднялся и струсиль. На противоположной сторонѣ, изъ лѣсу, вынеслись четверо всадниковъ... Лезгины? Едва ли. Эти слишкомъ хорошо одѣты для лезгинъ. Одни въ стременахъ стоятъ, другіе къ лукъ пригнулись и съ дикимъ гиканьемъ несутся на лезгинское стадо... Господи, да это наши!.. И Гаврюшка чуть не вышелъ изъ своей засады... Разумѣется, наши! Но во-время опомнился и спрятался

опять. Когда всадники приблизились, мальчикъ узналъ даже казаковъ, жившихъ въ крѣпости. „Барана-то отбиваютъ,—усмѣхнулся Гаврюшка, — теперь въ котлахъ станутъ баранину варить“. И носомъ даже повелъ, какъ голодный звѣренышъ. Такъ бы и крикнулъ: „дяденька, а я, вѣдь, здѣсь!“...—коли бы не мысль объ отцѣ.

Долина теперь была свободна, и стадо, и погоня унеслись въ сторону. Мальчикъ поднялся и, озираясь, перебѣжалъ черезъ открытое пространство... Вотъ тутъ лежали овцы,—земля и трава примяты... Вотъ что-то чернѣетъ. Онъ подошелъ и вскрикнулъ отъ радости,—баклага съ бузой и кусокъ овечьяго сыра!.. Бузу Гаврюшка выпилъ, не долго думая. Онъ даже слегка опьянѣлъ отъ нея, и ему стало еще веселѣе, а сыръ онъ сунулъ себѣ за пазуху... Теперь до того ущелья, куда нужно было ему пройти, оставалось недалеко.

Стадо въ облакѣ пыли было уже на краю долины, когда казаки выхватили изъ чехловъ ружья... Гаврюшка даже зажмурился. Нѣсколько выстрѣловъ сухо и отрывисто щелкнуло и повторилось горнымъ эхомъ. Онъ не сталъ ждать конца... Крики, лай собакъ, выстрѣлы слышались уже далеко. Гаврюшка былъ въ полной безопасности отъ своихъ и пока отъ чужихъ. Онъ добрался до первыхъ деревьевъ, сѣлъ подъ ними и давай закусывать сыромъ. Побѣгать бы ему теперь, да некогда. За-свѣтло надо добраться куда-

нибудь подальше. А то тутъ все еще близко къ крѣпости, а до отпа, Богъ знаетъ, какъ далеко! Такъ далеко, что ребенку даже страшно стало.

— Ноги-то у меня маленькія!—плаксиво проговорилъ онъ. Ноги маленькія, а разстояніе вонъ какое громадное! Тутъ уже все его пугало. Лѣсъ упирался въ стѣны утесовъ, на утесахъ тѣснятся крутизны горъ, на крутизнахъ уносятся въ поднебесье другія скалы. А на тѣхъ нѣтъ-нѣтъ да и заблѣетъ плоскокровельный, отсюда кажущійся такимъ маленькимъ, ауль, съ минаретомъ и мечетью,—совсѣмъ ласточкино гнѣздо, прилѣпившееся надъ бездною.

Къ вечеру Гаврюшка прошелъ мимо двухъ такихъ ауловъ. Когда солнце садилось,—показался третій, подъ его прощальными лучами горѣвшій, какъ гореть рубиновъ... Чѣмъ-то сказочнымъ, волшебнымъ показался онъ мальчику, Гаврюшка задралъ, было, голову, высматривая его. Далекое! Не добратъся туда! А хорошо бы! Ишь, изъ трубы курится дымокъ. Должно быть, горячее варево варятъ. Вкусно. У него даже ноздри заходили. И дымокъ подъ зарею какой-то лиловый. А небо чистое-чистое, и бѣгутъ по этому небу золотисто-розовыя волны погасающаго свѣта...

„Пора спать“,—рѣшилъ самъ про себя мальчикъ и свернулся, какъ вчера, у корней большого дерева.

## XV.

На другой день Гаврюшка проснулся довольно поздно.

Солнце уже стояло надъ ущельями и лѣсами долинъ и жгло своими огненными стрѣлами обнаженные вершины и скаты Дагестанскихъ горь... Тишина и безлюдье здѣсь, казалось, царили отъ вѣка... Ничто не нарушало величаваго покоя.

Проснувшись, мальчикъ вскочилъ, быстро добѣжалъ до горнаго потока, обмылъ себѣ лицо и руки. У него въ сумкѣ оставалось уже очень не много сухого хлѣба и чуть не одервенѣвшихъ остатковъ пирога. Онъ смочилъ ихъ въ водѣ и жадно съѣлъ. Теперь ужъ сумка его не нужна была, и онъ швырнулъ ее на дерево, такъ что она повисла на одной изъ его вѣтокъ. Гаврюшка побаловался еще, швыряя въ нее камнями и, съ истинною беззаботностью молодости, побѣжалъ дальше. Лѣсъ становился все чаще и чаще... Тутъ точно въ церкви, стояло благоговѣйное безмолвіе. Громадные стволы вѣковыхъ великановъ, развѣтвлявшіеся вверху въ непроницаемые своды, стояли, какъ колонны, подпирающія зеленый потолокъ. Гаврюшка шель уже нѣсколько часовъ, какъ вдругъ остановился, точно вкопанный... Блиско-блиско отъ него послышался страшный, всю окрест-

ность наполнявшій собою ревъ. Минута тишины, и за нею—все ближе и ближе какой-то глухой шумъ. Мальчикъ съ испуга, какъ бѣлка, вскарабкался на орѣшникъ и припаль въ его чащѣ къ толстой, хорошо облиственной вѣтви. Не успѣлъ онъ еще сдѣлать этого, какъ мимо, точно стрѣла, пущенная изъ лука, мелькнулъ джейранъ. Казалось, что онъ пронесся въ воздухѣ. Въ памяти у Гаврюшки остались голова съ вѣтвистыми рогами, отогнутая къ самой спинѣ, и всѣ четыре ноги его надъ землею... Не успѣлъ исчезнуть джейранъ, какъ мимо ребенка, по тому же направленію, промчался какой-то громадный, рыжій, съ темными пятнами звѣрь... Мягкія большія лапы его, казалось, не производили никакого шума въ травѣ и кустахъ. Чудовищная кошачья голова сверкала жадными огнистыми глазами. Въ тотъ моментъ, когда его съ такой ясностью различилъ Гаврюшка, звѣрь проскочилъ сквозь густыя вѣтви какого-то дерева, на одно мгновеніе припаль къ землѣ, съежился и, какъ камень изъ пращи, швырнулся далѣе... Гаврюшка чувствовалъ, какъ съ большою крѣпко-крѣпко бьется его сердце. Вѣдь не успѣй спрятаться онъ, и ему бы пришлось спасаться, какъ джейрану, отъ барса. Только джейранъ скачетъ быстро, а мальчику не удалось бы уйти и за то, вонъ, дерево, что стало на пути, отъ рокового прыжка хищнаго и сильнаго звѣря... Гаврюшка еще нѣсколько секундъ подождать, и когда глухой ревъ барса и шумъ погони замерли

вдали, быстро спустился и опрометью кинулся впередъ, самъ не соображая, что онъ дѣлаетъ и куда бѣжить.

Черезъ часъ лѣсъ кончился.

Какая-то дорога—зигзагомъ вверхъ, въ гору... На горѣ, за утесами дымокъ.

Направо и налево пути нѣтъ. Назадъ,—тамъ барсъ.

Гаврюшка пустился по дорогѣ... Она то загибалась за отдѣльно торчавшія скалы, то опять выбѣгала на открытый скатъ... Мальчикъ чувствовалъ, что ноги его движутся ужъ точно чужія. Усталъ охватывала его всего. Спину ломило. Онъ, было, хотѣлъ присѣсть за одной изъ скалъ отдохнуть, какъ вдругъ позади послышался громкій звонъ копытъ по кремнистому пути.

Должно быть, всадникъ выѣхалъ изъ того же лѣса, гдѣ только что былъ Гаврюшка... Мальчикъ понималъ, что друзей тутъ не могло быть вовсе, а потому, собравъ послѣднія усилія, пустился бѣжать впередъ, соображая, что встрѣтится же по дорогѣ какой-нибудь камень, за который ему можно будетъ припасть, какъ, онъ видѣлъ, дѣлалъ не разъ Васька, преслѣдуемый крѣпостною собакой, Валеткой, играя. Припадетъ Гаврюшка, тотъ всадникъ проѣдетъ мимо, не замѣтивъ его, и мальчикъ опять побѣжитъ дальше... Но по дорогѣ не было теперь такихъ камней. Ребенку пришлось бѣжать открытымъ мѣстомъ. Онъ, точно черный шарикъ, катился по этому мѣсту, и, разумѣется, всадникъ отлично долженъ былъ его ви-

дѣть. Звонъ копытъ все ближе и ближе... У Гаврюшки сердце готово было выскочить, душа ушла бы охотно въ пятки, если бы могла сдѣлать это по пословицѣ...

Всадникъ позади что-то ему крикнулъ... Должно быть, по-лезгински, потому что Гаврюшка ничего не понялъ и только еще быстрѣе пустился впередъ.

Но и тотъ, вѣрно, ударилъ коня нагайкой. Перебой копытъ — быстрѣе и ближе... Опять лезгинскій крикъ... Мальчикъ, какъ настигнутый ежъ, припалъ къ землѣ и голову подъ себя подвернулъ. Точно комокъ лежитъ на дорогѣ. Стукъ копытъ надъ самымъ его тѣломъ... Остановился... Тихо, только сердце стучить въ груди у Гаврюшки.

Горецъ разобралъ, что это не лезгинскій мальчикъ.

„Урусъ! — сообразилъ онъ. — Чего ему здѣсь надо?“

Онъ, вѣрно, долго былъ въ плѣну, потому что хорошо говорилъ по-русски.

— Эй... бачка... мальчикъ!

— Дяденька... не буду!..—вдругъ, Богъ вѣсть отчего, вырвалось у Гаврюшки.

Лезгинъ сошелъ съ коня, поднялъ Гаврюшку, какъ котенка, за шиворотъ, — и Гаврюшка, какъ тотъ же котенокъ, повисъ всеми лапами на воздухѣ и голову наклонилъ.

Подержалъ, подержалъ его лезгинъ. Опустилъ. Гаврюшка стоитъ и смотрѣтъ боится.

— Откуда?..

Горець взялъ его за подбородокъ, поднялъ голову ему... Гаврюшка никогда такого страха не испытывалъ. Съдыя брови лезгина низко нависли на острые и зоркіе, ястребиные глаза. Жилистая, волосистая рука видна была изъ отвернутаго рукава черкески. Громадный кинжалъ болтался на поясѣ, пистолеть за нимъ, сбоку—длинная шашка. Въ другой рукѣ у него поводъ отъ коня...

— Что молчишь... языкъ у тебѣ есть?

— Не буду, дяденька... Ей-Богу, не буду,—оторопѣло лепечеть Гаврюшка, а самъ соображаетъ: „сейчасъ онъ меня рѣзать будетъ!“

Лезгинъ помолчалъ, помолчалъ.

— Откуда ты взялся? Здѣсь урусовъ нѣтъ... Впрочемъ, твой отецъ гдѣ-нибудь прячется...

— Нѣ... батка... въ плѣну...

— Ты самъ оттуда?

— Я изъ крѣпости... изъ нашей... прибѣгъ.

Горець даже отступилъ отъ изумленія.

— Одинъ?

— Одинъ.

— Зачѣмъ?

— Тятку... хотѣлъ выручить...

— Это ты-то?

И горець засмѣялся.

Ребенокъ, ободренный, поднялъ голову.

— Вырастешь, большой джигитъ будешь...

„Вырастешь“... значить, онъ его, Гаврюшку, рѣзать не собирается... Мальчикъ совсѣмъ ожилъ и быстро-быстро залепеталъ:

— Они, ваши-то, изъ лѣсу батьку уволокли. А я... что же мнѣ одному-то?.. Я и порѣшилъ выручить... батьку...

— Да какъ же это сдѣлаешь?

— Какъ - нибудь.

— А гдѣ твой отецъ?..

— Въ Салахсу... ауль такой...

— Знаю, знаю. Ну, туда ты на своихъ ногахъ и въ мѣсяцъ не доберешься. Да тебя, такого маленькаго, въ лѣсу звѣрь съѣстъ.

— Я уже сегодня видѣлъ звѣря... Точно нашъ Васька, только рыжій и громаднѣющій, съ темными пятнами, башка у него вотъ экая!

И мальчикъ, сколько могъ, расширилъ руки.

— Ну, вотъ видишь самъ.

Лезгинъ задумался...

Онъ, судя по зеленому платку на папахѣ, былъ мюридъ. А мюриды ненавидѣли русскихъ. Поддайся онъ первому впечатлѣнію, — пожалуй, ради забавы, жестокой и гнусной, но довольно обычной въ тѣ времена, снесъ бы шашкой голову ребенку. Хаджи-Ибрагимъ, такъ звали лезгина, славился своей храбростью и свирѣпыми нападеніями на русскіе отряды. Его братъ былъ изрубленъ въ бою съ нашими, отецъ тоже палъ во время нападенія на крѣпость, откуда

бѣжалъ Гаврюшка. Хаджи-Ибрагимъ поэтому поклялся вѣчною кровавою местию русскимъ, и съ лихвою отплатилъ имъ за потерю своихъ родныхъ. Ему случалось не разъ одному, или вдвоемъ, втроемъ, нападать на мелкіе отрядцы, при чемъ, вооруженный пашкой, онъ бросался на русскіе штыки, не просилъ пощады и самъ никогда не давалъ ея. Въ одной изъ такихъ стычекъ, израненный, полумертвый, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и три года пробылъ у насъ, когда, наконецъ, ему удалось бѣжать, одолѣвъ тысячи опасностей... Ему случалось цѣлыя ночи проводить въ засадахъ у нашихъ стѣнъ по дорогамъ, чтобы внезапно, неожиданно накинувшись, прирѣзать зазѣвавшагося солдата, убить офицера, подстеречь мирно проѣзжавшаго армянина... Часто въ такихъ случаяхъ онъ не отступалъ отъ нѣсколькихъ враговъ и, негаданно, сразивъ одного, отбивался отъ остальныхъ... Когда нельзя было отбиться, онъ, какъ ящерица, взлѣзалъ на скалы и пропадалъ за ними. Его за безумное мужество свои соаульники прозвали *дели* (помѣшанный).

И теперь, при взглядѣ на ребенка, въ немъ слѣпой одурью поднималась ненависть къ племени враговъ; но это маленькое дрожавшее тѣльце тотчасъ же останавливало его судорожно сжимавшуюся руку... Онъ еще разъ поднималъ Гаврюшкину голову за подбородокъ. Наивные дѣтскіе глаза смутили его...

— Что съ тобой!.. Ты, вѣдь, козавка еще!.. — тихо

проговорилъ лезгинъ. Потомъ обвелъ взглядомъ изъ-подъ сурово-нависшихъ бровей крохотныя ноги Гаврюшки, руки его, еще слабыя, и вдругъ это „исчадіе его враговъ“, „змѣенышъ“, какъ онъ мысленно называлъ его, показался старому мюриду такимъ жалкимъ и слабымъ, нуждающимся еще въ ласкѣ женщины, а не въ ударѣ воина, что онъ невольно отвернулся, не желая выдавать своего смущенія...

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Тятка знаетъ...

— У тебя отецъ офицеръ или Иванъ? („Иванами“ горцы называютъ солдатъ).

— Нѣтъ, онъ Сергѣй, Сергѣемъ Лоповымъ зовется. А я — Гаврюшкой.

— Я не то. У него на плечахъ золото или сукно простое?

— Погоны у него суконныя... Нашивка есть, точно.

— Солдатъ, значить?..

— Ты, дяденька, вотъ что, — пусти меня... Ей-Богу, пусти. Я маленькій! Зачѣмъ я тебѣ понадобился?

Хаджи-Ибрагимъ засмѣялся.

— Нельзя тебя пустить.

— Пошто!

— А потому, что пропадешь. Какъ червяка на деревѣ, тебя первая птица заклюеть.

— Что же ты со мною сдѣлаешь?

— А вотъ сначала въ ауль привезу...

— Ну?

— Накормятъ тебя и напоятъ.

— Это хорошо! — немедленно согласился Гаврюшка.

— А тамъ мы узнаемъ, у кого твой отецъ... Что съ нимъ... И тебя къ нему отправимъ.

Гаврюшка засопѣлъ и сталъ думать.

— Это что же теперича будетъ?.. Я-то... тоже въ плѣну.

— Да!.. У меня, — смѣется Хаджи-Ибрагимъ. — Я хвастаться стану: одинъ большого джигита взялъ.

— А лучше пусти меня... Я и самъ пойду.

Но лезгинъ его уже не слушалъ.

Онъ вкочилъ въ сѣдло, наклонился съ него, схватилъ Гаврюшку за шиворотъ, какъ узелокъ, поднялъ его съ дороги и посадилъ передъ собою.

Только теперь Гаврюшка понялъ, что онъ, дѣйстви-тельно, въ плѣну.

---

## XVI.

Хаджи-Ибрагимъ быстро подѣхалъ къ стѣнамъ своего аула.

Онъ весь былъ раскинутъ по крутому скату горы. Отъ долинъ и ущелья его заслоняли скалы, на которыхъ лезгины сложили высокія башни. Кажалось, ихъ первымъ порывомъ вѣтра должно было бы снести съ ихъ каменныхъ подножій; но цѣлыя столѣтія прохо-

дили надъ ауломъ, горныя бури гремѣли и неистовствовали по зимамъ надъ этими скалами, вѣтеръ отъ моря и до моря пролеталъ мимо бѣшенными ураганами, а башни стояли себѣ да стояли надъ нижними улицами аула. Весь бѣлый, онъ разстилался отсюда вверхъ и тамъ внезапно останавливался надъ отвѣсомъ въ бездну. Когда горецъ вѣхалъ въ первую изъ узкихъ улицъ, съ плоскихъ крышъ стали ему отовсюду кричать:

— Откуда ты это добылъ русскаго змѣеныша?

— Гдѣ тебѣ Аллахъ послалъ такую славную добычу?

— Изъ какого гнѣзда, Хаджи, ты вынулъ этого вороненка?

Хаджи смѣялся себѣ въ сѣдые усы и спокойно продолжалъ путь.

Доѣхавъ до сакли, гдѣ жила его семья, онъ громко крикнулъ.

Два мальчика, одинъ десяти, другой восьми лѣтъ, — дѣти его брата, — выскочили ему навстрѣчу.

Гаврюшка пугливо озирался во все стороны, ничего и никого уже здѣсь не понимая.

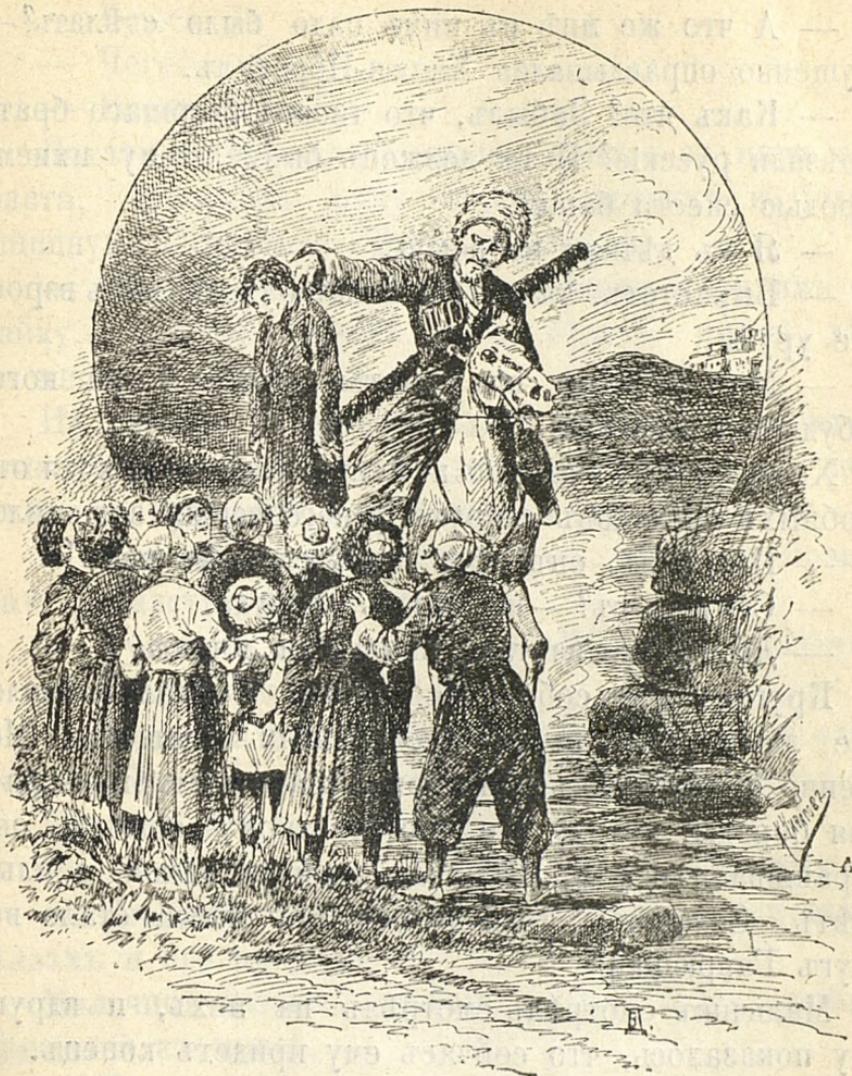
— Гдѣ братъ? — спросилъ Ибрагимъ...

— Третьяго дня ушелъ въ ту сторону...

— Къ русскимъ? — засмѣялся старый лезгинъ. — Еще чью-нибудь голову снесетъ. Вотъ получайте товарища.

И такъ же, какъ внизу, онъ, какъ котенка, поднялъ Гаврюшку за шиворотъ и спустилъ его внизъ.

Лезгины-мальчики отъ него поднялись.



Лезгинъ, какъ котенка, поднялъ Гаврюшку за шиворотъ.

— Зачѣмъ ты его привезъ? — выскочила старуха-мать его изъ сакли.

— А что же мнѣ съ нимъ надо было сдѣлать? — смущенно оправдывался Хаджи-Ибрагимъ.

— Какъ что? Забылъ, что твоего старшаго брата зарѣзали русскіе? И ты долженъ былъ этому ихнему отродью снести башку.

— Я съ дѣтьми не воюю.

— Вырастетъ, такой же волкъ будетъ, какъ взрослые урусы.

— Можетъ быть, его удастся вымѣнять на кого-нибудь изъ нашихъ.

Хорошо, что Гаврюшка не понималъ ничего, хотя отъ злобныхъ взглядовъ старухи у него сердце защемило.

— Наконецъ, онъ самъ шелъ сюда къ намъ!..

— Самъ шелъ? — изумилась старуха.

— Да. Я его засталъ внизу, на дорогѣ.

Кругомъ уже собиралась толпа. Сбѣгались молодые люди, на крыши выскакивали женщины. Медленно и спокойно издали приближались старики-красныя бороды, потому что, по мѣстному обычаю, они окрашивали и усы, и бороды свои въ какой-то алыи цвѣтъ. Сплошною толпою вся эта масса стала вокругъ Гаврюшки.

Мальчикъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на нихъ, и вдругъ ему показалось, что сейчасъ ему придетъ конецъ.

Онъ затрясся весь, поблѣднѣлъ и заплакалъ.

— Дяденька... Не буду, — только и повторялъ онъ.

— Чего ты боишься? — спросилъ его пріѣхавшій съ нимъ лезгинъ.

— Боюсь...

— Чего?

— Всего боюсь.

Кстати, какой-то оборвышъ, одного съ нимъ возраста, просунуль руку черезъ другихъ и больно ущипнуль Гаврюшку. Тотъ взвизгнуль.

— Эй, кто тамъ?—подняль Хаджи-Ибрагимъ нагайку.—Кто его тронеть, тотъ будетъ имѣть дѣло со мною...

На счастье Гаврюшки, вдали послышался шумъ, и, оглянувшись, толпа замѣтила приближавшагося сюда муллу съ будуномъ и муталимами (причетниками).

— Что тутъ случилось?—сталъ тотъ разспрашивать у разступившихся горцевъ.

— Русскаго мальчика Хаджи-Ибрагимъ привезъ.

— Откуда ты его взялъ?

— Онъ самъ шелъ сюда. Его отецъ въ Салаху плѣннымъ... Ну, мальчикъ и отправился освободить его.

Кругомъ все расхохотались.

На лицѣ у муллы показалась ласковая улыбка.

— Кто любитъ своего отца, тому всегда помогаютъ Аллахъ и его пророкъ...

Мальчикъ тотчасъ угадалъ въ немъ друга и крѣпко прижался къ муллѣ.

— Что же, это хорошо, что ты привезъ его сюда... Обживется у насъ и приметъ исламъ. А глядя на него, и отецъ его познаетъ истину, обратится къ Аллаху. Такимъ образомъ, у насъ здѣсь будетъ истинное

„торжество въры“. Переведи ему!—приказаль старикъ Хаджи-Ибрагиму.

— Хочешъ у насъ остаться? Мы тебя научимъ въ мечеть ходить, по-нашему молиться? Вырастешъ, лезгиномъ станешъ?—спрашиваль его Хаджи.

— Нѣтъ... Не хочу...

— Отчего?..

— У меня въ крѣпости свой попъ есть...

— Тутъ мулла будетъ.

— А меня за это Богъ накажетъ.

— Богъ и у насъ.

— У васъ не настоящій.

— А тебѣ кто это сказалъ?

— Пластунъ... Остапенко... Онъ вашего Бога отлично, сказываль, знаетъ.

Хаджи засмѣялся.

— Что съ нимъ разговаривать! Вырастетъ, привыкнетъ!—объяснилъ онъ муллѣ.

Ибрагимъ слѣзъ съ лошади и бросилъ поводъ одному изъ племянниковъ, потомъ взялъ за плечо Гаврюшку и ввелъ его въ саклю. Камнемъ уложенный полъ, каменные стѣны изъ пластовъ песчаника и асфальта, сложенныхъ безъ цемента. Посерединѣ мандалъ (жаровня). Въ уголкѣ—родъ камина, въ которомъ теперь варилось что-то. Гаврюшка, какъ попалъ сюда, такъ и посомъ потянулъ. Ужъ очень вкусно пахло. Онъ не обратилъ даже вниманія на то, что старуха продолжаетъ шипѣть на него злобно, что вошедшій

за нимъ мальчикъ косится на него, какъ ястребенокъ, сверкая своими непривѣтными черными глазами.

Ауль, куда попалъ Гаврюшка, весь состоялъ изъ каменныхъ саклей, прилѣпившихся къ скату горы и выстроенныхъ такъ, что крыша нижней служила дворомъ верхней. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, очевидно, жили бѣдняки, была цѣлая каша какихъ-то выложенныхъ изъ камня и дерева клѣтушекъ, съ крохотными от-верстіями въ нихъ, вмѣсто оконъ. Улицы были тутъ и узки, и круты. Часто онѣ спускались внизъ ступе-нями. Два человѣка, встрѣчаясь здѣсь, должны были поворачиваться бокомъ, чтобы пропустить одинъ дру-гого. Прибавьте къ этому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь трудно дышалось, потому что всю грязь и не-чистоту изъ саклей рачительныя хозяйки выбрасывали преспокойно за порогъ. Пускай-де съ этимъ возится, кто хочетъ... Впрочемъ, ауль, вѣрно, задохнулся бы отъ міазмовъ и весь былъ бы заваленъ всякими от-бросами, если бы здѣсь не существовали самую при-родою предназначенные для того санитары-чистиль-щики. Изъ первыхъ къ вечеру слетались сюда вороны и ѣли всякую падаль, склевывали все, что оставалось на выброшенныхъ костяхъ, а ночью являлись изъ долины шакалы и кончали остальное. Они дѣлали то же самое, что ежедневно вы можете наблюдать въ столицѣ Турецкой имперіи—Константинополѣ. Только въ ней роль вороновъ и шакаловъ играютъ съ еще большимъ успѣхомъ собаки. Этотъ ауль, какъ и всѣ

здѣсь, расположился въ мѣстности, которая была всего выгоднѣе для его обороны. Оттого онъ занялъ собою крутизну и вверху сползъ на обрубъ горы надъ пропастью. Такимъ образомъ, доступъ сюда былъ въ высшей степени труденъ. Тамъ, гдѣ непріятель могъ бы все-таки пройти, стояли довольно прочныя стѣны съ бойницами, а на скалахъ передъ ними, какъ мы уже упоминали выше, торчали довольно грозныя башни, откуда засѣвшіе тамъ воины могли обстрѣливать эту гору во всѣхъ направленіяхъ. Поперекъ нѣкоторыхъ большихъ улицъ тоже строились башни, такъ что путь проходилъ подъ ними. Врагъ, которому удалось бы ворваться сюда за стѣны, оказывался бы на узкой улицѣ, которую всю осыпали пули изъ этихъ башенъ. Сверхъ того, справа и слѣва изъ саклей, тоже похожихъ на башни, засѣвшія тамъ женщины и дѣти тоже открывали неистовый огонь, обливали непріятеля кипящею смолою, расплавленнымъ свинцомъ, вообще употребляли тѣ самые способы самозащиты, которыми двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ располагали греки и римляне. Богатые хозяева, къ числу которыхъ относился и Хаджи-Ибрагимъ, обносили весь дворъ строеніемъ въ видѣ буквы П, въ два этажа; изъ нихъ нижній предназначался для лошадей, скота и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Разгородивъ это на нѣсколько маленькихъ отдѣленій, горечь называлъ ихъ — одно — ослинымъ сараемъ, другое — бычачьимъ,

коровымъ, конюшнею и т. д. Здѣсь же устраивались *саманки*, куда складывался саманъ (солома изъ-подъ хлѣба, мелко рубленная для корма скоту). Въ одномъ изъ такихъ помѣщеній стояли обыкновенно громадныя глиняныя кувшины съ мукою, толокномъ, сывороточнымъ уксусомъ, грушевымъ наваромъ и маленькіе — съ масломъ и сыромъ. Зимнимъ помѣщеніемъ для людей служатъ сакли въ два этажа посреди этого двора. Въ обоихъ этажахъ — нѣсколько комнатъ. Самая лучшая—внизу, съ большою тахтою—кунацкая, для гостей. Тахта прикрыта ковромъ, на немъ разбросаны цилиндрическія подушки. Въ другихъ горницахъ — семья хозяина, женатыя сыновья — каждый отдѣльно. Если послѣ этого еще остаются свободныя комнаты, то въ нихъ складываются запасы грушъ, яблокъ, овощей, серпы, топоры, кирки, шерстяныя веревки, ремни, сѣдла, чепраки и т. д. Въ каждомъ домѣ, даже самомъ бѣдномъ — балконъ, въ родѣ навѣса, поддерживаемаго стойками... Въ кунаткой для украшенія ставятся сундуки, пестро отдѣланные, внизу — самые большіе, а чѣмъ выше, тѣмъ меньше. Иногда эти сундуки совершенно пусты. Стѣны сакли убираются посудой, цѣлой и битой. Большимъ изяществомъ считается развѣсить, гдѣ только можно, простыя бутылки, прибить къ стѣнамъ гвоздями бумажныя платки; кусочки зеркалъ вставлены въ углы и въ потолокъ; столбы, поддерживающіе его, увѣшаны оружіемъ, овчинными шубами, мѣдными та-

зами, служащими во время пира и музыкальными инструментами. Подъ потолкомъ подвѣшены сушеная баранина и курдюки, подъ которыми стоятъ на полу чашки для стока сала. Все, что не надо русскимъ, находить почетное мѣсто въ саклѣ лезгина: выбросьте помадную банку, флаконъ изъ-подъ одеколона, штофъ изъ-подъ водки, — они сейчасъ же украсятъ этимъ лучшую комнату своего дома. Разбитый самоваръ, склеенный сургучомъ стаканъ—красуются здѣсь, какъ нивѣсть какія драгоценности...

Не успѣлъ Гаврюшка, стоя въ углу, исподлобья присмотрѣться ко всему кругомъ, какъ Хаджи-Ибрагимъ позвалъ его и своихъ племянниковъ. Последніе до тѣхъ поръ стояли также неподвижно, какъ и Гаврюшка, и глядѣли на него въ полномъ молчаніи.

— Эй, вы!—крикнулъ имъ хозяинъ,—ступайте ѣсть! Старуха, все время шипѣвшая на русскаго мальчика, теперь смолкла.

Она замѣтила, что онъ пугливъ и застѣнчивъ, и даже ласково стукнула его по лбу большой деревянной ложкой.

— Ну, ты... Ужъ если тебя не зарѣзали, — живи, какъ и мои внуки.

Тотъ только повелъ на нее глазами, ничего не понимая.

Зато, когда принесли и поставили на полъ большой котель съ хинкаломъ, Гаврюшка разомъ ожилъ.

Передъ каждымъ изъ сидѣвшихъ на полу поставили чашку и соль съ чеснокомъ. Хозяйка тою же ложкою, которою ударила Гаврюшку по лбу, стала вынимать изъ варева широкую лапшу. Въ ложкѣ оказались отверстія. Вода сквозь нихъ уходила обратно въ котель, а тѣсто оставалось. Кромѣ хинкала передъ всѣми лежала цѣлая груда чурековъ, — тѣста, запеченнаго круглыми лепешками. Гаврюшка не заставилъ себя просить и такъ набросился на лапшу, что Хаджи-Ибрагимъ только засмѣялся...

Не успѣла еще семья нашего лезгина окончить свой неприхотливый обѣдъ, какъ издали послышался унылый звукъ намаза. Всѣ вскочили на ноги.

— Ты оставайся такъ! — ласково проговорилъ Хаджи-Ибрагимъ Гаврюшкѣ. — Это не твое дѣло, — наша молитва.

А самъ выбѣжалъ на плоскую кровлю, раскинулъ на ней намазлыкъ (коврикъ), сталъ на него или, лучше сказать, присѣлъ на колѣни и слушалъ крики съ минарета, мысленно самъ присоединяясь къ молитвѣ будуна:

Великъ Богъ, Великъ Богъ!

Свидѣтельствую, что нѣтъ Бога, кромѣ единого;

Свидѣтельствую, что Магометъ есть посоль Божій.

Приходите молиться.

Приходите къ счастью,

Молитва полезнѣе сна.

Великъ Богъ, Великъ Богъ!

Нѣтъ Бога, кормъ Бога!

Дальше Гаврюшка уже ничего не помнил до слѣдующаго утра.

Онъ привалился въ углу на какой-то грязный тюфякъ и заснулъ.

Внуки Хаджи-Ибрагима подошли къ окну кунацкой.

— Ишь, невѣрная собака!—обругался одинъ и поднялъ, было, камень, чтобы швырнуть въ спящаго.

— Погоди... Его пока нельзя трогать.

— Почему?

— А потому, что мулла говорилъ, что сдѣлаеть его такимъ же магометаниномъ, какъ и мы съ тобою. И тогда онъ останется въ нашей семьѣ и будетъ работать на насъ.

Тотъ съ сожалѣніемъ опустилъ камень.

Подбѣгали къ окну другіе мальчишки и женщины, смотрѣли на Гаврюшку и ругались. Для аула появленіе „русскаго“ ребенка было событіемъ.

— Ишь, ты... щенокъ!..

— И охота была Хаджи-Ибрагиму брать его!

— Аллахъ знаетъ, зачѣмъ внушаетъ людямъ тѣ или другія мысли.

— Лучше было бы разбить ему голову о камень. Вырастетъ,—не одна изъ нашихъ матерей будетъ оплакивать сына, сраженнаго его рукою.

— Русскія дѣти все равно, что барсовы котята: пока маленькія, лижутъ руку, дающую имъ кормъ;

станутъ большими,—и разстерзають грудь, ихъ питавшую.

— Разные бываютъ.

Хаджи-Ибрагимъ вышелъ изъ сакли...

Вечерѣло.

Солнце заходило за гору. На востокѣ уже робко мигали первыя звѣзды ночного неба... Изъ ущелій вѣяло сырой прохладой...

---

## XVII.

Первые дни жутко пришлось Гаврюшкѣ.

Онъ все жался въ уголь, исподлобья посматривалъ на другихъ дѣтей, такъ что встрѣтившая его на первыхъ порахъ такъ непривѣтливо старуха-хозяйка вдругъ полюбила одинокого ребенка и не только полюбила, но и другихъ заставила обращаться съ нимъ ласково... „Одинъ здѣсь между чужими... его надо пожалѣть!“ — И вдругъ Гаврюшка попалъ въ такую честь, что ему доставались лучшіе куски за ѣдою и немудренья лакомства, въ родѣ зеренъ сладкаго горошка, перемѣшанныхъ съ изюмомъ, какихъ-то маковыхъ тягучекъ на меду, рисовыхъ сладкихъ лепешекъ. Даже разъ, когда хозяйскій племянникъ ужъ очень присталъ къ нему, и Гаврюшка до

того осмѣлѣлъ, что безъ разговоровъ оттузилъ его, — плѣннаго мальчика не только не побили, но и похваляли:

— Вырастешь, джигитъ будешь!.. Ты не дѣвчонка. Мальчикъ не долженъ прощать обиды.

Это немного не походило на то, что въ крѣпости Гаврюшка слышалъ отъ попа, но вѣдь и этотъ аулъ съ его своеобразной жизнью не имѣлъ ничего общаго съ русскимъ обществомъ. Гаврюшка такъ и рѣшилъ про себя: „То у насъ, то у нихъ. Всякъ по-своему, а что лучше, — потомъ у тятки спрошу“. Онъ не только не потерялъ надежды выволить отца изъ плѣна, но еще болѣе утвердился въ ней и даже сталъ приставать къ Хаджи-Ибрагиму:

— Когда же мы?

— Что?

— За тяткой поѣдемъ?

— А вотъ погоди... Братъ вернется, — тогда.

Но братъ, отправившійся на баранту въ русскія владѣнія; еще не возвращался.

Хаджи-Ибрагимъ сталъ задумываться даже. Куда тотъ дѣвался? Будь удача, давно бы его видѣли въ аулѣ веселымъ и счастливымъ... Какъ-то вечеромъ Хаджи выѣхалъ изъ аула, не сказавши даже матери, и вернулся только черезъ два дня, нахмуренный и злой, какимъ Гаврюшка его никогда не видѣлъ. Хаджи швырнулъ племяннику поводья коня, какъ-то

странно взглянулъ на русскаго мальчика, проходя мимо, и, сурово улыбнувшись, кинулъ ему:

— Тебя самъ Аллахъ послалъ на мою дорогу!..

Гаврюшка ничего не понялъ. Ничего не поняли и другія дѣти, выбѣжавшія навстрѣчу Ибрагиму. Онъ ушелъ въ саклю, и оттуда тотчасъ же послышался отчаянный вопль старухи:

— Въ плѣну!.. Онъ въ плѣну — свѣтъ моихъ очей!.. Кровь моего сердца!..

Ибрагимъ о чемъ-то спокойно говорилъ ей; но старуха продолжала кричать:

— Они и съ этимъ, вѣроятно, покончатъ такъ же, какъ и съ другими... или застрѣлятъ его!

Дѣти подошли къ дверямъ сакли.

— Русскіе никого изъ плѣнныхъ не рѣжутъ.

— Ну, все равно, ушлютъ его такъ далеко, что мои старые глаза не увидятъ его больше, какъ не суждено мнѣ видѣть другихъ такихъ же!.. Точно я и не рожала ихъ на свѣтъ, не растила, не лелѣяла, не гордилась ими, какъ лучшими джигитами нашего аула!

— Судьба... Война всегда война... а только брата я выручу... Ты забыла, что у насъ — русскій мальчикъ... — совсѣмъ не кстати напомнилъ онъ отчаявшейся матери.

Та, въ порывѣ охватившаго ее бѣшенства, кинулась въ уголь, вытащила оттуда большой ножъ, которымъ здѣсь рѣжутъ скоть, и съ крикомъ: „Самъ Богъ

даетъ мнѣ въ руку мечь!“ побѣжала къ дверямъ сакли. Гаврюшкѣ такъ бы и не уйти. Онъ даже сразу не понялъ, что ему грозило, и, засунувъ рукавъ въ ротъ, тарасился на то, что происходило въ саклѣ. Другія дѣти, какъ стая испугнутыхъ воробьевъ, разлетѣлись во все стороны; одинъ онъ торчалъ тутъ. Не схвати его за шиворотъ Хаджи-Ибрагимъ и не заслони другою рукою отъ матери, старуха перерѣзала бы Гаврюшкѣ горло, какъ молодому барану, что не разъ онъ видѣлъ на улицахъ аула. Только издали разбѣжавшіяся дѣти кричали: — „Аманъ! Аманъ!“ — видя товарища своего въ такой смертельной опасности.

— Оставь его, — отстранилъ ее рукою Хаджи-Ибрагимъ.

— Отдай мнѣ русскаго змѣеныша!

— Въ немъ одна почти надежда вернуть брата.

— Какъ? — и старуха невольно опустила ножъ. —

Что можетъ сдѣлать этотъ щенокъ?

— Русскіе любятъ дѣтей.

— Ну?

— Они вымѣняютъ брата на этого мальчишку... Я тебѣ говорю, что самъ Аллахъ послалъ его на нашъ пути... Пути пророка неисповѣдимы.

— Чтобы они отдали взрослога джигита за этого?.. Русскіе не такъ глупы.

— Мы выкрадемъ его отца изъ Салахсу... За отца съ ребенкомъ намъ, кромѣ брата, еще цѣлюю папаху

абазовъ насыплють. Я знаю, бываль у нихъ и въ плѣну, и такъ.

Старуха медленно опустила ножъ... Рука ея еще дрожала, и взоръ изъ-подъ низко нахмуренныхъ бровей, горѣвшихъ ненавистью, обдавалъ мальчика.

Хаджи опустилъ его на землю.

— Ты, напротивъ, должна беречь его теперь, какъ зѣницу ока! Ступай, теперь тебѣ ничего не сдѣлаютъ дурного! — уже по-русски крикнулъ онъ ребенку.

Гаврюшка въ томъ же недоумѣніи медленно направился въ сторону. Если бы онъ могъ догадаться, что взятый въ плѣнъ крѣпостнымъ секретомъ оборванецъ-лезгинъ на его, Гаврюшкиныхъ, глазахъ въ томъ оврагѣ, гдѣ онъ хоронился и отъ своихъ, и отъ чужихъ, былъ братомъ Хаджи-Ибрагима, — ему бы много сдѣлалось понятнымъ въ только что разыгравшейся сценѣ... Старуха вернулась въ саклю; только Гаврюшка теперь рѣшилъ не съ прежней довѣрчивостью относиться къ ней. Онъ, и отходя, все оглядывался, — не выскочитъ ли та съ ножомъ въ рукѣ рѣзать его. Но въ саклѣ за дверями было тихо. Вскорѣ оттуда послышались только рыданія.

— Ишь ты, — сообразилъ Гаврюшка, — поди-ка... то сладкимъ улещаетъ, а то за ножъ хватается. Хорошія дѣла тоже...

Дѣти изъ разныхъ закоулковъ тоже показывались теперь и, обступивъ Гаврюшку, смотрѣли на него. Онъ являлся теперь для нихъ вдвое интереснымъ.

Еще бы, — только что хотѣли его зарѣзать, и остался цѣль, а тутъ еще, оказывается, что за такую мелочь, какъ онъ, русскіе отдадутъ ихъ отца да еще цѣлую папаху абазовъ ему насыплють. Дѣла-то какія! Мальчикъ на нихъ, а они на него долго глядѣли, разинувши рты.

— Что, страшно?—спросилъ его, наконецъ, старшій.

Настолько уже понималъ Гаврюшка, чтобы отвѣтить:

— А ты думалъ какъ? Поди, попробуй... Не страшно!.. Тебя бы по шеѣ чкнуть, — ты бы понялъ!

— А зачѣмъ твои русскіе отца забрали?

— Что жъ онъ совался къ нимъ безъ спросу?

— Ты же пришелъ къ намъ.

— Я — дѣло другое, я маленькій... я за отцомъ...

— И онъ не даромъ... а вашихъ коней воровать...

— Нешто это такъ и слѣдуетъ?

— А то какъ же?

— Чужихъ коней?

— Да. Иначе какъ? Вы — нашихъ, мы — вашихъ.

— Мы никогда вашего не трогаемъ. А ваши казаки у насъ въ прошломъ году цѣлый табунъ коней отняли.

Не успѣли еще улечься впечатлѣнія только что происшедшаго, какъ дѣти стали играть въ баранту. Самыхъ маленькихъ, въ качествѣ табуна, поручили Гаврюшкѣ, который долженъ былъ пасти ихъ на лугу, подъ деревомъ; большіе, съ палками, вмѣсто

ружей, подкрадывались къ нему издали. Все дѣло окончилось тѣмъ, что, къ крайнему неудовольствію Гаврюшки, и коней у него отбили, и шею ему здорово наkostenяли.

— Нешто это такъ?—приставаль онъ къ обидчикамъ.

— А ты что думаль?

— Развѣ такъ поступають?

— А какъ же?

— И коней отняли, и мнѣ же по шеѣ.

— Да, вѣдь, ты ихъ даромъ не отдаваль.

— Кто же коней отдаетъ такъ?

— Ну, тебѣ и досталось.

Гаврюшка подумаль и рѣшилъ, что все произошло по сущей справедливости.

— Теперъ, братцы, давай наоборотъ. Вы стерегите коней, а я отбивать буду.

— Хорошо!

— Такъ что жъ я одинъ?

— А русскимъ никто у насъ не захочетъ быть.

— Вотъ-такъ штука. Это не по правдѣ.

Наконецъ, выбрали троиухъ русскихъ по жребію. Гаврюшка, какъ слѣдуетъ, по всѣмъ правиламъ набѣга, подкрался къ нимъ, сталъ отбивать коней и попутно накладываль въ свою очередь по шеѣ сторожившимъ ихъ лезгинамъ. Вдругъ, когда тѣ крикнули: „Русскіе“,—къ крайнему недоразумѣнію Гаврюшки, тѣ, которые изображаютъ казаковъ, на него же набросились и его же въ лучшемъ видѣ вздули.

— Это что жъ такое будетъ? Опять же на меня...

— Да какъ же? Вѣдь, мы—лезгины и должны за своихъ вступаться.

— Лезгины... лезгины... А тутъ, вѣдь, мы русскими были.

— Никогда этому не бывать, чтобы лезгины русскими были.

— Давай тогда одинъ на одинъ.

— Идетъ!

Отошли подальше. Лезгины мальчики составили кругъ, и посреди его Гаврюшка сѣпился съ избраннымъ имъ товарищемъ.

Не успѣлъ еще тотъ, по всеѣмъ правиламъ борьбы, стать въ позицію, какъ Гаврюшка такъ его толкнулъ кулакомъ подъ ложечку, что тотъ ногами вверхъ бултыхнулся въ воздухъ, растянулся на травѣ, какъ раненый тигренокъ, потомъ вскочилъ на ноги и кинулся на русскаго.

— Ты это что? Да какъ ты смѣешь не по правиламъ?

— По какимъ?

— Эй, Ахметъ!—кричали другіе мальчики— Онъ, вѣдь, не знаетъ нашихъ законовъ, надо ему показать сначала...

— Правда!—немедленно согласился „поверженный въ прахъ“ Ахметка.—Ты долженъ взять меня за шею вотъ такъ, и я тебя тоже.

— Ну, изволь, а потомъ?

— А потомъ вотъ что сдѣлать...

И не успѣлъ еще очухаться Гаврюшка, какъ ему показалось, что кто-то возноситъ его на небо. Дѣйствительно, ловкимъ движеніемъ Ахметка вскинулъ его ногами вверхъ и черезъ себя швырнулъ плашмя назадъ... Гаврюшка вскочилъ на ноги и вытаращилъ глаза.

— Такъ вотъ какъ по-вашему?

— Да...

— Чтобы черезъ голову?..

— Именно.

— А ну-ка еще... Тогда я тебя попробую.

Схватились. И опять Гаврюшку точно съ корнемъ вырвали изъ земли и швырнули прочь.

— Ахъ, ты!.. Ну... А то давайъ опять по-русски.

Но тутъ толпа мальчишекъ загалдѣла. По-русски никто не хотѣлъ бороться.

— Это не благородная борьба—пинками...

Такъ Гаврюшка и оказался на сей разъ разбитымъ на-голову.

„Простъ, простъ народъ,—соображалъ онъ по-своему,—а тоже доведись,—облапошать“.

Онъ пошелъ прочь.

— Куда ты?

— Не хочу съ вами играть.

— Почему?

— Потому вы съ обманомъ. Гдѣ это видно, чтобы черезъ голову?

Надъ нимъ засмѣялись. Одинъ, было, подкатился ему колесомъ подъ ноги, но получилъ затрещину и успокоился.

— Гулять пойду, вотъ что!

— И мы съ тобой.

Съ тѣхъ поръ, какъ Гаврюшка спасся изъ-подъ ножа ихъ бабки, онъ приобрѣлъ въ ихъ глазахъ необыкновенный интересъ.

— Ну, что со мной! Одинъ хочу.

— Зачѣмъ одинъ?

Но у него въ рукахъ было могущественное средство. Горцы ко всякой религіи относятся съ величайшимъ уваженіемъ. Онъ уже не разъ пользовался этимъ.

— Стану Богу молиться.

Это подѣйствовало.

Мелюзга отправилась обратно въ аулъ, серьезно между собою разсуждая, что „маленькій Иванъ“ (если бы онъ былъ взрослымъ, его бы въ аулѣ просто звали Ивановъ) теперь Богу молится... Такъ-де вы это и понимайте.

Русскіе солдаты въ плѣну были „Иванами“, остальные—офицерами. Лезгины такъ и спрашивали захваченныхъ и уведенныхъ въ горы:

— Ты Иванъ или офицеръ?

„Маленькій Иванъ“ не долго, впрочемъ, молился.

И все-то его обращеніе къ Богу было просто и наивно: „Господи, сдѣлай такъ, чтобы мы опять съ

тяткой дома были. Тамъ у попа и у лѣкаря вкусныя пироги пекутъ теперь, и... и Васька безъ меня соскучился“. Какъ ни кратка и, повидимому, глупа была та молитва, но ее, должно быть, подслушали ангелы лучше другихъ краснорѣчивыхъ молитвъ и донесли бережно, какъ величайшее сокровище, къ престолу Божьему. Дальнѣйшія событія этого дня были, повидимому, только послѣдствіемъ этихъ дѣтски-сложившихся и дѣтски-трогательныхъ нѣсколькихъ словъ... Гаврюшка, окончивъ свою молитву, ткнулся лбомъ въ землю, какъ его училъ пластунъ Остапенко, и, замѣтивъ издали маленькую рожицу карагачей и орѣшниковъ, побѣжалъ туда. Солнце тутъ не жгло.

По зеленой травѣ бѣжали тѣни колыхавшихся вѣтвей, и между ними шевелились и точно перепархивали съ мѣста на мѣсто золотые зайчики солнечныхъ лучей. Вверху сладко пѣли птицы, и все кругомъ дышало такимъ миромъ и спокойствіемъ... „Гораздо лучше, чѣмъ въ аулѣ“, — разсуждалъ самъ съ собою Гаврюшка. Тутъ переплетавшіяся вѣтви слегка шевелились, а между ними улыбались мальчику голубые клочки неба.

---

### XVIII.

Гаврюшкѣ такъ понравилось уходить въ лѣсокъ „молиться своему Богу“, что онъ часто продѣлывалъ это. Убѣжить туда, ляжетъ себѣ въ траву, глазами

въ небо, и смотреть иной разъ до того долго, что ему покажется, что онъ, Гаврюшка, давно уже оторвался отъ земли и летитъ въ небо, падаетъ въ его голубую бездну. Слушаетъ, очнувшись, какъ гдѣ-то поетъ беззаботно и весело птица; наконецъ, въ переплетѣ вѣтвей и ее отличить, что попрыгиваетъ, топорщится, надрываетъ свое крохотное горлышко, точно по немъ, подъ его пухомъ какая-то горошинка перекатывается... А замолкнетъ,—сейчасъ же растопырить перышки и крылья раскорячить и подъ ними острымъ носикомъ возится. „Птицѣ хорошо,—сообразжалъ Гаврюшка: — куда захотѣла, туда и летитъ. А ты бы вотъ на моемъ мѣстѣ попробовала!“ Но и это разсужденіе пришлось ему скоро отбросить, какъ глупое. Смотрѣлъ онъ, смотрѣлъ на пѣвшую такимъ образомъ пичужку, какъ вдругъ надъ нею—будто съ неба упало—что-то разомъ зачернѣло, громадное, широкое. Только въ послѣдствіи Гаврюшка сообразилъ, что это большой сѣрый коршунъ ринулся изъ-подъ облаковъ и крылья свои раскинулъ во-всю... Птичка только пискнула, прервавъ свою пѣсню, и къ вѣткамъ прижалась, тоже распустивъ крылья, будто они могли защитить бѣдняжку. Гаврюшкѣ отлично было видно, какъ поднебесный хищникъ выпустилъ когти, захватилъ ими трепещущую жертву и вмѣстѣ съ листочками, за которые въ смертельномъ страхѣ уцѣпилась та, унесъ ее въ свою высоту... Должно быть, по пути клювомъ ей въ голову кокнулъ, чтобы не тормоши-

лась... „Нѣтъ, и птицей быть не стоитъ, — маленькой... Коршуномъ — лучше коршуна никто не обидитъ“... И въ тотъ же вечеръ убѣдился, что коршуну тоже завидовать нечего. Собрались уже всѣ, — дѣти аула и Гаврюшка съ ними, — на выѣздѣ, гдѣ оканчивались сѣрыя стѣны и саклей уже не было, какъ вдругъ Ахметка, — даже вздрогнулъ весь, — различилъ вдали сидящаго на одной изъ ближайшихъ скалъ коршуна. Можетъ быть, того самаго, что сегодня птичку-пѣвичку сорвалъ съ вѣтки и расклевалъ въ поднебесьи. Коршунъ обернулся къ солнцу и смотрѣлъ, какъ оно заходило за горы. Ахметка приказалъ дѣтямъ не трогаться и не шумѣть, а самъ быстро проскользнулъ домой, снялъ со стѣны отцовское ружье, зарядилъ его по дорогѣ и, вернувшись, вскинулъ его къ плечу, — нацѣлился. Гаврюшка даже подивился: „Такой же маленький, а поди-ка, какъ держитъ. Дуло у него не шелохнется! Молодецъ Ахметка! Только не попадетъ! Куда ему попасть, — малъ еще“. Но тутъ, какъ нарочно, грянулъ выстрѣлъ, и на глазахъ у Гаврюшки коршунъ всполохнулся швыркомъ вверхъ, попробовалъ, было, тамъ раскинуть крылья и — точно не осилилъ — камнемъ рухнулъ внизъ съ одного уступа скалы на другой, съ другого по отвѣсу скользить внизъ, безсильно царапаясь острыми когтями за кремень, упалъ на каменную площадку и лежитъ на ней. Безсильно распустилъ крылья старый хищникъ, хотъ голову хотеть поднять отъ земли и не можетъ,

только,—будто воздуху нѣтъ, дышать нечѣмъ,—все шире и шире разѣваетъ свой сильный клювъ. Ахметка сунуль ружье Гаврюшкѣ, а самъ, какъ кошка по дереву, внизъ съ горы ползеть. На ту площадку скоро добрался. Поднялъ за крылья коршуна. Тотъ его, собирая послѣднія усилія, старался все клювомъ достать, пока Ахметка не зажалъ въ руку и шею его, и лапы, да такъ и поползъ съ нимъ вверхъ. Только громадные крылья, распустившись, шуршали по камню... „Нѣтъ, и коршуномъ быть неважно,—сообразжалъ Гаврюшка,—коли тебя всякій гололобий Ахметка издали ружьемъ нащупать можетъ!“ Зато Ахметка выросъ въ глазахъ у дѣтей до того, что они даже посторонились почтительно, когда тотъ добрался до нихъ съ добычею. Мертвую птицу сейчасъ же прибили къ стѣнѣ аула, надъ воротами, раскинувъ ей, сколько было возможно, крылья, и она — эта сѣрая большая птица — даже и мертвая грозилась всѣмъ входившимъ своими острыми когтями... Гаврюшка нѣсколько разъ бѣгалъ смотрѣть ее. У нея ужъ и глаза не открывались, затянувшись сѣрыми пленками. Мальчику жаль ея было. Летала бы теперь въ поднебесьи, надъ вершинами, ущельями и безднами, — только бы тѣнь ея скользила по землѣ,—а тутъ виси на стѣнѣ аула и служи цѣлью мальчишкамъ, посылавшимъ въ нее камни... Что же, что она и птичекъ ѣла? Чѣмъ же ей иначе питаться? Вѣдь, и Гаврюшка баранину любить, а видѣлъ разъ, какъ ба-

рашка рѣзали,—заплакалъ даже!.. Всякому существу по-своему жить полагается. Ахметка, впрочемъ, тоже не долго въ его глазахъ былъ великимъ джигитомъ и богатыремъ. Уже вечеромъ, въ ожиданіи хинкала, сидѣли они въ саклѣ гурьбой. Ахметка, воодушевленный своимъ подвигомъ, распалился, и въ тотъ моментъ, какъ старуха-бабка входила съ котломъ вкуснаго варева, вдругъ послышался звонъ разбитаго стекла. Та взглянула, обмерла и котель уронила, такъ что пахнувшая чеснокомъ похлебка по землѣ разлилась. Еще бы — величайшая драгоценность въ аульномъ хозяйствѣ — зеркало разбилъ Ахметка. Хотѣлъ, было, великій богатырь въ двери, да по пути бабка его перехватила и тутъ же, при всей честной компаніи, давай охаживать его длинною чумичкою, бывшею у нея въ рукахъ, и по головѣ, и по спинѣ, и по ногамъ... „Аманъ, аманъ!“ — кричалъ Ахметка жалостно; но старуха не отпустила его, пока не устала... Вотъ тебѣ и позавидовалъ Гаврюшка силѣ и величію Ахметки! Да и старухѣ завидовать было не зачѣмъ. Бросивъ внука, она кинулась къ осколкамъ зеркала, собрала ихъ и давай ревѣть надъ ними. „Тоже дура, — соображалъ Гаврюшка — надъ битымъ стекломъ плачеть!“... Тѣмъ не менѣе, изъ-за шалости большого джигита Ахметки, дѣти сегодня легли спать голодными! Да еще въ саклѣ, гдѣ отъ разливагося по полу хинкала такъ вкусно пахло чеснокомъ!..

Какъ-то Гаврюшка слишкомъ далеко забѣжалъ въ

лѣсь, и, когда вернулся, въ аулѣ былъ переполохъ. Хаджи-Ибрагимъ встрѣтилъ его съ плохо скрываемою радостью.

— Мы уже думали,—ты убѣжалъ!

— Куда?

— Къ своимъ.

— Зачѣмъ?

— А соскучался!..

— Нѣ... Мнѣ безъ тятки нельзя... Мнѣ сначала тятку найти...

— Вотъ подожди... Завтра мы его, можетъ быть, пошлемъ искать въ Салахсу.

— Ну!? И меня возьмете?

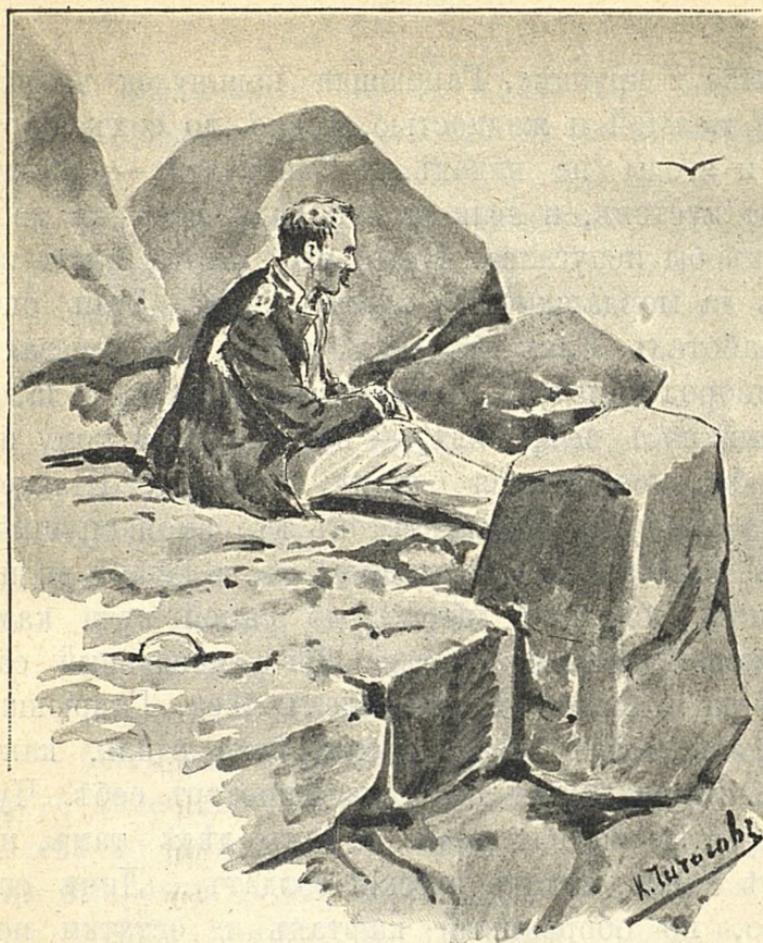
— Не къ чему. Ты только помѣшаешь намъ.

— Чѣмъ это? Я—маленькій!

— Вотъ потому именно. Вотъ бы большой былъ,— другое дѣло. Самъ бы еще помогъ. Потому сами его хозяева не продадутъ его намъ,—надо будетъ твоего отца выкрасть. А это дѣло трудное. Молись своему Богу, чтобы помогъ. А за насъ мулла въ мечети помолится...

Но на другой день отправиться молодцамъ отсюда въ экспедицію не пришлось, а на третій случилось дѣло совсѣмъ ни для кого, и прежде всего для Гаврюшки, неожиданное. Убѣжалъ онъ въ рошу гулять или, какъ объяснялъ лезгинамъ, своему Богу молиться. За послѣдніе дни пропасть тутъ назрѣло харь-тута,—нѣчто въ родѣ нашей малины, только соч-

нѣе, кислѣе и крупнѣе. Гаврюшка накинулся на нее съ такой жаждой и жадностью, точно до сихъ поръ никогда и ягоды не видалъ... Накинулся, — объѣлъ нѣсколько кустовъ, и если бы увидѣлъ себя въ зеркало, самъ бы испугался. Будто его кто-то взялъ за затылокъ да мордашкой въ кровь ткнулъ. Такъ онъ себя обработалъ. Сокъ харъ-тута всего его замазалъ и по подбородку потекъ, и щеки нарумянилъ, и даже вздернутый носъ выкрасилъ, — вѣрно, чтобы тому не завидно было оставаться одному бѣлымъ... Шляясь отъ куста къ кусту, перешелъ онъ къ самой опушкѣ. Тутъ она оканчивалась обрывомъ, съ котораго видно было внизъ довольно далеко, до самой кучи камней, повисшей надъ пропастью. Легъ, довольный самимъ собою и даровымъ угощеніемъ лѣса, Гаврюшка на животъ и долго что-то засмотрѣлся вдаль, какъ вдругъ... кулачишками даже глаза протеръ себѣ. Чудится ему, что ли, или и въ самомъ дѣлѣ тамъ, на этой кучѣ камня, сидитъ русскій солдатъ... Лица его не видно, но оборванный кафтанъ и остатки погонь... Не разобрать какія... Не изъ крѣпости ли? У мальчика такъ застучало сердце, что, онъ думалъ, задохнется. Крикнуть, — голоса не хватитъ... Въ самомъ дѣлѣ, солдатъ... Заблудился, что ли? или ушелъ изъ плѣну, къ своимъ пробирается? Вотъ бы его обътятъкѣ разспросить... Гаврюшка, не долго думая, кувыркнулся внизъ кубаремъ, — не считая да и не замѣчая ударовъ камня, — покатился подъ гору, всталъ,



На кучѣ камня сидѣлъ русскій солдатъ.

было, на ноги, да не удержался и опять на собственныхъ салазкахъ поѣхалъ по крутизнѣ, уцѣпился за случайно здѣсь выросшее кизилковое дерево, да, должно быть, оно слабо держалось. Налетъ земли былъ тонокъ, и корнямъ не за что уцѣпиться, — а камень кизиловыхъ отростковъ не пускаетъ. Древо сорва-

лось и вмѣстѣ съ Гаврюшкой, шурша, потянулось тоже. Едва-едва удалось мальчику, — и то въѣхавъ ногами въ уступъ утеса, — остановиться. Тяжело дыша, онъ удержался здѣсь. Поднялся. Взглянулъ: вонъ онъ, солдатъ! Крикнулъ бы, — голоса только нѣтъ, какое-то необъяснимое волненіе охватило Гаврюшку... оно-то его и тянетъ къ этой кучкѣ камня. Тутъ, впрочемъ, поотложе. Итти можно. Онъ и пошелъ. Побѣжалъ бы, да узка тропа. Свернешься вправо, — въ бездну, — костей не соберешь. Отсюда, сверху, вершины поднявшихся на ея днѣ громадныхъ деревьевъ кажутся жалкими кустиками, бѣшенный и широкій горный потокъ чудится бѣленькой ниточкой, а скалы внизу точно камешки насыпаны такіе, которыми мальчики въ аулѣ въ птицъ швыряютъ да въ кошекъ... что крадутся воровать по плоскимъ крышамъ саклей... „Господи, что это?“ Гаврюшка, было, замеръ, да вдругъ какъ крикнетъ: „Тятка!“ — и, уже не думая ни о чемъ, бѣжить къ тому навстрѣчу.

— Тятка, тятка!..

— Гаврюшка... Боже!... Отколь?.. Али мнѣ почудилось?

Нѣтъ, не почудилось... Это опъ самъ, его мальчикъ, взялся, невѣдомо какъ, съ высоты, гдѣ бѣлѣтъ горный аулъ, и куда днемъ не осмѣлился двинуться, потерявшій дорогу, Сергѣй Лоповъ. Бѣглець крѣпко прижимаетъ къ груди мальчика, точно боясь, что тотъ такъ же неожиданно исчезнетъ, какъ и

явился сюда. Смотритъ ему въ глаза и думаетъ про себя: „Ужъ если Господь сына навстрѣчу послалъ, значить, и меня съ нимъ вызволить. Дошла моя молитва“...

— Ты какъ сюда попалъ?—нашелъ онъ, наконецъ, силы спросить у того.

— За тобой.

— Какъ за мной?!

— Такъ. Какъ увели тебя, сначала, у насъ собирались вымѣнять на другихъ лезгинъ. А потомъ узнали, что Салахсу плѣнныхъ не мѣняетъ. Ну, я думалъ, думалъ и порѣшилъ: какъ мнѣ безъ тебя быть? Никакъ нельзя... Авось тоже помогу уйтить...

— Ты-то?

— Да, я.

— И убѣгъ... изъ крѣпости?

— Убѣгъ!

— Какъ тебя пустили?

— Нешто я спрашивалъ? Коли бы спросился,—заперъ бы комендантъ.

— Ахъ, ты, дитяtko мое... родненькое!

И Сергѣй, прижавъ лохматую головушку замурзаннаго Гаврюшки къ губамъ, вдругъ заплакалъ.

— Что же ты дѣлаешь теперь?—спросилъ онъ, нѣсколько успокоясь.

— Живу.

— Гдѣ?

— У нихъ вотъ, въ аулѣ.

— Да какъ ты въ ауль попалъ?

— А меня пымаль по дорогѣ хозяинъ...

— И взялъ къ себѣ?

— Онъ добрый. Мать его рѣзать меня два раза собиралась, — онъ не далъ.

— Злая?

— Нѣтъ, она тоже добрая... Хинкалу даетъ, овечь-яго сыру тоже... А только какъ распалится, сейчасъ за ножъ хватается. Такой у нея норовъ.

— И прочіе тебя не обижали?

— Нѣтъ... За что имъ меня трогать? Я маленькій.

— Никто, какъ Богъ, значить...

— Они и тебя выкупить собираются.

— Ну?

— Я имъ про тебя рассказаль, а у хозяина брата въ плѣнъ наши взяли. Въ крѣпости, сказываютъ, подь карауломъ держать; ну, чтобы помѣняться, хотѣли за тобой въ Салахсу. Либо выкупить тебя, либо такъ, хитростью вынуть оттуда.

— Вотъ оно какъ! А я точно зналъ, самъ убѣгъ.

— Значить, мы, тятка, теперь гайдъ съ тобой?

— Куда?

— Домой, въ крѣпость. Я и наверхъ не забѣгу. Сейчасъ и пойдемъ.

— Ну, нѣтъ, братъ Гаврюшка. Мнѣ пропадать, — вишь!

И онъ показаль сыну ноги.

Гаврюшка въ ужасѣ отшатнулся.

Онѣ распухли и сплошь были въ ранахъ, ссадинахъ. Изъ сотни мѣсть сочилась кровь. Десятки колючекъ сидѣли въ ранахъ, щиколотки были точно обиты. Живого мѣста на нихъ не оставалось.

— Какъ тутъ пойдешь? Конецъ мой пришелъ. Помирать теперь. Да и безъ того силъ бы не было. Вторую недѣлю травкой да ягодкой питаюсь. Тоже не даетъ ягода крѣпости. Нѣтъ, братъ, плохо мое дѣло.

— Тогда въ ауль.

— Зачѣмъ?

— Потому, ежели они тебя за деньги выкупить хотѣли, то даромъ-то какъ еще обрадуются.

— Въ самомъ дѣлѣ! Поди жъ ты, — младенецъ какъ обсудилъ.

— Лучше же имъ такъ тебя взять, чѣмъ выкрадывать изъ чужого аула. Небось, они тебя какъ встрѣтятъ, — въ лучшемъ видѣ. Ханкаломъ накормятъ, сыру дадутъ, молока, чурековъ.

Сергѣя даже слюна прошибла отъ одного перечисленія этихъ яствъ; но онъ все-таки остался на мѣстѣ.

— Куда я пойду? Ишь, ноги не удержатъ.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ Гаврюшка. Пришло ему въ голову свои сапоги предложить отцу, да сообразилъ, что и на здоровыя ноги того бы не влѣзли... Что жъ дѣлать?

— Знаешь, ты пока схоронись, а я живо летомъ

къ Ибрагиму; сейчасъ онъ за тобой съ народомъ придетъ.

— Ну, ладно... Ступай, ступай!.. Помилуй тебя Богъ, голубеночка моего... Вотъ не думаль, не гадалъ, гдѣ Богъ спасеніе пошлетъ.

Гаврюшкѣ некогда было отдаваться сыновнимъ чувствамъ. Онъ по крутизнѣ, казавшейся неодолимою, живо добрался до аула и еще издали оралъ:

— Хаджи-Ибрагимъ! Хаджи-Ибрагимъ!

Хаджи-Ибрагимъ былъ на гудеканѣ — народной площади, у мечети. Тамъ собрался джамаатъ — собраніе аульныхъ представителей — еще разъ обсудить, какъ добыть изъ Салахсу Гаврюшкина отца. Мальчишка, запыхавшись, пулей влетѣлъ туда.

— Хаджи-Ибрагимъ!

— Ну... Что тебѣ? Вонъ, гяурово отродье! Ты развѣ не знаешь, что на джамаатъ никому нельзя?

Тотъ едва отдышался.

— Такое дѣло, хозяйинъ! Я отца нашель.

Хаджи вскочилъ.

— Гдѣ?

— Тамъ, внизу. Онъ самъ не можетъ, — ноги у него ободраны совсѣмъ... Въ крови... Онъ изъ Салахсу убѣгъ... Голодный... Надо его вызволить поскорѣй... А то помретъ.

Хаджи наскоро перевелъ старикамъ, что ему передалъ Гаврюшка, и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ всѣ они, наскоро подбирая полы своихъ чер-

кесокъ и поддерживая кинжалы, бросились внизъ, вслѣдъ за Гаврюшкой.

Назадъ онъ вернулся во главѣ шествія.

Отца его несли на рукахъ двое дюжихъ горцевъ.

Ибрагимъ около, — увѣрялъ его:

— Ты, Иванъ, не бойся. Тебя у насъ не обидятъ. Мы тебя вымѣняемъ скоро... Сегодня же я поѣду въ крѣпость. Только ты, братъ Иванъ, не сердись, а мы пока тебя запремъ съ Гаврюшкой. Потому, за тобою погонь. Если тебя не запереть, тебя выкрадутъ салахсуйцы. Я знаю, что это за народъ!

Но Сергѣй Лоповъ былъ теперь на все согласенъ. Ему было все равно, лишь бы около себя видѣть Гаврюшку. Онъ и теперь не отводилъ своихъ усталыхъ и воспаленныхъ отъ солнца и вѣтра глазъ отъ сынишки...

Хаджи привелъ Лопова къ себѣ въ саклю.

Его отнесли наверхъ и тамъ оставили. Старуха-лезгинка обрадовалась, — такъ она была увѣрена, что за отца съ сыномъ урусь ей вернуть сына. Она даже зарѣзала барашка, и Лоповъ первый разъ за все это время могъ поѣсть, какъ слѣдуетъ. Ему, впрочемъ, не дали много сразу.

— Много съѣшь, — помрешь. А теперь тебѣ помирать нельзя. Вотъ вымѣняемъ тебя на брата, тогда помирай, намъ до тебя дѣла не будетъ. А теперь мы должны за тобою вотъ какъ смотрѣть.

— Ладно, ладно, что ужь! Я всёмь доволенъ! — радостно улыбнулся солдатъ.

Ноги его сначала положили въ холодную воду, потомъ стали ихъ окутывать тряпками, постоянно ихъ



Горцы собрались на совѣщаніе.

мѣняя. Когда, такимъ образомъ, воспаленное состояніе ихъ уменьшилось, старуха явилась съ длиною иглою...

Хаджи-Ибрагимъ присутствовалъ тутъ же.

— Тебѣ больно будетъ. Только, вѣдь, ты не баба, а джигитъ.

Старая лезгинка съ удивительнымъ искусствомъ стала доставать у него иглою колючки. Боль была страшная; но Лоповъ не кричалъ и не стоналъ, только лежалъ весь блѣдный, скрипя зубами, когда терпѣть было не въ мочь. Вытащивъ всѣ занозы и обмывъ ему опять ноги холодною водою, она на нѣкоторыя еще сочившіяся раны положила трутъ, другія посыпала порохомъ и опять обернула ему ноги во влажный холстъ.

— Теперь спи, Иванъ! А мы пойдемъ разсуждать на джамаатъ, какъ намъ съ тобою дѣло лучше кончить.

И, дѣйствительно, горцы до поздняго вечера сидѣли на площади, споря и обдумывая, какъ теперь дать знать въ крѣпость, что у нихъ находится солдатъ оттуда съ сыномъ.

---

## XIX.

Джамаатъ кончился, и когда „Иванъ“, т.-е. Сергѣй Лоповъ, съ сыномъ проснулись и хотѣли выбраться изъ верхней горенки своей маленькой сакли, — двери въ нее оказались запертыми снаружи, и не только запертыми, но на ступеняхъ около, какъ можно было разсмотрѣть въ щели, лежалъ вооруженный, на всякій случай, горецъ.

— Эй... кунакъ! — позваль его, стучась, Сергѣй, уже научившійся обстоятельно по-ихнему.

— Что?

— Зачѣмъ это ты сидишь здѣсь?

— Тебя сторожу.

— Да развѣ я могу убѣжать, ишь, ноги-то!

— Ты не убѣжишь, знаю. Тебѣ и бѣжать не зачѣмъ. Все равно скоро дома будешь. А изъ Салахсу за тобой могутъ явиться джигиты и отбить тебя назадъ.

— Почему они знаютъ, что я здѣсь?

— Ты знаешь,—вѣсти въ горахъ летятъ повсюду, какъ птицы. Всѣ ихъ видятъ!

— Ну, ладно! Богъ съ тобой!

Онъ успокоился; скоро къ нему пришла старуха-лезгинка и опять обмыла ему ноги и, изслѣдовавъ раны, уже намазала ихъ какимъ-то составомъ. Лоповъ застоналъ отъ боли; но лезгинка только засмѣялась.

— Теперь тебѣ нехорошо, а скоро,—дня два пройдетъ,—самъ меня благодарить будешь. Это такъ!

— Я и теперь благодаренъ.

— Это все для сына, не для тебя. Для уруса я бы и пальцемъ не шевельнула. Но за тебя, вѣдь, мнѣ сына вернуть.

Потомъ она принесла сюда оставшуюся отъ вчерашняго пира баранину и лепешекъ. Гаврюшка хотѣлъ, было, выбѣжать, но его привели обратно. И тебѣ-де нельзя... И тебя могутъ салахсуйцы за отца захватить.

— Сидишь?—спрашивалъ его черезъ день Ахметка.

— Сижу...

— Хаджи къ вашимъ въ крѣпость уѣхалъ... Пока не вернется, сидѣть будете.

Такъ оно и вышло, дѣйствительно.

Прошла недѣля, пока Ибрагимъ возвратился. За это время онъ побывалъ въ мирномъ аулѣ, висѣвшемъ, словно орлиное гнѣздо, надъ крѣпостью. Оттуда онъ послалъ горцевъ съ письмомъ къ коменданту, требуя выдачи своего брата взаменъ Гаврюшки и Сергѣя Лопова. А такъ какъ этихъ послѣднихъ было двое и во вниманіе къ тому, что русскихъ въ плѣну у горцевъ меньше, чѣмъ лезгинъ у русскихъ, то Ибрагимъ попросилъ на прибавку три папахи золота. Нарочно заломилъ такую цѣну, чтобы было съ чего спускать потомъ. Комендантъ посланнаго угостилъ чаемъ и приказалъ самому Хаджи пріѣхать. Но такъ какъ Хаджи былъ когда-то въ плѣну самъ и бѣжалъ, изрубивъ русскаго часового, то онъ, понимая, чѣмъ это пахнетъ, отказался явиться въ крѣпость безъ заложника за него. Заложникомъ долженъ былъ быть не простой солдатъ, а офицеръ, ибо и Хаджи — не простой лезгинъ, а мюридъ. Комендантъ, зная обычаи, спросилъ у своихъ офицеровъ, кому хочется прожить день, два, три въ аулѣ у мирныхъ горцевъ. Скука крѣпостной жизни такъ надоѣла здѣсь, что всѣ вызвались. Комендантъ выбралъ двоихъ и, желая показать Ибрагиму свое довѣріе, послалъ ихъ. Ибрагимъ не остался въ долгу. Въ аулѣ былъ Шамилевъ наибъ поднимавшій, какъ говорилъ Остапенко, газавать (свя-

ценную войну противъ русскихъ; онъ убѣдилъ его ѣхать съ собою, и утромъ они оба, со свитою мирныхъ лезгинъ, показались у воротъ крѣпости. Узнавъ наиба, ему здѣсь устроили почетную встрѣчу. Ударили въ барабанъ, заиграли горнисты, карауль отдалъ честь, и самъ комендантъ вышелъ принять ихъ. До окончанія дѣла, Ибрагимъ съ наибомъ — здѣсь и два офицера — наверху, въ аулѣ, считались „священными“. Неприятность имъ была бы позоромъ для ихъ хозяевъ. Комендантъ отвелъ лезгинамъ лучшія свои комнаты и даже устроилъ вечеромъ пирушку. Въ аулѣ оказался случайно проѣзжавшій изъ Чечни въ Мекку черезъ Дагестанъ кадаги. Такъ называли въ Чечнѣ волхвовъ и импровизаторовъ. Узнавъ объ этомъ, комендантъ послалъ за нимъ, и тотъ явился съ птауромъ, струннымъ инструментомъ. Не ожидая приглашенія, кадаги, привыкшій пользоваться почетомъ вездѣ, куда ни являлся, сѣлъ и только послѣ этого удостоилъ замѣтить присутствовавшихъ и привѣтствовалъ ихъ:

— Милость Божія надъ смѣлыми!

— И твоей мудрости слава! — тихо, почти подобострастно отвѣтили наибъ и Хаджи.

— Зачѣмъ меня позвали сюда русскіе?

— Хотятъ услышать пѣсни и сказанія о великихъ дѣлахъ.

Кадаги въ горахъ считался выше всѣхъ. Свободный даръ пѣсни былъ величайшею милостію Аллаха

Власть, рожденіе — все это не давало преимуществъ, и передъ кадаги горные уздени, наибы, кабардинскіе князья стояли, почтительно склопясь и держа на груди руки. Еще бы, — жизнь скоротечна, а пѣснь кадаги дѣлала храбрыхъ и справедливыхъ бессмертными, потому что ее пѣль потомъ цѣлый народъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Когда у Шамиля, неограниченнаго властителя и имама (первосвященника) Чечни и Дагестана, его родня требовала особыхъ правъ, онъ отказывался, ссылаясь на кадаги. — „Я знаю, что вы просите должнаго, но черезъ уста кадаги потомство узнаетъ и, быть можетъ, обвинить меня въ потворствѣ вамъ!“ Это было своего рода свободное слово въ вольныхъ горскихъ общинахъ, нравственная сила, которой подчинялась всякая другая.

Кадаги опустили надъ струнами свою сѣдую голову и задумался.

Никто теперь не смѣлъ нарушить благоговѣйнаго молчанія славнаго пѣвца. Всѣ повимали, что во мглѣ его воспоминаній мало-по-малу воскресаютъ дивные образы. Изъ давно позабытыхъ могилъ, изъ тьмы ущелій, изъ-подъ скалъ высокихъ горъ встаютъ доблестныя тѣни предковъ и молятъ его дать имъ жизнь, вернуть ихъ свѣту и теплу Божьяго міра своею пѣснею... Онъ слегка пробѣждалъ старческими пальцами по струнамъ, и только теперь грозно заговорили онѣ... Вспыхнули очи кадаги такимъ полымемъ, передъ которымъ потускнѣло все кругомъ. Въ дряхломъ пѣвцѣ

поднимался богатырь старого, добраго времени... Онъ запѣлъ сказаніе о славныхъ подвигахъ кабардинца Керзекъ-Шрухуко-Тагиза...

Ахъ! когда-то было время  
Славы длинной для Керзека:  
И сильнѣе, и храбрѣе  
Не знавалъ я человѣка.

Былъ онъ старъ, но духъ отважный,  
Какъ орелъ въ скалѣхъ подлѣ тучей,  
Свилъ гнѣздо свое надолго  
У него въ груди могучей.

Ночи мракъ ему являлся  
Дня яснѣе въ битвахъ горныхъ,  
Вкругъ тѣснилися дружины  
Узденей, ему покорныхъ.

Для Тагиза въ цѣломъ мірѣ  
Равныхъ не было... Сгорали  
Всѣ завистники отъ злобы,  
А враги его дрожали.

Молодой женѣ, Ашурѣ,  
Каждый вечеръ втихомолку  
Приносилъ онъ въ даръ добычу:  
Груды золота и шелку.

Въ горной битвѣ Калаузской  
Славнымъ витяземъ впервые  
На конѣ, какъ вихорь, быстромъ,  
Переплылъ пучины злыя...

Бросилъ войско падишаха  
И, пашѣ не давъ селяма,  
Онъ на подвигъ безпримѣрный  
Одинокъ рѣшился прямо.

Подъ его волшебной шашкой  
О земь падали гяуры,  
Какъ колосья нивы спѣлой  
Отъ серпа его Ашуры...

Но взаимѣнь, за подвигъ чудный,  
За невѣрныхъ пораженье—  
Янычаръ-ага Керзеку  
Посылаетъ оскорбленье.

Съ той поры Тагизъ на битвы  
Во главѣ родныхъ и братій  
Смѣлымъ соколомъ слетаетъ  
Безъ турецкой робкой рати.

Начиналъ стрѣлять онъ первымъ,  
Первымъ шашку обнажая,  
Не считалъ враговъ ни разу,  
Бастіонъ опустошая.

Не оглядывался въ битвѣ,  
Но впередъ стремился яро  
И у Бога только славы  
Онъ просилъ себѣ, какъ дара.

Онъ урусовъ ненавидѣлъ  
И, всегда имъ гибель строя,  
Жилъ онъ жаждой смѣлой мести,  
Упивался шумомъ боя.

Самъ Озермесь, сынъ Эркена,  
Такъ летать надъ вражьемъ станомъ  
Не посмѣлъ бы, какъ Шрухуко,  
Что сравнялся съ Темирханомъ.

Отъ копытъ коня Тагиза  
И отъ свиста грозной стали  
Стѣны древнія Дербента,  
Словно листья, трепетали.

Слышенъ зовъ паши Гассана:  
„Ты, Керзекъ, мой сынъ отнынѣ,  
И навѣки буду славень  
Я въ такомъ отважномъ сынѣ!“

Изъ Стамбула отъ султана  
Седръ-Азамъ зоветъ Шрухуко,  
И везетъ его къ султану  
Золоченая фелука.

Ждутъ Тагиза у Сераля  
Войскъ несмѣтныя дружины.  
Шейхъ-Исламъ встаетъ съ поклономъ;  
Сто арабовъ изъ Медины,

Въ шитыхъ золотомъ бурнусахъ,  
Въ даръ несутъ бойцу Аллаха  
И алмазы, и рубины  
Изъ хранилищъ падишаха.

Но Тагизъ на нихъ не смотритъ,  
Онъ о славѣ лишь ревнуетъ.  
Съ многобашеннымъ Стамбуломъ  
Въ честь его султанъ ликуетъ.

Дни идутъ... Въ душѣ героя  
Думы пчелами роятся...  
Изъ-за моря, издалека  
Все родныя горы снятся...

И спѣшитъ онъ имъ навстрѣчу  
Яркой молніи быстрѣе;  
Здѣсь герою небо чище,  
Воздухъ слаще и милѣе.

Такъ Керзекъ-Тагизъ-Шрухуко  
Съ славой, почестью, дарами,  
Воротился снова въ саклю  
Надъ родимыми горами.

— Славно ты поешь, старый кадаги. Когда тебя слушаешь, точно чьи-то крылья осѣпляютъ душу!

— Я самъ безсиленъ. Аллахъ даетъ намъ и даръ пѣсенъ, и даръ мужества.

Комендантъ не жалѣлъ ничего.

Въ честь гостей, у порога ихъ жилья рѣзали ягнятъ, жарили шашлыкъ... Самоваръ не сходилъ со стола, и чай, величайшее лакомство для горца, кипѣлъ, пока они не улеглись спать. А утромъ былъ торгъ. Сначала Хаджи-Ибрагимъ сдался и, вмѣсто трехъ папахъ золота, соглашался взять одну; потомъ потребовалъ только три папахи серебра и, наконецъ, условился получить одну серебра и двѣ — мѣди. Все это могло быть выполнено только при одномъ условіи: если Сергѣй Лоповъ заявитъ коменданту, что въ плѣну съ нимъ и его сыномъ обращались хорошо. Если же онъ удостовѣритъ въ противномъ, то за него пойдетъ только братъ Хаджи-Ибрагима, а папахи съ серебромъ и чуекъ съ мѣдью не дадутъ. Такъ что, когда лезгинъ вернулся въ аулъ, то онъ первымъ дѣломъ, вмѣстѣ съ „почетнымъ старикомъ“, явился къ плѣнному.

— Ну, Иванъ, твое дѣло мы кончили.

— Ужли?

— Завтра повеземъ тебя!

— Домой?

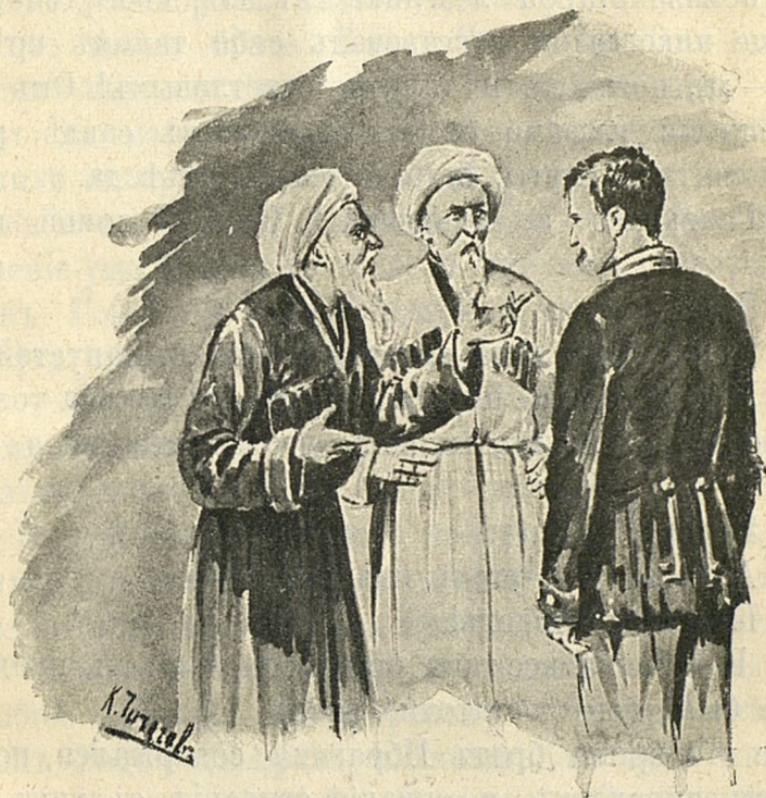
— Къ твоимъ. Только ты вотъ что,—по совѣсти скажи: обидѣли мы тебя чѣмъ-нибудь?

— Нѣтъ.

— Твоего сына тоже?

— Хаять нечего. Дурного мы отъ васъ не видали.

— И хинкалу тебѣ давали, сколько хочешь?



Хаджи-Ибрагимъ съ почетнымъ старикомъ явились къ плѣнному.

— Вѣрно.

— И чурекъ?.. И барановъ рѣзали для тебя?

— По всей правдѣ доказали вы мнѣ свою добродѣтель.

— Ты такъ и коменданту скажешь?

— Ужли же вратъ стану!

— Ну, смотри; иначе твой Богъ тебя накажетъ.

За это время плѣнникъ совсѣмъ выздоровѣлъ. Примочки и мази старой лезгинки сдѣлали свое дѣло, и онъ еще никогда не чувствовалъ себя такимъ крѣпкимъ, — да, пожалуй, и такимъ счастливымъ! Онъ съ увлажненными глазами сидѣлъ у себя въ саклѣ, радостно считая минуты, оставшіяся до отъѣзда.

— Гаврюшка, а, Гаврюшка! Завтра домой поѣдемъ.

— Чую...

— Каши намъ дома сварятъ и щей съ капустой...

— У попа, тятка, пироги вкусные... И Васька тоже, поди, соскучился. А ты вотъ что: драть меня не будутъ?

— За что?

— А за то, что утекъ изъ крѣпости.

— Кто тебя тронетъ!

Но Гаврюшка все-таки безпокоился. Этотъ пунктъ ему не былъ еще достаточно ясенъ.

Все это время братъ Ибрагима содержался подъ строгимъ карауломъ, и никакія свиданія съ нимъ не допускались, какъ это и требовалось правилами того боевого времени. Окончивъ, Хаджи, съ одной стороны, и комендантъ — съ другой, подписали условіе и приложили свои печати. Затѣмъ издали показались изъ аула наши аманаты (заложники), и изъ крѣпости

выѣхали имъ навстрѣчу Хаджи-Ибрагимъ и наибъ со свитой.

Ровно черезъ недѣлю прискакалъ мирный лезгинъ съ предупрежденіемъ, что „русскихъ“ везуть. Немедленно растворили казематъ, выпустили и обрядили во все новое брата Хаджи-Ибрагима. Того все это время кормили на славу, такъ что онъ отяжелѣлъ въ плѣну. Окруживъ его конвоемъ, всѣ проводили за крѣпость, туда, гдѣ кончались наши владѣнія и начинались земли мирнаго аула. Все его населеніе уже собралось туда, въ ожиданіи размѣна плѣнныхъ. Говоръ и шумъ стояли кругомъ, когда вдали вдругъ послышались крики и выстрѣлы.

— Везуть, везуть! — орала толпа, отвѣчая ружейнымъ залпомъ на огонь приближавшихся лезгинъ. — Везуть, везуть... Вонъ, ваши (русскіе)!

Въ серединѣ большого конвоя изъ горцевъ, одѣвшихся возможно торжественнѣе и предводимыхъ Хаджи-Ибрагимомъ, едва можно было различить Сергѣя Лопова и Гаврюшку, возсѣдавшихъ каждый на особой лошади. По горскому этикету, слѣдовало этихъ коней подарить плѣннымъ; но такъ какъ такая щедрость была бы убыточна обѣднѣвшимъ лезгинамъ, то они ночью, наканунѣ отъѣзда, отбили этихъ коней у другою аула, съ которымъ у нихъ значились старые счеты, и была постоянная вражда.

Казаки въѣхали въ живую массу горцевъ навстрѣчу.

Лоповъ издали крестился и плакалъ. Гаврюшка только таращился, стараясь молодцоватѣе держаться въ сѣдлѣ.

Офицеръ, замѣнявшій коменданта, скомандовалъ:

— Полусотня, стой!

Казакѣ остановились.

— Унтеръ-офицеръ Сергѣй Лоповъ!

— Я, ваше высокоблагородіе!

Лезгины вывели его впередъ.

— Поздравляю тебя съ освобожденіемъ. Тебѣ дали именного Георгія.

— Радъ стараться, ваше в—діе!

— Ну, что твой Гаврюшка, здоровъ?

— Что ему дѣлается!

— Ишь... воинъ... Тоже, отца выручать вздумалъ! — замѣтилъ офицеръ, ласково глядя на него.

„Драть не будутъ!“ — рѣшилъ про себя Гаврюшка.

— Онъ и ослобонилъ. Коли бы не малый, — пропадать!

— Комендантъ приказалъ спросить у тебя, какъ съ тобой обращались въ плѣну?

— Хорошо.

— Кормили?

— Исправно содержали.

— Обиды и притѣсненія не было?

— Никакъ нѣтъ. Надо правду говорить, народъ добрый, охаять нельзя.

Плѣннаго лезгина вывели и поставили рядомъ съ Лоповымъ.

— Ну, Хаджи-Ибрагимъ, держи папаху.

Тотъ, хитро улыбаясь, выѣхаль и подставилъ такую папаху, съ такимъ длиннымъ верхомъ, что въ нее бы помѣстилось серебра на пять малыхъ папахъ. Но казачій офицеръ тоже не былъ промахъ.

— Э, да ты, братъ, мошенничать? Это онъ, братцы, нарочно, на случай сшилъ себѣ такую.

— Ловкая шельма! — сочувственно отвѣчали казаки.

— Давай другія папахи!

Хаджи мрачно отложилъ свою и снялъ съ головы у сосѣда другую.

Серебро—мелкое и крупное: абазы, полуабазы, рубли и полтинники посыпались туда. Онъ встряхнулъ папаху, чтобы они лучше укладывались и больше ихъ помѣстилось, и тогда, когда папаха была полна, онъ пересыпалъ ея содержимое въ большую папаху. Затѣмъ ему насыпали двѣ папахи мѣдью. Онъ ее отправилъ туда же, и все-таки въ заготовленной заранѣе папахѣ было еще мѣсто!..

— Ишь, каналья! — смѣялся офицеръ.

Плѣнныхъ размѣняли.

Начался праздникъ, но ни Лоповъ, ни Гаврюшка на немъ не присутствовали. Имъ хотѣлось скорѣе домой. Солдаты стояли на стѣнахъ крѣпости и ждали товарища... Гаврюшка носомъ почуялъ поповскіе пи-

роги... Точно во снѣ, онъ помнилъ потомъ ласковую встрѣчу коменданта и привѣтствія старыхъ съдыхъ воиновъ. Теперъ уже на лозы, выросшія по берегамъ рѣки, онъ смотрѣлъ спокойно! Очевидно, онъ были не для него!..

Къ довершенію его счастья, Васька попался какъ разъ на деревѣ.

Большой ловець щегловъ передъ ихъ приходомъ только что пустился, было, на охоту за однимъ и совсѣмъ увлекся ею, какъ вдругъ внизу онъ различилъ Гаврюшку. Васька замурлыкалъ, съ минуту поколебался, что предпочесть: дружбу охотѣ или — охоту дружбѣ, но благородное чувство взяло верхъ, онъ живо сползъ и подбѣжалъ къ пріятелю, за что тотчасъ же повисъ на собственномъ хвостѣ, захваченномъ дружескою рукой. Убѣдясь такимъ образомъ въ неблагодарности челоуѣчества, онъ вцѣпилъ своими когтями въ Гаврюшку, отмѣтилъ его, какъ слѣдуетъ, и оказался на свободѣ.

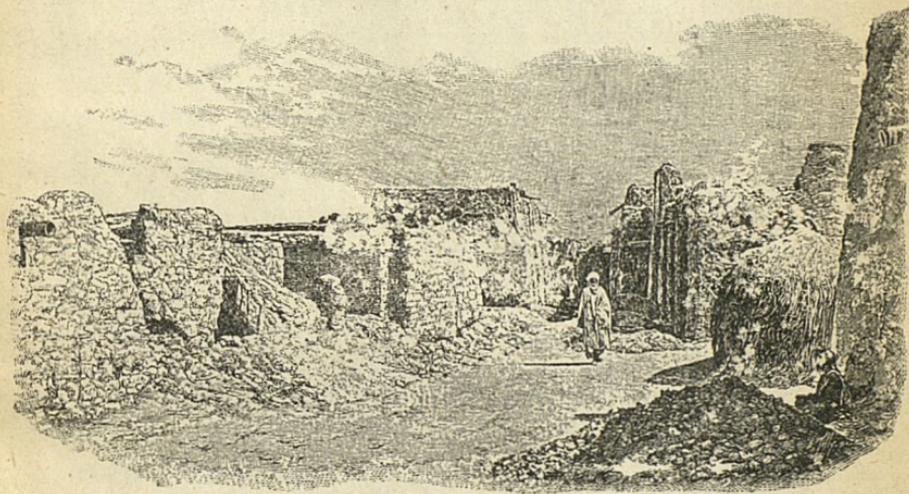
Теперъ, такимъ образомъ, все вошло въ свою колею!..

Крѣпость зажила обычною жизнью, и только Гаврюшка пріобрѣлъ своими приключеніями особенный интересъ, такъ что о немъ даже справлялось начальство по бумагамъ, и какой-то генераль на докладѣ о немъ собственноручно обезпокоился начертать „одобряю“!..

Одобренаго Гаврюшку я видалъ потомъ. Мы вмѣ-

стѣ росли въ этой старой, тоскующей, заброшенной и молчаливой крѣпости...

Тихо шептала мнѣ старья были одинокая чинара, еще тише доносился говоръ струй изъ-за стѣнъ. Солнце и горы... и полное безлюдье кругомъ. Только прошлое все громче и громче говорило въ душѣ, вызывая изъ ея потемковъ свѣтлыя воспоминанія былого.





**НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. Ив. Соколиныя гнѣзда.** Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. Съ рис. К. Чичагова. Ц. 50 к. 8-е изданіе. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, въ ученическія бібліотеки низшихъ училищъ и таковыя же, младшаго и средняго возраста, бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 20366, отъ 17 мая 1912 года).

— **Федька рудокопъ.** Повѣсть. Съ рисунками художника К. Чичагова. Ц. 50 к. 8-е изданіе У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученич., младш. возр., бібліотеки средн. и низш. учебн. заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки. (Отношеніе № 14880, отъ 17 мая 1912 года).

— **Мысейкина хурда-мурда.** Повѣсть изъ послѣдней Русско-турецкой войны. Съ рис. К. Чичагова. Ц. 45 к. 5-е изданіе. У. К. М. Н. П. книга одобрена для ученич., младш. возраста, бібліотекъ сред. и низш. учебн. завед. и допущена въ безпл. читальни. (Отношеніе № 10830, отъ 29 сент. 1905 года). Гл. Упр. В.-Уч. заведеній книга рекомендована для приобрѣтенія въ библ. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I, II, III, IV и V классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1901 года).

— **Самъ себѣ помогай.** Повѣсть. Съ рис. Ц. 51 р. 25 к.

— **Кавказскіе богатыри.** Томъ I. Газаватъ—священная война. 2-е изд. Ц. 60 коп. Тоже. Томъ II. Въ огненномъ кольцѣ. 2-е изд. Ц. 40 к. Тоже. Томъ III.—Побѣда. 2-е изд. Ц. 50 к. У. К. М. Н. П. всѣ три книги допущены въ ученич., старш. и сред. возраста бібліотеки сред. учеб. завед. и въ безплат. народныя читальни и бібліотеки. (Отношеніе отъ 16 дек. 1910 г., № 35159).

— **Подъ небомъ Африки.** Воспоминанія о посѣщеніи садовъ Гесперидъ. Съ рис. 2-е изд. Ц. 60 к. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученическія бібліотеки средняго и старшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки. (Отношеніе № 17661, отъ 29 іюля 1902 года).

— **Повѣсть о похижденіяхъ майора Бобкова.** Ц. 35 коп. 2 изд. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учен. библ. низш. учеб. завед. (Отношеніе № 35207, отъ 11 іюля 1914 года).

— **Что пѣли струны.** Повѣсти и рассказы. Ц. 30 коп.

— **Вѣрочка дома.** Повѣсть. Ц. 40 коп. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учен. библ. низш. уч. зав. (Отн. № 20939, отъ 24 сент. 1907 г.).

— **Мученики Шипки.** Ц. 50 к.

— **Послѣдніе богатыри.** Ц. 50 к.

— **Призывные огни.** Сборникъ стихотвореній для юношества. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. гор. и 2-хл. сельск. учил. и въ безпл. нар. библ. и чит. (Отнош. № 20782, отъ 27 іюня 1911 г.)

— **Береговые пираты.** Съ рис. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. город. и 2-хл. сельск. учил. и въ безпл. народ. библ. и чит. (Отн. № 20788, отъ 27 іюня 1911 г.).

— **Погоня.** Изъ жизни исчезнувшихъ племенъ. Съ рис. худ. И. Гурьева. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. бібліотеки низшихъ учебныхъ заведеній. (Отнош. № 29040, отъ 11 іюля 1913 года).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

# 1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ завед., въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

ЖУРНАЛЪ ДАЕТЪ ВСѢМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ:

**12 книжекъ** журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

**бесплатныхъ приложений.**

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

## 2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

*Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ.*

### ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

„Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) безъ „Педаг. Листка“:	„Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) съ „Педаг. Листкомъ“:
Безъ доставки на годъ . . . . 4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ . . . . 5 р. — к.
Съ доставк. и перес. на годъ 5 „ — „	Съ доставк. и перес. на годъ 6 „ — „
Безъ доставк. на $\frac{3}{4}$ года . . 3 „ 50 „	Безъ доставк. на $\frac{3}{4}$ года . . 3 „ 75 „
Съ доставк. и перес. на $\frac{3}{4}$ года 3 „ 75 „	Съ доставк. и перес. на $\frac{3}{4}$ года 4 „ 50 „
Безъ доставк. на $\frac{1}{2}$ года 2 „ 25 „	Безъ доставк. на $\frac{1}{2}$ года 2 „ 50 „
Съ доставк. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 2 „ 50 „	Съ доставк. и перес. на $\frac{1}{2}$ года 3 „ — „
Безъ доставк. на $\frac{1}{4}$ года 1 „ 15 „	Безъ доставк. на $\frac{1}{4}$ года 1 „ 25 „
Съ доставк. и перес. на $\frac{1}{4}$ года 1 „ 25 „	Съ доставк. и перес. на $\frac{1}{4}$ года 1 „ 50 „

Подписная цѣна на „Педагогическій Листокъ“ (безъ „ЮНОЙ РОССИИ“) ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.

За границу „Юная Россія“ („Дѣтское Чтеніе“) съ „Педагогическимъ Листкомъ“ 8 руб. За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 стран.—40 руб.,  $\frac{1}{2}$  стран.—20 руб

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ, домъ № 18—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногороднихъ: Москва, въ редакцію „ЮНАЯ РОССИЯ“ („Дѣтское Чтеніе“).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

Типо-литографія Русскаго Товарищества Печат. и Издательск. дѣла. Москва.